

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский научный центр

ТРУДЫ
ОБЪЕДИНЕННОГО НАУЧНОГО СОВЕТА
ПО ГУМАНИТАРНЫМ ПРОБЛЕМАМ
И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМУ
НАСЛЕДИЮ
2013



Санкт-Петербург
«НАУКА»
2014

УДК 001
ББК 72г(2)
Т78

Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2013 / Санкт-Петербургский научный центр РАН. — СПб.: Наука, 2014. — 133 с.

ISSN 2313-8092
ISBN 978-5-02-038233-6

Редакционная коллегия:

акад. *Н. Н. КАЗАНСКИЙ* (председатель), *Е. А. ИВАНОВА* (ученый секретарь),
чл.-кор. РАН *В. Е. БАГНО*, чл.-кор. РАН *Е. В. ГОЛОВКО*, *Г. В. ДВАС*,
чл.-кор. РАН *И. И. ЕЛИСЕЕВА*, *Э. И. КОЛЧИНСКИЙ*, акад. *А. В. ЛАВРОВ*,
В. П. ЛЕОНОВ, чл.-кор. РАН *И. П. МЕДВЕДЕВ*, чл.-кор. РАН *С. И. НИКОЛАЕВ*,
чл.-кор. РАН *Е. Н. НОСОВ*, акад. *В. В. ОКРЕПИЛОВ*,
чл.-кор. РАН *М. Б. ПИОТРОВСКИЙ*, *И. Ф. ПОПОВА*,
акад. *И. М. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ*, *Э. А. ТРОПП*, *И. В. ТУНКИНА*,
Т. В. ЧЕРНИГОВСКАЯ, *Ю. К. ЧИСТОВ*

ISSN 2313-8092
ISBN 978-5-02-038233-6

© Санкт-Петербургский научный центр РАН,
2014
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2014

І. БИБЛИОТЕКИ И АРХИВЫ — ИСТОЧНИК РЕАЛИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ ГУМАНИТАРИЕВ

А. С. ЛЫЗЛОВА

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СБОРНИКИ СКАЗОК ИЗ ФОНДОВ НАУЧНОГО АРХИВА КарНЦ РАН

В статье речь идет о нескольких сборниках русских сказок, хранящихся неизданными в архиве КарНЦ РАН. Они были подготовлены к печати сотрудниками Карельского научно-исследовательского Института (ныне Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН) в 30—40-е годы XX в. Содержание двух сборников составляют сказки, записанные на разных территориях Карелии (в Пудожье и Поморье). Позднее они частично вошли в сборники «Русские народные сказки Пудожского края» (Петрозаводск, 1982) и «Русские народные сказки Карельского Поморья» (Петрозаводск, 1974). Еще один сборник посвящен репертуару яркого носителя фольклорной традиции — помора Ф. Н. Свинына; его сказки должны были войти во второй том издания «Сказки Карельского Беломорья», в первом томе которого (в двух книгах) опубликованы тексты, записанные от М. М. Коргуева (Петрозаводск, 1939).

Ключевые слова: русские сказки Карелии, помор Ф. Н. Свинын, М. М. Коргуев.

История собирания и публикации русских сказок Карелии ведет отсчет с середины XIX столетия. В 1860—1870-е годы П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг открыли здесь «Исландию русского эпоса», обнаружив ряд прекрасных исполнителей былин. Эти ученые-собиратели сосредоточили основное внимание именно на эпической поэзии, но уже они упоминали о распространности на данной территории сказок, которые в течение длительного времени оставались «в тени»; первоначально они фиксировались лишь попутно с произведениями других фольклорных жанров и появлялись в небольшом количестве на страницах периодических изданий. «Переломный» момент в отношении к севернорусской сказке произошел в первом десятилетии XX в., он связан с выходом сборника Н. Е. Ончукова, в котором опубликовано более 300 текстов, записанных на территории быв. Олонецкой и Архангельской губерний. В 1920-е годы интерес к фиксации сказок здесь проявили ленинградские ученые А. И. Никифоров и И. В. Карнаухова, которые обследовали прежде всего Заонежье. Немаловажное значение в истории собирания и публикации русских сказок Карелии связано с деятельностью созданного в 1931 г. Карельского научно-исследовательского института (КНИИ), преобразованно-

© А. С. Лызлова, 2013. Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Петрозаводск, Россия.

го позднее в КНИИК — Карельский научно-исследовательский институт культуры (ныне Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН). Начиная с 1930-х годов сотрудники учреждения фиксировали сказки прежде всего в трех основных районах компактного проживания русского населения Карелии: в упоминаемом ранее Заонежье, а также в Поморье и Пудожье.

Территория Карельского Поморья охватывает побережье Белого моря и включает в себя Беломорский, Кемский и Лоухский районы Республики. С момента создания КНИИ сюда почти ежегодно выезжали его сотрудники, а также преподаватели и студенты Ленинградского и Московского университетов, ученые фольклорной комиссии Института этнографии АН СССР. В 1932 г. в Поморье были выявлены два замечательных сказочника. Имя одного из них знакомо любому фольклористу. Это житель с. Кереть Лоухского района Матвей Михайлович Коргуев (1883—1943), честь «открытия» которого принадлежит А. Н. Нечаеву, позднее зафиксировавшему от данного носителя фольклорной традиции 115 текстов. В 1939 г. собиратель выпустил в свет два больших тома сказок М. М. Коргуева,¹ включающих 78 наименований, 29 из которых вошли в первую книгу, остальные 49 — во вторую. В приложении помещено еще восемь вариантов сказок и две былины. Сборник снабжен обширным научным аппаратом (вступительная статья, подробные комментарии, словарные пояснения), а общий объем издания составляет почти 1400 страниц.

Полное название данного фольклорного собрания звучит следующим образом: «Сказки Карельского Беломорья. Т. 1. Сказки М. М. Коргуева». Предполагалось, что во втором томе будут помещаться тексты, зафиксированные в то же время от другого помора — жителя с. Сумский Посад Федора Николаевича Свиньина (1879—1946). 64 его сказки составляют содержание коллекции № 32 русского фонда Научного архива КарНЦ РАН.²

В 1937 г. поморский краевед И. М. Дуров, автор «Словаря живого поморского языка», писал, что «сказки (Свиньина. — А. Л.), записанные фольклорной секцией Карельского научно-исследовательского института, в скором времени выйдут из печати в нескольких томах».³ В НА КарНЦ РАН хранится рукопись сборника избранных сказок Свиньина, подготовленного сотрудниками О. В. Большаковой и В. Р. Дмитриченко в 1941 г., куда вошло всего 13 текстов.⁴ Отдельные произведения отличаются очень большим объемом — 30—50 с. В сборнике имеется достаточный научный аппарат: обширная вступительная статья составителей, комментарии к текстам, общий список сказок из репертуара исполнителя, где учтено 182 наименования. В кратком слове «От составителей» уточняется, что «настоящее издание сказок Ф. Н. Свиньина является научно-популярным, рассчитанным на самый широкий круг читателей».⁵ Научным редактором сборника выступил известный фольклорист, проф. Н. П. Андреев, составивший ранее «Указатель сказочных типов по сис-

¹ Сказки Карельского Беломорья. Т. 1: Сказки М. М. Коргуева.

² Далее в тексте НА КарНЦ РАН.

³ Дуров И. М. Хранитель народного творчества Поморья. Сказочник Ф. Н. Свиньин // Беломорская трибуна. 1937. 18 февраля. № 18. С. 3.

⁴ Избранные сказки Ф. Н. Свиньина / Подг. текстов, вступ. ст. и коммент. О. Г. Большаковой и В. Р. Дмитриченко — НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 39, ед. хр. 8. 1941 г.

⁵ Там же. Л. 2.

теме Аарне». Рецензию на рукопись написал М. К. Азадовский; в ней он высказал ряд замечаний, касающихся подготовки текстов к публикации, комментариев к ним и вступительной статьи. Свой отзыв ученый закончил словами: «Сказки Свиньи́на, думается мне, нуждаются в более ином, более академическом и более монументальном оформлении; это должно быть издание, которое могло бы и с внутренней, и с внешней стороны стать рядом с двумя изданиями Института, заслужившими ему известность и славу, — „Сказками Коргуева” и „Сказками Господарёва”». ⁶ Последний из названных сборников был издан в Петрозаводске в 1941 г. ⁷ В нем представлен сказочный репертуар Филиппа Павловича Господарёва, который до 40 лет жил в Белоруссии и после участия в крестьянском восстании был пожизненно сослан в быв. Олонецкую губернию. Вторую половину жизни он провел в Петрозаводске, работая несколько лет на Онежском заводе. Данное издание не менее значимо по своей ценности, чем сборник Коргуева, но имеет чуть меньший объем — 660 с. А вот сборник «Избранные сказки Ф. Н. Свиньи́на» так и не был издан. Трудно сказать, что этому помешало: начавшаяся война или отзыв М. К. Азадовского, призывающий к монументальности и академичности. Кроме того, язык сказок Свиньи́на отличался, по мнению ученых, излишней литературностью, потому что он был грамотным, и многие тексты, записанные от него, имеют своим источником лубочные и авторские произведения, а также сказки из любимой книги «Тысяча и одна ночь». До самой своей смерти Ф. Н. Свиньи́н ждал выхода сборника своих сказок, о чем в марте 2013 г. сообщила нам его внучка Ф. А. Бровченко, проживающая в с. Сумский Посад.

Выявление таких талантливых сказочников, как Коргуев и Свиньи́н, способствовало тому, что в 1938 г. КНИИК организовал специальный отряд по собиранию поморских сказок, в состав которого входили студенты Ленинградского университета (Н. Н. Алексеев, Е. Я. Ленсу, Л. В. Хайкина, М. А. Шнеерсон), а руководителем стала студентка И. М. Колесницкая. Отряд исследовал Беломорский район Карелии, его основные населенные пункты: Вирму, Колежму, Сумский Посад, Сухонаволоцкое, Пертозеро и г. Беломорск (быв. г. Сорока). Материалы, записанные отрядом, хранятся в НА КарНЦ РАН и являются наиболее крупным собранием сказок с территории Карельского Поморья, включающим около 150 текстов; они составляют содержание коллекции № 29 русского фонда НА КарНЦ РАН. На основании полученных записей в 1939 г. был подготовлен сборник «Поморские сказки», составлением которого занимались И. М. Колесницкая и М. А. Шнеерсон. Планировалось, что это будет третий том издания «Сказок Карельского Беломорья», продолжающий сборники Коргуева и Свиньи́на, однако рукопись погибла во время войны. Неполный экземпляр этого собрания сохранился в НА КарНЦ РАН. ⁸ Судя по оглавлению, в нем должно было быть опубликовано 52 текста, записанных от 17 носителей фольклора в шести названных ранее поселениях. Однако в имеющейся в нашем распоряжении рукописи представлено всего лишь 13 сказок шести исполнителей. Между тем сборник открывается чрезвычайно

⁶ Азадовский М. К. Отзыв о книге «Сказки Свиньи́на» // Там же. С. 2.

⁷ Сказки Филиппа Павловича Господарёва / Под общ. ред. Н. П. Андреева, запись текстов, вступ. ст., примеч. Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941.

⁸ Поморские сказки / Подг. И. М. Колесницкая и М. А. Шнеерсон — НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 39, ед. хр. 11. 1939 г.

подробной вступительной статьей составителей «Поморские сказки», где дается историческая справка о заселении края, содержатся сведения о жизни народа (прежде всего о морском и лесном промыслах), об условиях бытования сказочного жанра, особенностях записанных здесь текстов, касающихся сюжетного состава, тематики, языковой специфики. Общий объем статьи составляет 40 машинописных страниц. Помимо незначительного количества сказок в этой рукописи содержатся примечания к каждому из 52 текстов, включающие идентификацию по сравнительному указателю сюжетов Аарне — Андреева, краткое содержание; кроме того, имеются биографические характеристики об 11 исполнителях фольклорных произведений, отличающиеся большей или меньшей подробностью. К примеру, сведениям о П. Я. Никонове отводится шесть машинописных страниц, а характеристика Ф. В. Поповой вмещается в несколько предложений: «Фатима Васильевна — местная активистка, заведующая избой-читальней, организатор хорового кружка в Вирьме. Ей 26 лет, она грамотная, любит читать. Знает много сказок, все они — анекдотические, причем героем их всегда является Иван-дурак. Сказки рассказывает и теперь подругам и ребятам».⁹

Сборник не был издан после войны. Почти 20 лет спустя три сказки из названной рукописи вошли в состав научно-популярного собрания «Перстенок — двенадцать ставешков», подготовку которого осуществил К. В. Чистов и опубликовал в Петрозаводске в 1958 г.¹⁰ Два текста были записаны от П. Я. Никонова в с. Сухонаволоцкое: «Заколдованное царство» (СУС 402 Царевна-лягушка) и «Золотой мужичок» (СУС 502 Медный лоб), а третья сказка «Наплот-молодец» (СУС 519 Слепой и безногий) сообщена жителем с. Сумский Посад Н. Д. Клевиным.

Подготовленные к печати еще в 30-е годы поморские сказки частично вошли в опубликованный в 1974 г. в Петрозаводске академический сборник «Русские народные сказки Карельского Поморья», составленный сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН Т. И. Сенькиной и А. П. Разумовой, а редактором его стала И. М. Колесницкая.¹¹ Из 13 сохранившихся текстов собрания 1939 г. в указанном издании помещено семь, из 52 упоминающихся в содержании первого сборника сказок опубликована 21 (часть из них под другими заглавиями), а из 17 исполнителей представлено 12.¹² Сведения обобщены в табл. 1.

К сожалению, не вошли в состав академического издания сказки, записанные в Пертозеро, где находилась крупнейшая в Поморье старообрядческая община; эти тексты отмечены лишь в сводной «Описи коллекций текстов сказок Карельского Поморья из Архива КФ АН СССР», учитывающей материалы до 1968 г.¹³

⁹ Поморские сказки... Л. 222 с.

¹⁰ Перстенок — двенадцать ставешков / Сост., вступ. ст., коммент. К. В. Чистова. Петрозаводск, 1958.

¹¹ Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1974.

¹² В сборнике 1939 г. обнаружилась ошибка: сказка «Поп, дьякон и пономарь» была записана в с. Вирма не от Петра Ивановича Мартынова, а от Дмитрия Владимировича Филатова; неточность была устранена в сборнике 1974 г.

¹³ Опись коллекций текстов сказок Карельского Поморья из архива Карельского филиала АН СССР // Русские народные сказки Карельского Поморья... С. 401—402.

Таблица 1

«Поморские сказки», 1939 г. (план)	«Русские народ- ные сказки Карельского Поморья», 1974 г.	«Поморские сказки», 1939 г. (план)	«Русские народ- ные сказки Карельского Поморья» 1974 г.
<i>Беломорск (Сорока)</i> <i>Парамонова Марфа Семеновна</i>		<i>Привалов Егор Сафронович</i>	
Сказ о том, как М. С. Парамонова на Красную площадь попала	—	Жар-птица	—
		Про Нестера*	+
		Про Ивана-Сосновца	+
		Ондрей-стрелец	[Пойди туда, не знаю куда]
<i>Сухонаволоцкое (Сухой Наволок)</i> <i>Никонов Петр Яковлевич</i>		<i>Нетужилов Михаил Онуфриевич</i>	
Три царства*	(Молодильные яблоки)	Про попа	—
Заколдованное царство*	+	То же	[Мужик в роли попа]
Золотой мужичок	—	Сила зверь	—
<i>Вирьма (Вирма)</i> <i>Филатов Михаил Владимирович</i>		<i>Рохмистова Ефимья Васильевна</i>	
Барсуков	—	Про брата и сестру	—
Зеркальце о двенадцати винтиках	—	Гороховая дорожка	[Жених-разбойник]
Никифорово чудо	+	Про Ивана дурака	—
		Золотая рыбка	+
		Волк и лиса	—
		Курица	+
		Старуха и звери	+
		Про попа	—
		—	Про другу мать
<i>Мартынов Петр Иванович</i>		<i>Никитина Анна Семеновна</i>	
Поповский жеребенок	(Попов жеребенок)	Рак Ракович	—
Поп, дьякон да пономарь	+	Двенадцать диких лебедей	—
—	Ляганье и дрыганье	Про Зарю царевича	—
<i>Попова Фатима¹⁴ Васильевна</i>		<i>Житнин Толя</i>	
Иванушка-дурак	+	Соль	—
—	Про дьячка	<i>Колежма</i>	
<i>Сумский Посад</i> <i>Бахилев Николай Александрович</i>		<i>Сопунова Анна Тимофеевна</i>	
Про Иванушка Пастушка	—	Как брат сестре руки, ноги отсек	+
Про Короля Султана	—	Про царя Берендея	—
Поп и Сенька работник	+	Как за лешего замуж выдали	—
Охотник	—	Отдай, чего дома не знаешь	—
<i>Клевин Никифор Дмитриевич</i>		<i>Сопунова Анна Тимофеевна</i>	
Вавилонское царство*	+	Три имени (Утро, Вечер, Заря) и Елена Прекрасная	—
Наплот царевич*	+		
Про Алешу Поповича	—		
Василиса Премудрая*	+		
Пойди и не бойся*	[Добрые советы: три слова]		

¹⁴ В сборнике 1974 г. имя исполнительницы — Фатина.

Таблица 1 (продолжение)

«Поморские сказки», 1939 г. (план)	«Русские народ- ные сказки Карельского Поморья», 1974 г.	«Поморские сказки», 1939 г. (план)	«Русские народ- ные сказки Карельского Поморья» 1974 г.
Трое леших	—	<i>Скворцова Елена Петровна</i>	
Как мужик на том свете был	—	Али-баба и сорок раз- бойников	—
Как три сына отца корми- ли	—	<i>Пертозеро Валдаев Максим Фомич</i>	
<i>Егоров Степан Павлович</i>		Соломон	—
Чудесная птица	+	Морская царевна	—
Купленная жена	—	<i>Плеханов Гриша</i>	
		Иван-царевич	—

Примечание. Звездочкой помечено семь изданий сохранившихся текстов собрания 1939 г. из 13.

С 1930-х годов началось систематическое собирание сказок и в Пудожье, где уже в первые два десятилетия существования КНИИ побывали не менее 15 экспедиций. Подготовкой сборника «Фольклор деревни Семеново (Пудожский район)», куда должны были войти и сказки, занималась в конце 30-х годов сотрудник института А. В. Белованова,¹⁵ но война внесла коррективы в эти планы. В самом конце 40-х годов та же исследовательница возобновила работу по составлению сборника, в котором на этот раз были представлены только произведения сказочного жанра, накопленные к тому времени в архиве. Были подготовлены к изданию 62 пудожские сказки, но они не были опубликованы.¹⁶ Большинство записей принадлежит самому составителю сборника, которая начала собирать сказки в указанном районе еще в предвоенные годы и продолжила эту работу после окончания войны. Объем хранящейся в НА КарНЦ РАН рукописи сборника составляет 547 машинописных листов. Помимо текстов в нем имеются краткие рукописные примечания на шести листах, содержащие сведения о месте и времени записи, исполнителе, сюжетном типе и вариантах; другой научный аппарат отсутствует. При сопоставлении подготовленных сказок и примечаний выяснились некоторые несоответствия. К примеру, в сборнике не были обнаружены сказки, записанные от А. А. Портнягина, а его примечания к четырем текстам имеются; зато есть три других сказочных произведения, примечания к которым отсутствуют. Скорее всего, работа над сборником не была завершена.

10 пудожских сказок, подготовленных для печати А. В. Беловановой, вошли позднее в упоминаемый ранее научно-популярный сборник К. В. Чисто-

¹⁵ См.: *Комелина Н. Г.* Советская фольклористика в отдельно взятой республике. Отдел фольклора в Карельском научно-исследовательском институте культуры в 1939—1941 гг. (по материалам архива А. Д. Соймонова) // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры. Матер. Междун. науч. конф., посвящ. 160-летию полного изд. «Калевалы». Петрозаводск, 2010. С. 549 (сноска).

¹⁶ Пудожские сказки / Подг. А. В. Белованова — НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 45, ед. хр. 77. 1946—1949 гг.

ва, опубликованный в Петрозаводске в 1958 г.: четыре текста записаны от жителя г. Пудож Ф. Ф. Кабренова («Иван-дурак и перстенок — двенадцать ставешков»,¹⁷ «Про Нестера», «Страх-богатырь», «Про одного солдата»), две сказки рассказаны Ф. М. Ефимовым из д. Ранина Гора («Про попа», «Про Улиту да Микиту»), по одному варианту сообщили Я. В. Никитин из д. Навзима («Охотник»), А. М. Пашкова («Строй») и И. П. Савинкова («Иван-княженецкий сын») из д. Семеново, Е. В. Кокунова («Про белого царя») из д. Колово.

В 1982 г. в Петрозаводске вышел академический сборник «Русские народные сказки Пудожского края», подготовленный А. П. Разумовой и Т. И. Сенькиной.¹⁸ Здесь имеются и некоторые тексты из неопубликованного собрания А. В. Беловановой. Что касается исполнителей сказок, то все 9 человек из первого сборника представлены во втором; разночтения обобщены в табл. 2.

Таблица 2

«Пудожские сказки», 1949 г.	«Русские народные сказки Пудожского края», 1982 г.	«Пудожские сказки», 1949 г.	«Русские народные сказки Пудожского края», 1982 г.
<i>Кабренов Федор Федорович</i>		<i>Дмитриев Осип Иванович</i>	
Отец и три сына	Про старика и трех сыновей ¹⁹	О Светлане	—
Иван-дурак и перстенок о 12 ставешках	—	Про богатыря царя Перегара	+
Девка — пан богатырка	—	Про Любодея	—
Про Ивана Бур-коровера	—	Про крестьянина	—
Страх-богатырь	+	—	Про Бан-царицу, огненную колесницу
Два мастера, один золотых дел, другой — деревянных	+	<i>Никитин Яков Васильевич</i>	
Про мужа, жену и попа	—	Андрей Первозванный	+
Про Нестера	—	Старик и ветры	—
Про Романа	—	Охотник	—
Про Ваньку-мана	—	Про неграмотного попа	—
Происхождение одного солдата	—	<i>Портнягин Александр Андреевич</i>	
Иван-лакей	—	Про Ивана Запечельника	—
—	Медведь и лиса	Семилетка	—
—	Про волшебную мельницу	/Федор Кудрявый/	—
—	Иван-царевич и Кощей бессмертный	Молодильные ягоды /Братец и сестрица/	[В подводном царстве]
—	Два брата, нужный и богатый	Загадки	—
		Про Симана Иовлевича	—

¹⁷ С этой сказкой связано название подготовленного К. В. Чистовым сборника.

¹⁸ Русские народные сказки Пудожского края / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1982.

¹⁹ Этот текст является повторной записью сказки «Отец и три сына», появившейся в 1955 г., через 7 лет после первой фиксации в 1948 г.

Таблица 2 (продолжение)

«Пудожские сказки», 1949 г.	«Русские народные сказки Пудожского края», 1982 г.	«Пудожские сказки», 1949 г.	«Русские народные сказки Пудожского края», 1982 г.
Поп и работник Дороня —	— — [Царская собака]	Про попа Исповедь попа Про бедного и бога- того	— — —
<i>Савинкова Ирина Павловна</i>			
Вшивый кундюк	+	Про Улиту да Микиту	+
Про попа	+	Ловкий солдат	[О хитрых и лов- ких людях]
Иван—княженецкий сын	—	Про вора —	— Про Нестера
Кок-мастер	—	<i>Павков Михаил Андреевич</i>	
Про Марью-царевну	—	Протупей-прапорщик	—
Вехорь-вехорек	Ветер-вехорек	Про царя Матвея	—
Нужда да горе	+	Михайла Сахин	—
Про петуха и курицу	—	Беспечальный мона- стырь	—
Медведь	—	—	Зорька-молодец
Про лапоток —	Про мужика да ба- бицу	—	(Илья и Никола)
—	Про смертушку	<i>Зайцев Василий Алексеевич</i>	
—	Про кота-пахаря	Царь Салтан	—
—	Про Фомушку	Про царя Берендея	+
—	Небылица	Сказка об Иване-ца- ревиче, сером волке и Елене Прекрас- ной	—
<i>Пашкова Анна Михайловна</i>			
Водяник и лесовик	+	Золотая головка	—
Строй	+	<i>Кокунова Евдокия Алексеевна</i>	
Небо падет	+	Иван-шлячок	—
Петушок и курушка	+	Про ерша	—
—	[За скалочку гу- сочку]	Сказка о Елисее	—
—	Об ерше	Про белого царя	—
<i>Ефимов Федор Михайлович</i>			
Про батюшка	—	—	Об Иване-запе- ченнике

Итак, в Научном архиве КарНЦ РАН хранится несколько неопубликованных сборников русских сказок, подготовленных к печати в 30—40-е годы XX в. Содержание двух из них составляют тексты, записанные на разных территориях Карелии (в Пудожье и Поморье). Позднее они частично вошли соответственно в сборники «Русские народные сказки Пудожского края» (Петрозаводск, 1982) и «Русские народные сказки Карельского Поморья» (Петрозаводск, 1974). Кроме того, некоторые сказки из архивных собраний были включены в научно-популярный сборник К. В. Чистова. При этом количество опубликованных впоследствии поморских сказок из сборника 1939 г. составляет почти 2/3 текстов, пудожских сказок из сборника 1949 г. — 1/3. Еще один неизданный сборник посвящен репертуару яркого носителя фольклорной тра-

диции — помора Ф. Н. Свиньина, единичные сказки которого публиковались лишь в периодических изданиях в конце 30-х—начале 40-х годов XX в. Эти собрания относятся к неизвестным страницам в истории фольклористики Карелии и, безусловно, заслуживают того, чтобы о них знала широкая аудитория, а сказки, по сей день являющиеся частью архива, достойны быть изданными.

ЛИТЕРАТУРА

- Комелина Н. Г.* Советская фольклористика в отдельно взятой республике. Отдел фольклора в Карельском научно-исследовательском институте культуры в 1939—1941 гг. (по материалам архива А. Д. Соймонова) // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры (Матер. Междун. науч. конф., посвященной 160-летию полного издания «Калевалы»). Петрозаводск, 2010.
- Опись коллекций текстов сказок Карельского Поморья из архива Карельского филиала АН СССР // Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1974. С. 401—402.
- Перстенек — двенадцать ставешков / Сост., вступ. ст., коммент. К. В. Чистова. Петрозаводск, 1958.
- Русские народные сказки Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1974.
- Русские народные сказки Пудожского края / Сост. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1982.
- Сказки Карельского Беломорья. Т. 1. Сказки М. М. Коргуева / Записи, вступ. ст. и коммент. А. Н. Нечаева. Кн. 1, 2. Петрозаводск, 1939.
- Сказки Филиппа Павловича Господарёва / Под общ. ред. Н. П. Андреева, запись текстов, вступ. ст., примеч. Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941.

A. C. Lyzlova

UNPUBLISHED COLLECTIONS OF FAIRY TALES FROM THE SCIENTIFIC ARCHIVES OF KarRC RAS

In the Scientific archive KarRC RAS stored several collections of Russian fairy tales, which have remained unpublished. They were prepared for printing by the staff of the Karelian research Institute (now the Institute of language, literature and history, KarRC RAS) in 30—40-ies of XX century. Contents of two collections make up tales, written in different territories of Karelia (in Pudozh and Pomorye). Later they became a part respectively in the collections of «Russian folk tales Pudozh region» (Petrozavodsk, 1982) and «Russian folk tales Karelian Pomorye» (Petrozavodsk, 1974). Another book is dedicated to the repertoire of bright media folk traditions of Pomor F. N. Svinyn. These tales were supposed to go in the second volume of the edition of «Tales of the Karelian Belomorye», in the first volume of which (in two volumes) published the texts recorded from M. M. Korguev (Petrozavodsk, 1939).

Keywords: Russian tales Karelia, folklore, Pomor F. N. Svinyn, M. M. Korguev.

LITERATURA

- Komelina N. G.* Sovetskaya fol'kloristika v otдел'no vzyatoj respublike. Otdel fol'klora v Karel'skom nauchno-issledovatel'skom institute kul'tury v 1939—1941 gg. (po materialam arkhiva A. D. Sojmonova) // «Kalevala» v kontekste regional'noj i mirovoj kul'tury. (Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posvyashhennoj 160-letiyu polnogo izdaniya «Kalevaly»). Petrozavodsk, 2010.
- Opis' kolleksij tekstov skazok Karel'skogo Pomor'ya iz arkhiva Karel'skogo filiala AN SSSR // Russkie narodnye skazki Karel'skogo Pomor'ya / Sost. A. P. Razumova, T. I. Sen'kina. Petrozavodsk, 1974. S. 401—402.
- Perstenek — dvenadtsat' staveshkov / Sost., vstup. stat'ya, komment. K. V. Chistova. Petrozavodsk, 1958.
- Russkie narodnye skazki Karel'skogo Pomor'ya / Sost. A. P. Razumova, T. I. Sen'kina. Petrozavodsk, 1974.
- Russkie narodnye skazki Pudozhskogo kraja / Sost. A. P. Razumova, T. I. Sen'kina. Petrozavodsk, 1982.
- Skazki Karel'skogo Belomor'ya. T. 1. Skazki M. M. Korgueva / Zapisi, vstup. stat'ya i komment. A. N. Nechaeva. Kn. 1, 2. Petrozavodsk, 1939.
- Skazki Filippa Pavlovicha Gospodaryova / Pod obshh. red. N. P. Andreeva, zapis' tekstov, vstup. stat'ya, primechaniya N. V. Novikova. Petrozavodsk, 1941.

О. В. ШАБАЛИНА

**МАТЕРИАЛЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ФОНДОВ
В. В. ЧАРНОЛУСКОГО, Я. А. КОМШИЛОВА
МУЗЕЯ-АРХИВА ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ
ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА ЦГП КНЦ РАН
КАК ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ**

В статье представлены материалы персональных фондов В. В. Чарнолуского, Я. А. Комшилова Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН как источники по истории этнографических исследований на Северо-Западе. Комплекс потенциальных исторических источников характеризует этнографические методы и приемы изучения быта, культуры и хозяйства жителей Европейского Севера России 20—30-х годов XX в.

Ключевые слова: персональные фонды, источники по истории этнографических исследований на Северо-Западе России.

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра Российской академии наук хранит и экспонирует документальные материалы персональных фондов и коллекций отечественных ученых, деятелей науки, чьи научные интересы были связаны с Европейской Арктикой и Субарктикой. Формирование документальных и предметных комплексов происходило за счет инициативного комплектования, пополняясь из семейных архивов и собраний. В настоящее время фонды и экспозиции Музея-Архива отражают не только физическую и научную биографии, вклад в развитие науки персоналий-фондообразователей (на микроуровне), но и историю региональной науки в целом, ее отдельных направлений, эволюцию ее институтов, форм научно-исследовательской деятельности на фоне конкретно исторических и общественных условий (на макроуровне).

Наиболее востребованными, как показала практика, продолжают оставаться материалы фондов этнографов и историков-краеведов, изучавших севе-

© О. В. Шабалина, 2013. Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН. Апатиты, Россия.

ро-западный регион России в начале XX в., в том числе В. В. Чарнолуского и Я. А. Комшилова.

В фондах этих персоналий отложились биографические документы, творческие материалы, первичные материалы этнографических экспедиций, куда вошло большое количество изобразительных документов — рисунков, фотографий, поскольку оба фондообразователя были выпускниками Центрального училища технического рисования барона А. Л. Штиглица. Нам хотелось бы представить эти фонды в аспекте возможности использования их единиц хранения в качестве источников по истории этнографических исследований на Северо-Западе России.

Известный этнограф, исследователь культуры, быта и хозяйства саамов Кольского полуострова В. В. Чарнолуский был одним из первых студентов этнографического отделения Петроградского Географического института, готовившего специалистов-этнографов для практической работы на местах, «своеобразных миссионеров новой культуры и советской государственности».¹ В 1922 г. Чарнолуский работал в студенческой научной экспедиции на п-ове Канин по изучению оленеводства у ненцев. Собранные материалы были обработаны в 1926 г. и представлены в виде «Карты кочевок ненцев на п-ове Канин» в Комиссию по изучению племенного состава населения СССР (КИПС).

В этом же году Владимир Владимирович был зачислен старшим научным сотрудником Лопарской экспедиции Государственного географического общества, возглавляемой проф. Д. А. Золотаревым, где занимался изучением лопарского оленеводства и быта лопарей (саамов). Впоследствии Лопарская экспедиция стала частью Кольской экспедиции АН СССР, руководимой А. Е. Ферсманом. Чарнолуский, работая в ней, собрал сведения об этническом составе населения, занятиях, типах жилищ.

На собранном материале он написал книгу «Материалы по быту лопарей. Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова», изданную в 1930 г. В 1931—1932 гг. Чарнолуский был научным сотрудником Оленеводческого института ВАСХНИЛ. В 1933—1935 гг. Всесоюзный арктический институт направил В. В. Чарнолуского на Терский берег Кольского полуострова для изучения местных промыслов, а в 1936 г. фольклорная секция Союза писателей СССР поручила ему записать фольклор кольских саамов. В 1938 г. Владимир Владимирович был арестован и осужден по 58-й статье УК РСФСР — контрреволюционные преступления. После Каргопольлага, лагерей на Урале в 1943—1945 гг. работал в трудармии (Куйбышевская область) в должности пастуха — пос. Снегири под Москвой. Вплоть до выхода на пенсию в 1958 г. Чарнолуский не смог вернуться в науку и заниматься любимым делом, зарабатывал на жизнь оформительством в подмосковном Пушкине. Лишь в конце 1950-х годов Владимир Владимирович стал восстанавливать прежние научные связи: интересовался исследованиями, ведемися по саамам, и обращался к обширному личному архиву.

Исполнив свою мечту — еще раз побывать у саамов Кольского полуострова, — ослабленный болезнью сердца Чарнолуский нашел в себе силы закончить книгу, в которой фактически в художественной форме описывает то, что увидел и услышал на Саамской земле в 20—30-х годах XX в., в пору своей ак-

¹ *Итс Р. Ф.* Введение в этнографию. 167 с.

тивной научной полевой деятельности, и в 1961 г. — во время трехнедельной поездки в с. Ловозеро от Союза писателей СССР. Книга получила название «В краю летучего камня» и вышла в свет в 1972 г., после смерти автора.² Разделяя твердые убеждения В. Г. Богораза, что «этнография не живет в кабинетах (...) она живет в полевой работе» и что «каждый этнограф должен быть немногим художником, иначе он не поймет чужую культуру»,³ Владимир Владимирович отправлялся в экспедиции, не выпуская карандаш и фотоаппарат из рук. Поэтому это издание изобиловало рисунками и фотографиями, сделанными им самим. Позднее многие из них попали в фонд этнографа в Музее-Архиве истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН.

В соответствии с завещанием личный архив Владимира Владимировича Чарнолуцкого после его смерти 16 марта 1969 г. был передан Мурманскому Краеведческому музею. Но организаторы нашего Музея-Архива, зная об этом факте, не сомневались в том, что помимо тех документов, что уже были отданы, в семье остались материалы, прошедшие своеобразную «внутрисемейную» экспертизу ценности, после которой вдова и сын Чарнолуцкого сочли необходимым хранить их у себя. И после определенной работы в 1974 г. Музей-Архив уже принял на постоянное хранение персональный фонд В. В. Чарнолуцкого, содержащий творческие материалы — биографические, изобразительные, переписку, фотографии (рис. 1).

Наиболее информативными видами потенциальных исторических источников, которые отложились в данном фонде, являются эпистолярные и изобразительные документы. Особенно интересен альбом, где В. В. Чарнолуцкий с юмором и достойной уважения самоиронией выразительно зафиксировал методы и приемы полевой работы этнографа. Большая часть альбома (94 листа) посвящена Канинско-Чешской студенческой экспедиции 1922 г.⁴ Остальные 17 рисунков сделаны в разные годы, начиная с 1927 по 1931 г., во время полевых исследований культуры, быта и хозяйства саамов Кольского полуострова (рис. 2, 3).

Не менее информативны натурные зарисовки северной природы, этнографические зарисовки (портреты местных жителей, внешний вид и внутреннее пространство жилищ автохтонов, различная утварь, оленья упряжь и сани)⁵ (рис. 4—7). Данный тип потенциальных исторических источников может быть сопоставим и является семантически смежным с вещественными и письменными источниками. Рисунки создают выразительную и очень эмоциональную картину событий прошлого, дополняющих сведения, которые содержатся, например, в биографических материалах, во многих случаях значительной формализованных.

Переписка В. В. Чарнолуцкого с редактором журнала «Советский Север» при Комитете содействия народам северных окраин Езекилем Давидовичем Кантором, датируемая 1934—1935 гг., дает представление о том, как велась в эти годы работа по подготовке к изданию сборника научных трудов.

² Лукьянченко Т. В. В. В. Чарнолуцкий: певец Земли Саамской. С. 139—140.

³ Гаген-Торн Н. И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии). С. 139—140.

⁴ Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1118. Л. 1—111.

⁵ Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 333, 336—338; ОФ 330, 332; НВФ 1113—1117; ОФ 339—341.

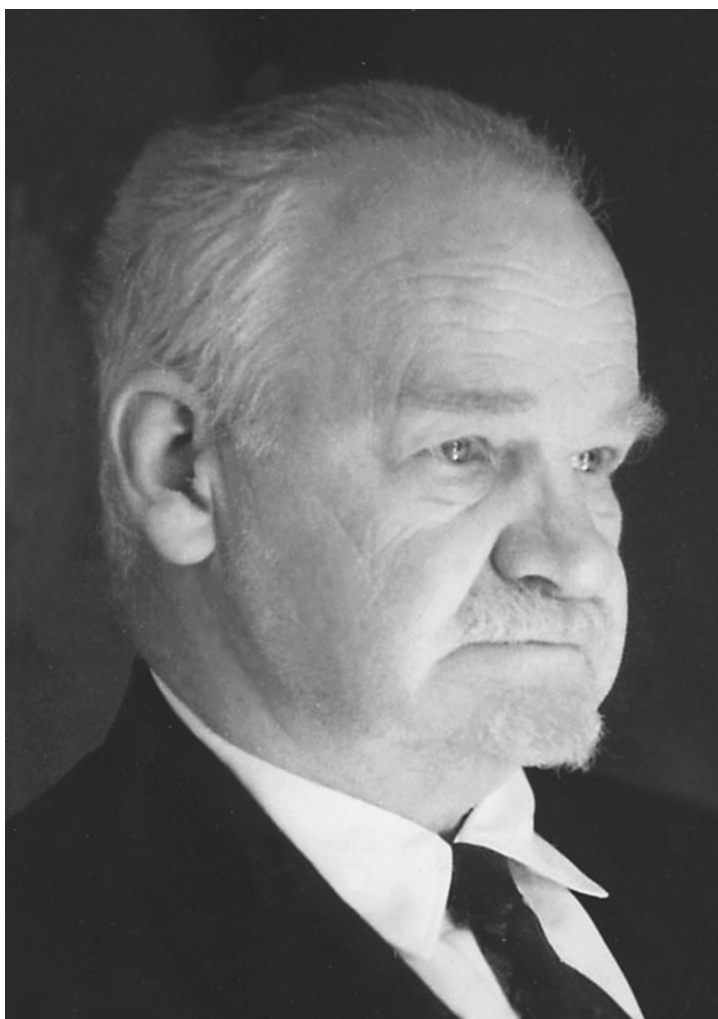


Рис. 1. В. В. Чарнолуский. 60-е годы XX в. Фотопортрет. Музей-Архив КНЦ РАН. ОФ 6.

В письмах, написанных с 1964 по 1969 г. В. В. Чарнолуским М. Н. Михайлову — историку-краеведу, первому директору Мурманского областного музея, редактору многих публикаций этнографа, — содержатся сведения о научных интересах Владимира Владимировича, его «стиле» и методах полевой работы этнографа. По времени написания они относятся к заключительному периоду работы Чарнолуского над своей последней книгой «В краю летучего камня». Эти документы также свидетельствуют о жизни ученого-этнографа на пенсии. О том, как, будучи тяжело больным, он продолжал обрабатывать свои путевые записки, полевые материалы, собранные в экспедициях на Кольский полуостров, интересовался современной жизнью народа саами, сокрушаясь о том, что изучить ее полевыми методами уже не в силах.⁶

⁶ Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 11, л. 1—2; ОФ 18, л. 1; НВФ 5, л. 1.



Рис. 2. Автор, не поддающийся карикатурным изображениям, 1922. Автор В. В. Чарнолуцкий. Музей-Архив КНЦ РАН. НВФ 1118, л. 1.

И еще один фонд, материалы которого являются потенциальными историческими источниками по теме, — это персональный фонд Комшилова Якова Алексеевича — человека неоднозначной противоречивой судьбы, известного в качестве секретаря Общества по изучению Мурманского края в 20-х годах XX в., исследователя, занимавшегося изучением материальной культуры и фольклора саами (рис. 8). К сожалению, в опубликованных источниках практически не представлены такие стороны его деятельности, как работа в органах юстиции с 1919 по 1945 г., организация Мурманского губернского архивного бюро и руководство им с апреля 1922 г. по октябрь 1926 г., заведование Партийным архивом Мурманского ОК ВКП(б) (1945—1959). И очень мало кто знаком с живописными и графическими работами члена Союза советских художников Мурманской области Я. А. Комшилова. Между тем именно Яков Алексеевич был человеком, который сделал многое для сохранения исторического наследия Кольского полуострова.

Архивная служба Мурманской области считается одной из старейших в нашей стране: губернский отдел Центрального архива РСФСР (позже — Губернское архивное бюро) был образован в апреле 1922 г. В условиях смены государственной системы управления в 1920-е годы ситуация в Мурманске с решением проблемы сохранения документального наследия была катастрофической. Все бремя по сбору, классификации и организации хранения архивных материалов несла на себе одна отдельно взятая «первичная ячейка» нового, только зарождавшегося общества — семья Комшиловых. Работая в городском



Рис. 3. Автопортрет. 1922. Автор В. В. Чернолуский. Музей-Архив КНЦ РАН. НВФ 1118, л. 45.

суде, Яков Алексеевич по вечерам и безвозмездно разбирал разрозненные документы, оставшиеся от «старой власти». Став первым заведующим архивом по факту, Яков Алексеевич в помощниках имел жену Фаину, назначенную архивариусом. Комшиловы собирали документальные материалы по подвалам и чердакам. Реквизировали ценнейшие документы на рынках, где необразованные в большей своей части жители города использовали их как оберточную бумагу. Спасали ценнейшие исторические источники, которыми в эти трудные для страны годы оклеивали стены и топили городские печи. Благодаря всем этим усилиям через три года в архиве удалось аккумулировать 33 тыс. дел.⁷

В персональном фонде Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН отложились первичные материалы этнографических изысканий Я. А. Комшилова в области изучения хозяйства и культуры народа саами, рукописи статей, живописные и графические работы: иллюстрации к его авторским записям саамских сказок, русских сказок, к сборнику статей членов Общества по изучению Мурманского края, виды старого и строящегося Мурманска 1940—1950 гг. (рис. 9).

Среди первичных материалов научно-исследовательской деятельности в фонде хранятся заметки Я. А. Комшилова по топонимике Терского района

⁷ Секретные материалы — Секретных материалов около 50 пудов // Кольское слово. № 14. 6 апреля 2007. Эл. док. Код док.: <http://www.b-port.com/smi/11/2583/49182.html>



Рис. 4. Татьяна Федоровна Данилова. 20—30-е годы XX в. Автор В. В. Чарнолуский. Музей-Архив КНЦ РАН. НВФ 1115.

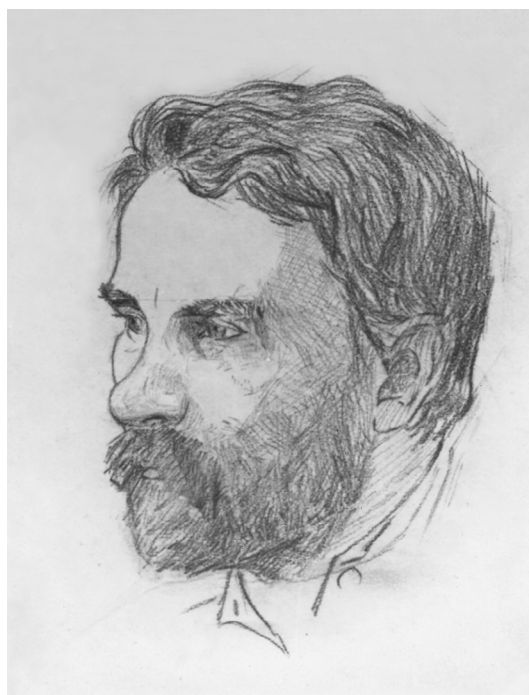


Рис. 5. Петр Васильевич Сорванов. Мончегорск, 1936. Автор В. В. Чарнолуский. Музей-Архив КНЦ РАН. НВФ 1117.

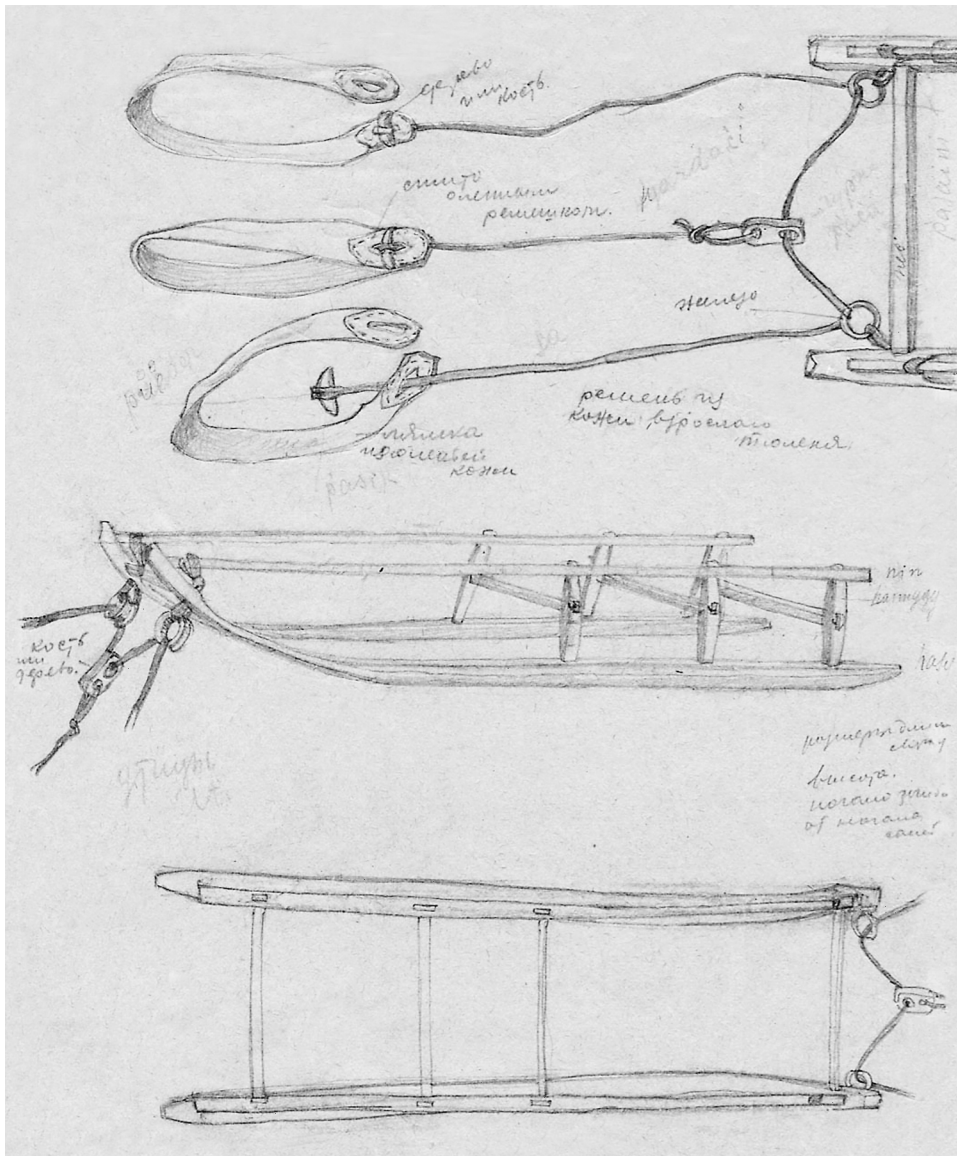


Рис. 6. Оленья упряжь и сани, 20—30-е годы XX в. Автор В. В. Чарнолуцкий. Музей-Архив КНЦ РАН. ОФ 341.

Мурманской области и его хозяйственным вопросам,⁸ записи для словаря и рукописный русско-саамский словарь,⁹ составленный им.

Как этнограф он проделал большую работу по сбору информации о родовых саамских клеймах, и теперь в распоряжении музея — большая часть коллекции клейм, зафиксированных им лично на карточках Мурманского губер-

⁸ Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1073.

⁹ Там же. НВФ 1075.

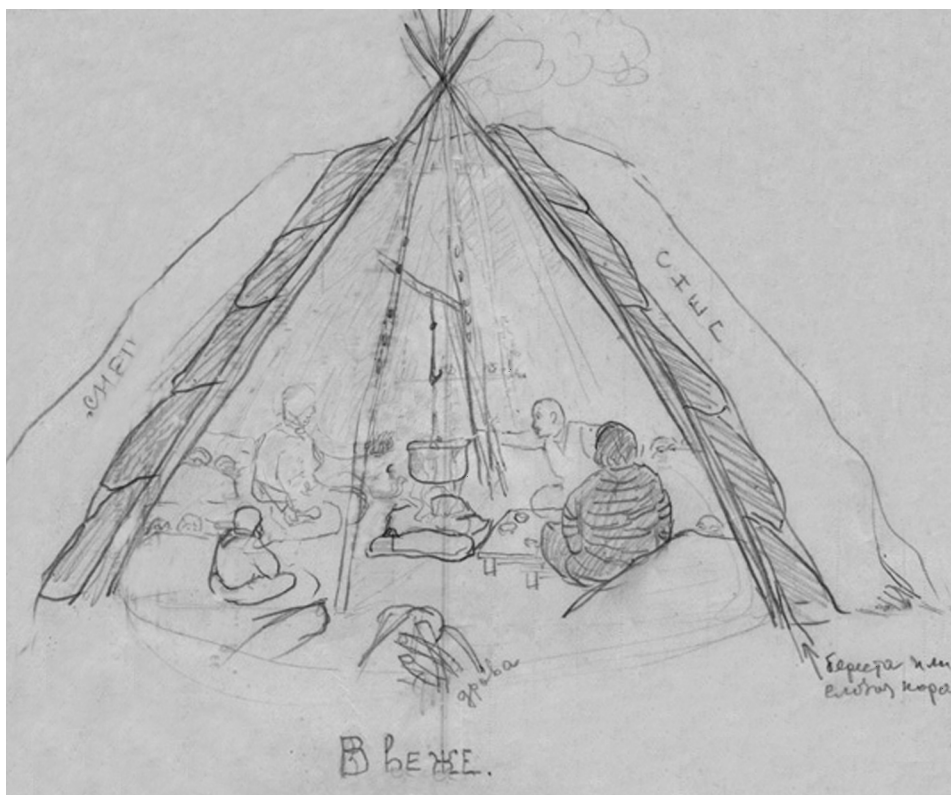


Рис. 7. В веже, 20—30-е годы XX в. Автор В. В. Чернолуцкий. Музей-Архив КНЦ РАН. ОФ 340.

ского Архивного бюро с указанием генеалогических сведений о саамских родах, местах их проживания, биографических данных.¹⁰

В фонде хранятся рукописи Я. А. Комшилова: «Промысловые территории и места поселений саами Мурманской области»,¹¹ «О множественности систем знаков числительных в современном и недавнем прошлом у саамов»¹² (рис. 10—11).

Фонд первичных этнографических материалов представляют записи саамского фольклора, сказки: «Приключения Семилетнего богатыря»,¹³ «О двух братьях»,¹⁴ «Гриб»,¹⁵ «Погост»,¹⁶ «Елизар и Калга»¹⁷ и др.; легенда «о реке Улите»;¹⁸ черновые варианты сказки «Каменный человек»¹⁹ (рис. 12), фраг-

¹⁰ Там же. НВФ 1074.

¹¹ Там же. НВФ 1071.

¹² Там же. НВФ 1072.

¹³ Там же. НВФ 1082.

¹⁴ Там же. НВФ 1083.

¹⁵ Там же. НВФ 1086.

¹⁶ Там же. НВФ 1085.

¹⁷ Там же. НВФ 1084.

¹⁸ Там же. НВФ 1079.

¹⁹ Там же. НВФ 1080.



Рис. 8. Я. А. Комшилов. Фото. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 25.



Рис. 9. Постоянная экспозиция Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН. Раздел «Этнография. 1920—1950-е гг.».

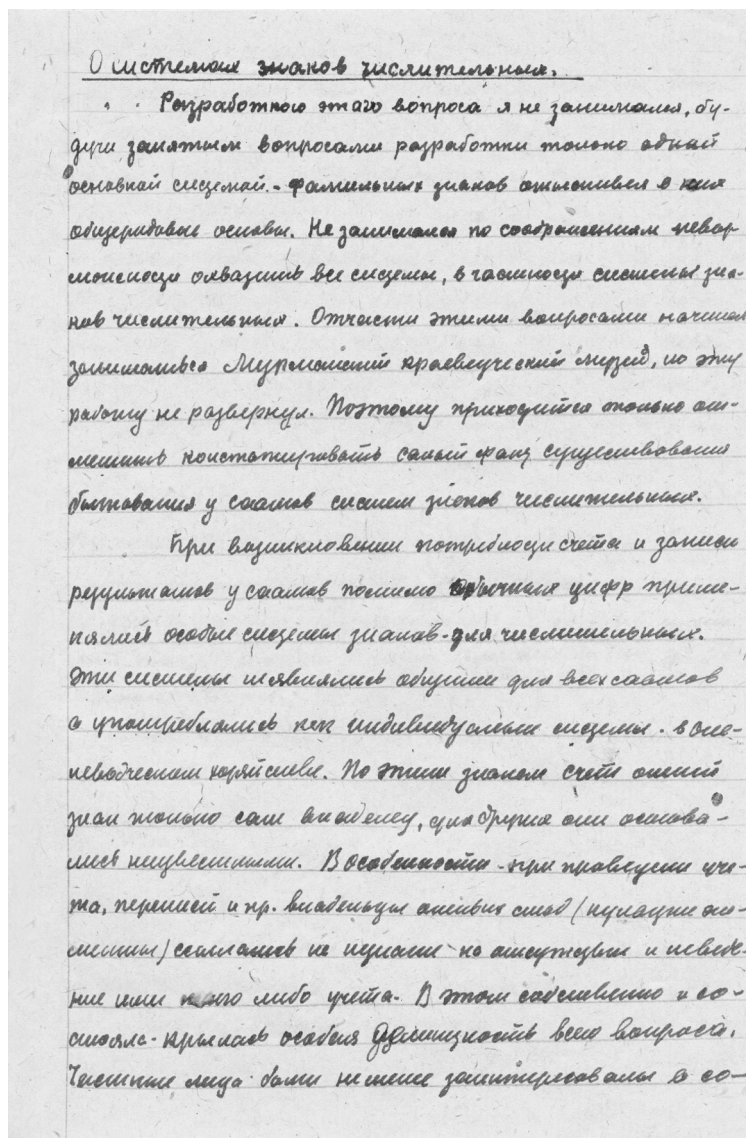


Рис. 10. Я. А. Комшилов. «О множественности систем знаков числительных в современном и недавнем прошлом у саамов». Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1072, л. 1, 5, 6.

менты сказки «Адзь».²⁰ В экспозиции демонстрируется рукописная книга со сказкой «Бабушка у внуков».²¹ Отложились в фонде и исследовательские документы по саамскому фольклору Я. А. Комшилова: материал, собранный к легенде о лягушке, аналитические записки, связанные с изучением лягушки как родового тотемного животного у эскимосов и тлинкитов.²²

²⁰ Там же. НВФ 1081.

²¹ Там же. НВФ 1087.

²² Там же. НВФ 1077.

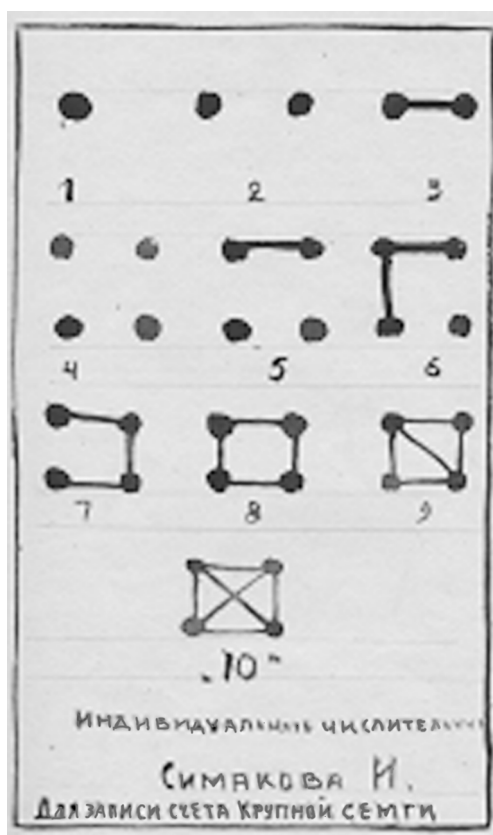


Рис. 10 (продолжение).

Широко в материалах фонда представлена деятельность Я. А. Комшилова как интересного художника. В 1917 г. он окончил Петроградское художественное училище барона Штиглица. Некоторое время после учебы работал в художественных мастерских. Далее его судьба складывалась так, что занятия живописью ушли на дальний план.

В 1945 г. в Мурманске прошла первая выставка Союза советских художников Мурманской области, в которой Яков Алексеевич принимал участие со своими работами как полноправный член профессионального общества — хранится каталог этой выставки.²³ Есть в фонде пригласительный билет на открытие выставки работ художника-краеведа Я. А. Комшилова, состоявшейся в мае 1959 г.²⁴

Музей-Архив является обладателем обширной художественной коллекции живописных и графических работ Якова Алексеевича. Она состоит из иллюстраций к саамскому и русскому фольклору, этнографических зарисовок, а также природных и городских пейзажей. Большую часть пейзажей представляют виды старого Мурманска и этюды с фиксацией его послевоенного преоб-

²³ Там же. НВФ 1092.

²⁴ Там же. НВФ 1093.

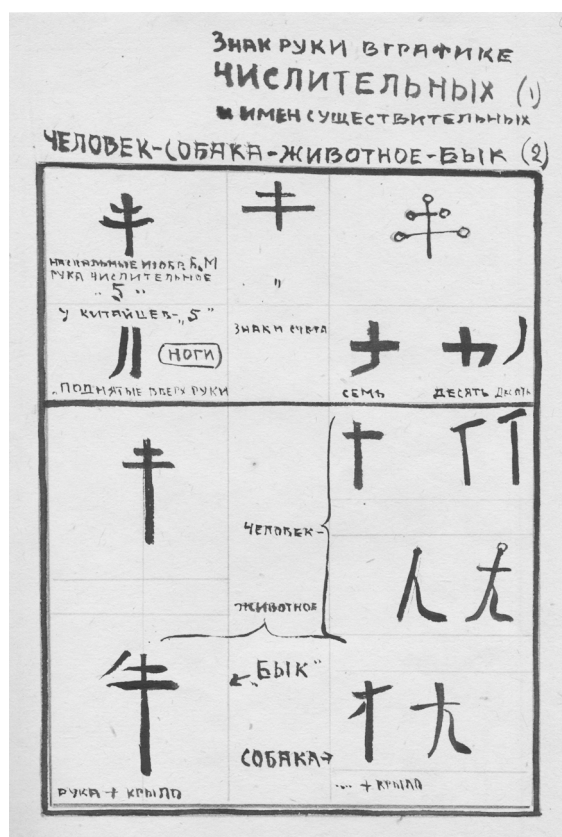


Рис. 10 (продолжение).

ражения. Работы выполнены акварелью, гуашью, тушью, карандашом на бумаге и картоне. Одна из иллюстраций к сказке написана маслом на холсте.²⁵

В фонде хранится книга Ф. Скворцова «Мурман в борьбе и стройке», изданная в Мурманске в 1930 г. Я. А. Комшилов стал автором иллюстраций-миниатюр к этому изданию.

Наиболее информативными видами потенциальных исторических источников по теме, которые отложились в представленных персональных фондах этнографов В. В. Чарнолуского и Я. А. Комшилова, являются эпистолы и образительные документы с маргиналиями. Они содержат как явные, так и латентные сведения о природной, исторической, социальной, языковой средах, которые оказали влияние на личность и творчество авторов, отразившееся в выборе тем их исследований, методики их разработки, линии поведения, мировосприятия и т. д. В целом материалы фондов В. В. Чарнолуского и Я. А. Комшилова составляют достаточно репрезентативный комплекс источников по истории этнографического изучения северо-западного региона России в начале XX в.

²⁵ Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 188—284.

"Каменный человек"
(Возвращение в селѣ).

На берегу ^{в Рейвах} изцѣвлено озеро стояла, а на ней
- окаменевший человек.

Говорят, что очень давно ходил по горам человек,
сломал себе ногу и finalmente окаменел.

А еще рассказывают про ~~этого~~ человека, что он
был очень упрям, а шел он в запретное место
потому то и сломал ногу, но не вернувшись назад,
а застрял в скалах, с ^{одной} ~~одной~~ связав сло-
манную ногу и пошел все же ^{вперед} ~~вперед~~ запретное
место за то и окаменел.

Вот и стоит этот окаменевший человек
на скале над озером, одна нога похоронена сло-
манная - белая, не он был застрял в скалах
на ней, а другая нога открыта в камень.

На берегу того озера поселились одни саамы
(саам). Он слышал шум в озере. У него же было
белое стадо оленей. Этого саамы два-
три - "Карнас" ~~и~~ ^и в Врон.

Это был очень упрямый саам, сильный. ^{Род}
Он не поддавался в слове, а следи его ~~белые~~
уделами. Он был ^{трижды} ~~трижды~~ "Карнас"
всю, что ему не оленей было разговаривать
с оленями. и не он потому век на
озере.

Карнас вернул каменному человеку
(люди) жертву ему самых упрямых шум ^(люди)
и встал у ног изцѣвлено. Когда пришо-
ли жертвы, то сами поддали раю, будь то
летом или зимой ~~раздевался~~ раздевался совсем тою
по с одной ноги снимал обувь, а другая
оставалась ^{одной} - так он хотел быть
похожим на каменного человека.

Рис. 11. Я. А. Камшилов. Сказка «Каменный человек». Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН.
НВФ 1080, л. 1.



Рис. 12. Я. А. Комшилов. Иллюстрация к саамским сказкам. Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 1080, л. 1а.

ЛИТЕРАТУРА

- Гаген-Торн Н. И.* Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии) // Сов. этнография. 1971. № 2.
- Итс Р. Ф.* Введение в этнографию. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.
- Лукьянченко Т. В. В.* Чарнолуский: певец Земли Саамской // Репрессированные этнографы. Вып. 2 / Сост. и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. М.: Вост. лит., 2003.

O. V. Shabalina

MATERIALS OF THE V.V. PERSONAL FUNDS OF V. V. CHARNOLUSKY
AND I. A. KOMSHILOV FROM THE MUSEUM-ARCHIVE
OF THE EUROPEAN NORTH INVESTIGATION AND
EXPLORATION HISTORY OF THE BCH OF THE KSC RAS
AS SOURCES FOR THE HISTORY OF ETHNOGRAPHIC RESEARCH
IN THE NORTH-WEST OF RUSSIA

This paper presents the materials of the V. V. Charnolusky's, I. A. Komshilov's personal funds of the Museum-Archive of the European North Investigation and Exploration History of the BCH of the KSC RAS as sources for the history of ethnographic research in the North-West. This complex of potential historical sources characterizes the ethnographic methods and techniques of studying the way of life, culture and economy of residents of the European part of Russia's Northern territory in the 20—30-ies of the XX century.

Keywords: Museum-Archive of the European North Investigation and Exploration History of the BCH of the KSC RAS, personal funds, sources for the history of ethnographic research in the North-West.

LITERATURA

Gagen-Torn N. I. Leningradskaja yetnograficheskaja shkola v dvadcatye gody (u istokov sovetskoi yetnografii) // Sov. yetnografija. 1971. N 2.

Its R. F. Vvedenie v yetnografiyu. L.: Izd-vo LGU, 1991.

Luk'janchenko T. V. V. V. Charnoluskii: pevec Zemli Saamskoi // Repressirovannye yetnografy: Vyp. 2 / Sost. i otv. red. D. D. Tumarkin. M.: Vost. lit., 2003.

Н. М. БАЖЕНОВА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК ПО СОХРАНЕНИЮ ЛИЧНЫХ АРХИВОВ И БИБЛИОТЕК В ХОДЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Во время Первой мировой войны продолжалась деятельность Академии по сохранению личных архивов: дела сектантов, архивы академиков, мемориальное наследие К. К. Романова. Памятники истории и культуры на территории военных действий подвергались реальной угрозе отчуждения, повреждения или уничтожения. 29 ноября 1914 г. Академия наук образовала Комиссию по охране и спасению памятников древности, науки и техники, коллекций и учреждений в районах военных действий (Западный и Кавказский фронты). Ситуация с памятниками Польши и Западной Украины была угрожающей. В 1915 г. Министерство народного просвещения и Варшавское общество охранения древностей обратились в Академию с просьбой о спасении древних польских произведений искусства и культуры от гибели. Тревожным было положение и с еврейскими памятниками на территории Ковенской и Курляндской губерний. Комитет Еврейского историко-этнографического общества также обратился к Академии с просьбой об их спасении. Однако революция опрокинула все прежние планы, и деятельность Комиссии прекратилась.

Ключевые слова: Российская академия наук; Первая мировая война; сохранение рукописей, архивов и библиотек; Варшавское общество охранения древностей; Еврейское историко-этнографическое общество; Н. Н. Врангель, И. Ф. Крузенштерн, К. К. Романов, П. В. Никитин, А. А. Скальковский; дела сектантов; полицейское и судебное ведомства.

Деятельность по сохранению личных архивов и библиотек с самого основания по праву может считаться для Императорской академии наук (ИАН) одной из приоритетных, поскольку она постоянно приобретала книжные собрания и архивы известных ученых и коллекционеров.

В XX же веке, еще до Гражданской войны, начавшейся 1 августа 1914 г., Академия наук не только быстро и энергично реагировала на возможность приобретения библиотек и личных архивов известных деятелей отечественной истории и культуры (одним из ярких примеров может служить приобрете-

© Н. М. Баженова, 2013. Библиотека Российской академии наук. Санкт-Петербург, Россия.

ние рукописей из коллекции Ф. М. Плюшкин),¹ она занимала активную позицию в деле спасения архивных документов, существование которых в силу разных обстоятельств оказывалось под угрозой.

Так, в 1912 г. был предпринят целый ряд мер, чтобы все хранившиеся в местных судебных архивах России дела о сектантах не уничтожались по истечении давности (10 лет) в судебном и полицейском ведомствах после использования в ходе судебных разбирательств в качестве вещественных доказательств, а передавались по решению Академии наук в Рукописное отделение библиотеки.² С марта по октябрь 1914 г. длились академические хлопоты, связанные с передачей из Департамента полиции рукописей и печатных материалов о религиозно-общественном движении в России 1890-х годов, изъятых в феврале 1914 г. при обыске у отставного гвардии штаб-ротмистра и известного коллекционера литературы о сектантстве В. Г. Черткова.³

Независимая политическая позиция Академии наук в деле сохранения библиотек и архивов высоко ценилась владельцами частных собраний, и они часто сами обращались в Академию с просьбой спасти их коллекции. Примером может служить обращение И. М. Трегубова из Москвы, который просил Академию принять меры к получению из Департамента полиции всех его книг, брошюр, вырезок из журналов и газет, фотоснимков, рукописей, писем и других материалов, отобранных у него во время обысков в Воронежской губернии Воронежским жандармским управлением в 1895—1897 гг. и в Москве — Московским жандармским управлением в марте 1916 г. Со своей стороны он просил Департамент полиции передать его материалы в Рукописное отделение БАН на вечное хранение.⁴

Постоянная работа по сохранению национального книжного наследия продолжалась Академией наук и после начала войны. Так, в октябре 1914 г. по инициативе академика К. Г. Залемана церковный совет евангелическо-лютеранской церкви Св. Екатерины постановил передать Академии наук книги и рукописи XVIII в., обнаруженные К. Г. Залеманом при ревизии церкви.⁵ В апреле 1915 г. в Рукописное отделение БАН переданы служебные и личные бумаги сенатора М. В. Поленова и его родственников — Н. И. Ламанского и П. Устинова.⁶ Решение о передаче коллекций в БАН принимало, как всегда, Общее собрание АН. В августе 1915 г. оно передало I Отделению библиотеки принятое от Е. С. Корш книжное собрание ее покойного супруга академика Ф. Е. Корша, которое из-за войны временно хранилось в Московском университете.⁷

¹ Общее собрание Императорской Академии наук от 4 октября 1914 г. Протокол № 7. § 179. С. 145. (Этот и другие протоколы собраний ИАН являются рукописями, которые хранятся в рукописном отделе — НИИ изданий Академии наук — Библиотеки Академии наук).

² Общее собрание... от 5 мая 1912 г. Прот. № 5. § 94. С. [54—55]; Общее собрание... от 15 сентября 1912 г. Прот. № 7. § 130. С. [77—78]; Общее собрание... от 1 декабря 1912 г. Прот. № 10. § 201. С. [122—123].

³ Общее собрание... от 29 марта 1914 г. Прот. № 4. § 103. С. 88; Общее собрание... от 4 октября 1914 г. Прот. № 7. § 178. С. 145.

⁴ Общее собрание... от 5 сентября 1916 г. Прот. № 8. § 181. С. 137.

⁵ Общее собрание... от 1 ноября 1914 г. Прот. № 8. § 194. С. 151—152.

⁶ Общее собрание... от 2 мая 1915 г. Прот. № 5. § 82. С. 73—74.

⁷ Общее собрание... 5 октября 1915 г. Прот. № 9. § 176. С. 137.

1916-й год был еще богаче на события. В феврале баронесса М. Д. Врангель предложила в дар Академии собрание ее покойного младшего сына, знаменитого эрудита и коллекционера Н. Н. Врангеля; вопросом передачи занялся директор I Отделения БАН А. А. Шахматов.⁸ В марте по желанию потомков в Академию переданы в дар архивы чл.-кор. А. А. Скальковского и его сына А. А. Скальковского, а также подлинные документы по истории Запорожской Сечи;⁹ историко-научная часть архива поступила в БАН, а литературная и семейная переписка — в Пушкинский Дом.¹⁰ В апреле из Архива Морского министерства передано в Архив АН 548 документов и шесть брошюр из собрания почетного члена АН И. Ф. Крузенштерна, которые были направлены в I и II Отделения Библиотеки.¹¹ Академия наук приняла в дар от В. П. Науменко и передала БАН цензурный экземпляр труда Н. В. Гоголя «Объяснение Божественной литургии» и несколько старопечатных изданий, которые поступили в Рукописное отделение.¹² По представлению академика К. Г. Залемана АН купила для Библиотеки экземпляр монгольского перевода буддийского сборника «Данджур», которого на то время полностью не было ни в одной библиотеке Европы (только библиотека Петроградского университета имела несколько томов этого драгоценного издания, представляющего исключительную ценность для изучения буддизма).¹³ В мае Е. Н. Никитина, вдова покойного вице-президента АН П. В. Никитина, передала Академии его библиотеку, рукописи из которой были направлены во II Отделение библиотеки.¹⁴ Примеров забот такого рода в деятельности АН множество.

Особое место в этом ряду занимает ее деятельность по сохранению литературного, культурного и общественного наследия, оставшегося после кончины ее августейшего президента великого князя Константина Константиновича (1858—1915). Не один год длилась работа по собиранию воедино его мемориального и литературного наследия, часть которого была завещана великим князем в пользу АН.¹⁵

Согласно завещанию, высочайше утвержденному 5 октября 1915 г., в Рукописное отделение БАН должны были быть переданы исторические, литературные документы и документы, имеющие отношение к Академии. Из них только дневник¹⁶ Константина Константиновича должен был остаться в Рукописном отделении на вечное хранение, а все остальное после создания Пушкинского Дома предстояло передать в Отдел имени Л. Н. Майкова.

Документы, передававшиеся по завещанию покойного президента в АН, включали: 1) собранные Константином Константиновичем (К.Р.) авто-

⁸ Общее собрание... от 5 февраля 1916 г. Прот. № 2. § 40. С. 33.

⁹ Общее собрание... от 2 апреля 1916 г. Прот. № 4. § 84. С. 60—61.

¹⁰ Там же. § 85. С. 61.

¹¹ Там же. § 86. С. 61—62.

¹² Там же. § 88. С. 62.

¹³ Там же. § 89. С. 62—63.

¹⁴ Общее собрание... от 5 сентября 1916 г. Прот. № 8. § 178—179. С. 136.

¹⁵ Письменное сообщение о завещании поступило от исполняющего должность управляющего Двором покойного великого князя 5 ноября 1915 г. — См.: Общее собрание... от 7 ноября 1915 г. Прот. № 10. § 195. С. 146—147. Приложение к § 195. С. 155—156.

¹⁶ Дневник предстояло хранить неприкосновенно, никому не предоставляя права на его чтение в течение 90 лет со дня кончины автора. — Там же.

графы Императрицы Екатерины II, а также А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. Н. Майкова, Ф. И. Тютчева и других русских писателей; 2) альбом Ю. Н. Бартенева; 3) переписку К. Р. с Я. К. Гротом, А. А. Шеншиным (Фетом), А. Н. и Л. Н. Майковыми, Я. П. Полонским, Н. Н. Страховым, П. И. Чайковским, А. Ф. Кони, академиками, учеными и писателями; 4) материалы, касающиеся перевода и представления «Трагедии о Гамлете, принце Датском»; 5) все рукописи стихотворений К. Р., его литературных и критических трудов; 6) пакеты с бумагами, касающимися АН; 7) дневник К. Р.; 8) перстень А. С. Пушкина; 9) перо А. А. Фета и две картины кисти Я. П. Полонского.¹⁷

В ноябре 1915 г. Общее собрание Академии приняло такое решение: переданные в Академию по завещанию материалы хранить в Архиве конференции,¹⁸ однако 9 января 1916 г. переписка Константина Константиновича с вице-президентом Л. Н. Майковым была отправлена в Архив конференции, а остальное — в Рукописное отделение БАН.¹⁹

В начале января 1916 г. вещи, которые после смерти К. Р. были привезены в Москву из варшавских дворцов, в упакованном виде были доставлены в дворцовые помещения Санкт-Петербурга.²⁰ В августе 1916 г. в Рукописное отделение под расписку В. И. Срезневского был передан холстяной бювар с рукописями.²¹

Однако с наследством К. Р. не все обстояло так гладко. Из-за обстоятельств военного времени трудности коснулись как раз той его части, которая по воле завещателя предназначалась для вечного хранения именно в библиотеке, — дневника К. Р.

В ноябре 1915 г. Академия получила известие о том, что предпоследний дневник К. Р., который он писал во время пребывания в Германии летом 1914 г., остался вместе с остальным багажом на станции Гумбинен, когда он возвращался в Россию после объявления войны. В Павловске, вернувшись из Германии, К. Р. начал новый дневник, который и был препровожден в Академию как 66-я книга.²² Однако Академия не смирилась с потерей, а обратилась к министру иностранных дел с просьбой помочь разыскать утраченную в Германии книжку дневника.²³

Министерство иностранных дел через Императорскую миссию в Копенгагене обратилось в испанское посольство в Берлине и с его помощью получило копию ноты германского Министерства иностранных дел, в котором сообщалось, что данная тетрадь вместе с багажом К. Р., вероятно, находится в архиве 1-го германского армейского корпуса и во время войны выдана быть не может.²⁴

Война, внося свои коррективы в деятельность АН по сохранению отечественных книжных и рукописных собраний, изменила как перечень принимаемых мер, так и сроки их исполнения.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Общее собрание... от 9 января 1916 г. Прот. № 1. § 16. С. 6.

²⁰ Там же. § 3. С. 2.

²¹ Общее собрание... от 5 сентября 1916 г. Прот. № 8. § 177. С. 136.

²² Общее собрание... от 28 ноября 1915 г. Прот. № 11. § 224. С. 162.

²³ Там же.

²⁴ Общее собрание... от 8 октября 1916 г. Прот. № 10. § 205. С. 153—154.

С первых дней войны перед АН возникла перспектива принятия экстренных мер по возвращению (фактически спасению для России) материалов библиотеки, отправленных весной 1914 г. в Лейпциг²⁵ на Международную выставку книгопечатания и графических искусств.²⁶ Уже 13 августа 1914 г. стало известно, что из-за войны с Германией на выставке закрыт Русский отдел. Его генеральный комиссар А. В. Бельгард через председателя Выставочного комитета д-ра Фолькмана передал русские экспонаты в упакованном виде для сохранения в Музей книги Лейпцига на попечение его директора д-ра Шрама.²⁷ Переписка о возвращении экспонатов длилась с 1918 г.,²⁸ и только в 1925 г. они стали возвращаться на родину.²⁹

29 ноября 1914 г. Академия наук образовала Комиссию по охране и спасению памятников древности, науки и техники, коллекций и учреждений в местностях, где ведутся военные действия (западный и кавказский фронты). В комиссию (из 9 членов) вошли директора I и II Отделений Библиотеки академии М. А. Дьяконов и А. А. Шахматов.³⁰ 20 декабря 1914 г. Академия наук приняла Инструкцию об охране исторических памятников и научных коллекций в районе военных действий для уполномоченного Академией лица. Уполномоченным по данному вопросу избран действительный статский советник, в то время магистр русской истории, Е. Ф. Шмурло.³¹

Инструкция гласила:

«1. Императорская Академия Наук ставит себе задачей охранение исторических памятников и научных коллекций в районах военных действий.

2. Для этого она уполномочивает избранное ею лицо, которому поручает принимать наиболее целесообразные меры для осуществления этой задачи.

3. Принимаемые им меры выражаются: а) в охранении коллекций на местах, б) в вывозе их на время в безопасные местности.

4. Меры эти принимаются уполномоченным с разрешения и одобрения подлежащих властей.

5. Указанные меры отнюдь не нарушают права собственности владельцев на охраняемое или вывозимое имущество.

6. Уполномоченный Академии в случае необходимости производит денежные расходы из ассигнуемых в его распоряжение сумм.

7. О всех принимаемых им мерах уполномоченный доводит до сведения Императорской Академии наук».³²

²⁵ Общее собрание... от 5 мая 1914 г. Прот. № 5. § 128. С. 106.

²⁶ Туда же в командировки отправились директор II Отделения Библиотеки академик К. Г. Залеман и заведующий Книжным складом И. А. Кубасов. — Там же. § 140, 144. С. 109—110.

²⁷ Общее собрание... от 15 сентября 1914 г. Прот. № 6. § 162. С. 135—136.

²⁸ Общее собрание... от 14 (1) сентября 1918 г. Прот. № 11. § 201. С. 136.

²⁹ Общее собрание... от 4 апреля 1925 г. Прот. № 4. § 45. С. 30.

³⁰ Общее собрание... от 29 ноября 1914 г. Прот. № 9. § 208. С. 158.

³¹ Естественно, что одного человека для такой цели было мало — война разгоралась в нескольких разных регионах страны. Поэтому со временем кроме уполномоченного на западном участке фронта (Е. Ф. Шмурло) Академия назначила акад. Ф. И. Успенского уполномоченным на турецком фронте. — См.: Общее собрание... от 7 марта 1915 г. Прот. № 3. § 57. С. 34.

³² Протокол Экстраординарного заседания Общего собрания от 25 февраля 1915 г. § 43. С. 164—165.

Текст инструкции проходил серьезное обсуждение. Академик А. И. Соболевский предлагал немедленно вывезти наиболее ценные рукописи и старопечатные книги из библиотек Львова. Академик А. А. Марков предлагал вообще воздержаться от принятия каких-либо мер по охране памятников в районе военных действий (польза сомнительна, а расходы и нарекания обеспечены). Однако инструкция лишь ограничила действия уполномоченного рядом условий: все памятники охраняются на местах, вывоз их в безопасное место разрешается лишь на время и только с одобрения соответствующих властей. При этом отдельным пунктом оговаривалось, что все принимаемые меры отнюдь не нарушают права собственности владельцев на охраняемое или вывозимое имущество.³³

Этот официальный путь был, разумеется, удобен, потому что Академия наук действовала с разрешения всех инстанций, но, с учетом скорости развития военных событий, он был несоразмерно долгим. Так, государственное финансирование (6000 р. в качестве чрезвычайного сверхсметного кредита) на академические охранные мероприятия было утверждено лишь в конце апреля 1915 г.,³⁴ что заставило Академию искать собственные дополнительные средства. Первые деньги она пыталась взять из остатков академического премиального капитала имени тайного советника М. Н. Ахматова³⁵ (премия в 1914 г. не выдавалась), затем из капитала имени проф. А. А. Котляревского,³⁶ однако на это требовалась длительная и кропотливая официальная переписка.

Экспедиция Е. Ф. Шмурло в район военных действий началась с поездки в Галичину и Западную Польшу (первая поездка закончилась в начале февраля 1915 г.).³⁷

Там ситуация с памятниками была настолько отчаянной, что в 1915 г. управляющий Министерством народного просвещения и Польское общество охраны древностей Варшавы сами обратились в Академию с просьбой о спасении древних польских произведений искусства и культуры от неминуемой гибели. Обсуждение возможной помощи стало поводом для февральского экстраординарного заседания Общего собрания.³⁸

В июле 1916 г. председатель Правления Варшавского общества охранения древностей (Санкт-Петербург, ул. Кирочная, д. 34, кв. 73) сообщил Академии, что в связи с последними военными событиями многие памятники польской старины в районе военных действий «вновь подверглись гибели, другим же угрожает порча и уничтожение». В обращении была высказана просьба организовать при штабах главнокомандующих армиями, в первую очередь на Юго-Западном фронте, постоянные комиссии из уполномоченных Академии наук, Археографической комиссии и представителей академических отделений, а до их формирования (ввиду крайней спешности дела) вновь командировать в Галицию уполномоченного Академии наук (по примеру Е. Ф. Шмурло).³⁹

³³ Там же. С. 165.

³⁴ Общее собрание... от 2 мая 1915 г. Прот. № 5. § 77. С. 72.

³⁵ Общее собрание... от 29 ноября 1914 г. Прот. № 9. § 208. С. 158.

³⁶ Общее собрание... от 20 декабря 1914 г. Прот. № 10. § 222. С. 165.

³⁷ Общее собрание... от 7 февраля 1915 г. Прот. № 2. § 27. С. 18.

³⁸ Экстраординарное заседание Общего собрания... от 25 февраля 1915 г. § 43. С. 26—27.

³⁹ Общее собрание... от 5 сентября 1916 г. Прот. № 8. § 175. С. 134—135.

В декабре 1916 г. кружок Варшавского общества охранения древностей прислал в АН еще три списка коллекций старины, пропавших во время текущей войны, и просил помочь в их розыске.⁴⁰

Не менее тревожным было положение и с еврейскими памятниками (рукописными и старопечатными книгами, историческими документами) на территории Ковенской и Курляндской губерний. Это побудило комитет Еврейского историко-этнографического общества не только обратиться к Академии с просьбой об их спасении,⁴¹ но и просить включить отдельным пунктом в Инструкцию по охране памятников специальные указания относительно памятников еврейской старины.⁴²

Постепенно возникало понимание, что такие меры, как перенесение памятников поблизости от театра военных действий (например, из Западной Польши в Варшаву), могут оказаться недостаточными.⁴³ В этом случае Академии предлагалось самой избрать безопасное место.⁴⁴ Однако для эвакуации исторических и культурных ценностей были необходимы всяческие согласования, а это было очень сложно и требовало дополнительного времени. Так например, в 1915 г. разрешение Штаба Верховного главнокомандующего на пребывание Е. Ф. Шмурло в районе театра войны с целью охраны и вывоза исторических и научных ценностей «из местностей, угрожаемых боевыми действиями», было получено уже в октябре, а согласование с уполномоченными армии по эвакуации на трех фронтах получить было невозможно, поскольку на тот момент уполномоченные еще не были назначены.⁴⁵

На Кавказском фронте для спасения памятников восточной культуры, в частности мусульманской, Академия наук пригласила на летние месяцы 1916 г. в качестве дополнительного⁴⁶ сотрудника приват-доцента Петроградского университета П. А. Фалева, а средствами распоряжался академик Н. Я. Марр. Разрешение на поездку П. А. Фалева в районы Турции, занятые русскими войсками, дал помощник заместителя на Кавказе генерал Янушкевич, который допустил его в направлении Муш—Битлис для регистрации мусульманских, в частности турецких, рукописей и вообще туркологических материалов.⁴⁷

Для охраны «исторических памятников, научных коллекций, святынь, книг, рукописей и проч.», находящихся в районе западного театра военных действий (в пределах завоеванных областей Австро-Венгрии, Подолии и Волыни), Академия наук сформировала смешанную комиссию, в которую вошли представители Академии наук, Академии художеств, российские военные и представители польской стороны.⁴⁸ Соответственно были отправлены военно-

⁴⁰ Общее собрание... от 5 декабря 1916 г. Прот. № 13. § 288. С. 196.

⁴¹ Экстраординарное заседание Общего собрания... от 9 июня 1915 г. § 108. С. 102.

⁴² Общее собрание... от 14 января 1917 г. Прот. № 1. § 11. С. 5.

⁴³ Экстраординарное заседание Общего собрания... от 25 февраля 1915 г. § 43. С. 27.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Общее собрание... от 7 ноября 1915 г. Прот. № 10. § 196. С. 147.

⁴⁶ Постоянно там работал командированный Академией наук старший хранитель Археологического отдела Кавказского музея Тер-Аветисьян.

⁴⁷ Общее собрание... от 9 мая 1916 г. Прот. № 5. § 117. С. 81.

⁴⁸ Состав комиссии установлен по тексту письма в Академию наук врем.и.о. начальника штаба Верховного главнокомандующего от 28 ноября 1916 г. (№ 20606):

му командованию и Министерству народного просвещения запросы на разрешение экспедиции. В ноябре 1916 г. было получено разрешение из Штаба Верховного главнокомандующего, но в начале декабря потребовалось еще приказание Ставки.⁴⁹ Министр народного просвещения В. Т. Шевяков, который горячо разделял позицию Академии в отношении «охраны памятников древности и искусства в районах западного театра военных действий», в конце 1916 г. выделил на экспедицию из сумм Министерства 2000 р. и обещал еще 4000 р.⁵⁰

Постепенно экспедиция стала приносить свои плоды; от нее начали поступать материалы, передаваемые Академии в дар различными учеными из района военных действий. Так, 3 февраля 1917 г. поступило 20 брошюр от румынского ученого протоиерея Димитрия Дана.⁵¹ Однако буквально через месяц революционный вихрь опрокинул все прежние намерения и жизнь потекла по новому руслу. России предстояло заново осмыслить не только деятельность по сохранению научного и культурного наследия, но и научное и культурное наследие в целом, а также выработать новое отношение к самой Академии наук.

N. M. Bazhenova

ACTIVITY OF IMPERIAL ACADEMY OF SCIENCES
FOR PROTECTION OF PRIVATE ARCHIVES AND COLLECTIONS
DURING THE WORLD WAR I

During the First World war continued the activities of the Academy for the preservation of personal archives: the case of the sectarians, archives academics, memorial heritage K. K. Romanov. Monuments of history and culture on the territory of the war has been the real threat of exclusion, damage or destruction. 29 November 1914 Academy of Sciences has established a Commission on the protection and salvation of antiquities, science and technology, collections and institutions in areas where there are military actions (Western and Caucasian fronts). The situation with the monuments of Poland and Western Ukraine was threatening. In 1915, the Manager of the Ministry of national education and the Polish society for the protection of antiquities of Warsaw went to the Academy with a request for the salvation of the ancient Polish art and culture from destruction. Alarming was the situation and Jewish monuments on the territory of Kovno and provinces of Courland. The Committee of the Jewish historical-ethnographic society appealed to the Academy, asking about their salvation. However, the revolution overturned all previous plans, and activities of the Commission stopped.

Keywords: Russian Academy of Sciences; the First World war; the preservation of manuscripts, archives and libraries; the Warsaw society for the preservation of antiquities; the Jewish historical-ethnographic society; N. N. Wrangell, I. F. Kruzenshtern, K. K. Romanov, P. C. Nikitin, A. A. Skalkovsky; the case of the sectarians; police and judicial agencies.

статский советник казначей Академии и академик архитектуры П. П. Покрышкин, инженер Леонтович, художник-живописец Хотулев, уполномоченный от кружка Варшавского общества охраны древностей граф Грохольский, прапорщик С. А. Боравский, ученик Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств Удаленков. — См.: Общее собрание... от 5 декабря 1916 г. Прот. № 13. § 286. С. 194—195.

⁴⁹ Общее собрание... от 5 декабря 1916 г. Прот. № 13. § 292. С. 197.

⁵⁰ Общее собрание... от 14 января 1917 г. Прот. № 1. § 5. С. 2—3.

⁵¹ Общее собрание... от 4 февраля 1917 г. Прот. № 2. § 59. С. 48.

Л. П. РОЩЕВСКАЯ

**ДОКУМЕНТЫ В. Г. БАЗАНОВА В НАУЧНОМ АРХИВЕ
КОМИ НАУЧНОГО ЦЕНТРА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН¹**

В статье описана эвакуация Карело-Финского университета в годы Великой Отечественной войны в г. Сыктывкар. По документам раскрывается научно-организационная деятельность чл.-кор. АН СССР В. Г. Базанова. Читатель знакомится с фольклорным материалом, собранным им во время экспедиции на Печору в 1942 г. и вошедшим в золотой фонд филологической науки.

Ключевые слова: фольклорная экспедиция, В. Г. Базанов, делопроизводственные, научно-организационные документы, фольклорные записи.

Столица Коми автономной социалистической республики г. Сыктывкар в начале Великой Отечественной войны представляла собой относительно небольшой город, основное население которого было тесно связано с сельскохозяйственным производством. По национальному составу среди горожан преобладали коми. В городе действовал педагогический институт с литературным и физико-математическим факультетами (1932 г.) и Коми научно-исследовательский институт (1934 г.).

В этих условиях вынужденная эвакуация в Сыктывкар Кольской и Северной баз АН СССР из г. Кировска Мурманской области и Архангельска, Карело-Финского университета и НИИ культуры при Карело-Финском университете из Петрозаводска значительно изменила интеллектуальную городскую среду. 30 сентября 1941 г. Президиум АН СССР объединил Кольскую и Северную базы в одну — Базу АН СССР по изучению Севера.

Карело-Финский университет, созданный в 1940 г. на базе Карельского пединститута (с 1956 г. Петрозаводский государственный университет), прибыл в Сыктывкар в октябре 1941 г. (12 преподавателей и 7 студентов). Небольшому коллективу сотрудников (около 20 чел.) удалось вывезти хорошую библиотеку, все документы, приборную базу, т. е. почти все имущество университета.

© Л. П. Рощевская, 2013. Коми научный центр УО РАН. Сыктывкар, Россия.

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект № 12-П-6-1003 «Документальное научное наследие Российской академии наук на Европейском Севере: выявление, систематизация, интерпретация».

В Сыктывкаре начали работать историко-филологический, геолого-географический, физико-математический и биологический факультеты. Как писал 1 декабря 1941 г. ректор К. Д. Митропольский,² университет получил в педагогическом институте учебные помещения, общежитие для студентов, фонды для питания в столовой института, квартиры для профессорско-преподавательского состава и служащих. Постановлением Коми обкома ВКП(б) К. Д. Митропольский утвержден по совместительству директором КГПИ (27.10.1941—15.06.1943 гг.).

Занятия на новом месте начались 1 ноября 1941 г. Организация учебного процесса легла на плечи деканов и заведующих кафедрами, которые стремились в максимальной степени подчинить его задачам военного времени и обороны страны. В условиях войны срок обучения сократили на один год, внесли изменения в учебные планы, ввели новые обязательные дисциплины (сельскохозяйственное производство и сплавное дело), организовали военно-физическую подготовку по плану всеобщего. Осенью 1941 г. в университете был произведен новый набор студентов.³

В 1941/42 г. там обучалось 79 чел., в 1942 г. планировали принять еще 100 чел.,⁴ в 1943 г. — 200 студентов. Занятия вели 36 преподавателей. К. Д. Митропольский писал, что из-за отсутствия некоторых специалистов в университет «охотно идут местные товарищи, оказывая помощь. Среди них есть много высококвалифицированных людей». В течение 1942—1945 гг. вуз окончили 65 специалистов.

Конечно, условия жизни в эвакуации были трудны. В городе не хватало дров для отопления домов и учреждений, да и фронт требовал больших лесных ресурсов. Все это было причиной организации массовой работы населения, студентов и даже школьников на сплав леса. Доставка дров стала постоянным лейтмотивом всех писем, воспоминаний и большинства официальных документов того времени. Не хватало продуктов. Эвакуированных прикрепили к столовой пединститута. Сохранились воспоминания о постоянных очередях за столовским питанием: «И сейчас перед глазами образ ученого, который стоит в очереди студенческой столовой с судком в руках для супа из зеленой капусты, думает, чем накормить семью, и в то же время что-то активно выписывает на карточки, читая, разбирая текст».⁵

² *Митропольский* Константин Дмитриевич (1893—1983), педагог, доцент (1950), окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1917 г.), директор Новгородского педагогического техникума (1926—1932), Новгородского пединститута (1932—1933), преподаватель (1938), директор Карело-Финского пединститута (1938—1940). После его преобразования в университет — проректор, с августа 1941 — директор университета. После возвращения в Петрозаводск руководил работой по восстановлению и развитию университета. По окончании Великой Отечественной войны направлен в Берлинский университет, возглавил сектор общеобразовательных школ и детских учреждений Отдела народного образования советской военной администрации Германии. Проректор и завкафедрой педагогики Вильнюсского государственного университета. С. 52—58.

³ Культурное строительство в Коми АССР. Сб. документов. С. 74.

⁴ Коми пединститут в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сб. документов, материалов, воспоминаний. С. 54.

⁵ *Суханова В. С.* О моем учителе. С. 117.

Деятельность в Сыктывкаре эвакуированных научных сотрудников и вузовских преподавателей еще не стала предметом специального научного изучения. Одной из попыток является публикация, содержащая только краткую справку о советском литературоведе и фольклористе, будущем чл.-кор. АН СССР В. Г. Базанове.⁶

Документы о деятельности и творчестве В. Г. Базанова⁷ (1911—1981) хранятся в разных архивах: в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), Государственном архиве Карелии, архиве Карельского научного центра РАН, Петрозаводском государственном университете, Национальном архиве Республики Коми и НА Коми НЦ УрО РАН.

В Национальном архиве Республики Коми отложилось несколько протоколов совместных открытых партийных собраний (1943—1944 гг.) и материалы об агитационно-массовой работе пединститута и университета (1941—1943 гг.) соответственно.⁸

К сожалению, после реэвакуации университета из Сыктывкара на родину все документы были вывезены туда же. Поэтому в ведомственном архиве Коми государственного педагогического института, на базе которого во время эвакуации трудился коллектив университета, имеются только документы о совместных мероприятиях двух вузов, но не сохранилось личное дело преподавателя В. Г. Базанова.

Только в Научном архиве Коми Научного центра Уральского отделения РАН (НА КНЦ УО РАН) сохранилась научная документация, отражающая творческую деятельность фольклориста. Отчеты позволяют сделать некоторые уточнения о служебном положении В. Г. Базанова в Сыктывкаре. Перед автором статьи стояла задача выяснить характер научно-организационной и научной деятельности Базанова в Коми АССР.

В эвакуации петрозаводчане не прекращали научной работы. Ученый совет университета имел право присуждения научных степеней. В 1942—1944 гг. защищено 13 диссертаций. Несколько исследований преподавателей, в том числе В. Г. Базанова, издало Коми государственное издательство.⁹

⁶ *Роцевский М. П., Роцевская Л. П., Береснева Г. Н.* Сыктывкар и Республика Коми в судьбе академиков и членов-корреспондентов АН СССР и РАН. С. 169—170.

⁷ *Василий Григорьевич Базанов* окончил Горьковский университет (1931), обучался в аспирантуре по истории русской литературы при Ленинградском государственном институте речевой культуры, был направлен в Петрозаводск, где работал завкафедрой КГПИ (1934—1940). С 1934 г. — старший научный сотрудник (с 1944 — заведующий) Отдела фольклора Карельского научно-исследовательского института. Основатель и первый декан (1940—1948) историко-филологического факультета Карело-Финского университета. Член КПСС с 1946 г. Заведующий Отделом литературы Института языка, литературы и истории Карело-Финского филиала АН СССР (1948—1952). Доктор филологических наук (1948), профессор. С 1950-х годов работал в Ленинграде, заведовал кафедрой журналистики ЛГУ. Директор Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом) (1965—1975) (<http://pomnipro.ru/memogroupage32735/biography>).

⁸ Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми». Хранилище № 2. Ф., п. 316. Первичная организация КГПИ. Оп. 1.

⁹ Вероятно, опубликованные В. Г. Базановым в годы войны несколько фольклорных сборников, не имеющих указания на место издания, также напечатаны в Сыктывкаре (Былины о Красной армии) / Предисловие, подг. текстов; редактор сб. В. Г. Ба-

В. Г. Базанов приехал в Сыктывкар в должности декана историко-филологического факультета и завкафедрой литературы, по совместительству преподавал и в Коми пединституте.

Учебные планы факультета пришлось значительно изменить и сократить количество часов на каждую дисциплину. Имелись значительные трудности с обеспечением учебной и научной литературой, которая практически отсутствовала. И тем не менее, приложив максимум героических усилий, летом 1942 г. университет сумел организовать фольклорную практику в отдаленный Усть-Цилемский район на р. Печоре, а из пединститута туда же отправили диалектологическую группу. Выездная практика потребовала большой предварительной работы по выбору района, проработке программы, организации трудного переезда, распределения студентов по деревням, поиска финансов в пединституте и университете. В конечном итоге победила энергия организаторов.

26 мая 1942 г. В. Г. Базанов участвовал в заседании Коми НИИ, где обсуждали вопросы организации экспедиции по изучению диалектов. Он рассказал об опыте Карело-Финской республики по изучению диалектов и сообщил, что университет посылает экспедицию в Усть-Цильму, так как район является одним из центров сохранения уникального русского фольклора. Базанов говорил, что необходимо изучить фольклорные традиции русского населения бассейна Печоры. По его словам, Усть-Цильма является третьим очагом народной культуры на Севере, так как сохранила колоссальное количество былинного богатырского эпоса. Сбор фольклора особенно актуален, так как в этом районе колоссальное количество былинного богатырского эпоса, который в условиях Отечественной войны является очень важным. Эти мысли повторены и развиты в его последующих научных трудах. Выступавшие на заседании коми языковеды тут же назвали более десяти имен сказителей, преимущественно коми, в разных деревнях по Печоре и Ижме.¹⁰

В. Г. Базанов писал, что Печорскую экспедицию организовали Петрозаводский университет и Коми пединститут и что экспедиция охватила район средней Печоры (от с. Усть-Цильмы с окрестностями до дер. Климовка) и селения по берегам рек Ижмы и Цильмы.¹¹ Руководили экспедицией В. Г. Базанов и И. А. Василенко.

В. Г. Базанов к этому времени был уже опытным фольклористом и организатором, получил опыт научной и руководящей работы в разных коллективах.

Другой руководитель практики Иван Афанасьевич Василенко (впоследствии доктор филологических наук, профессор, который много лет возглавлял кафедру русского языка в Московском городском педагогическом институте), по словам студентов, был «деятельный, энергичный, с живым умом, чутко понимающий новые задачи науки», «большой, толстый, веселый и добрый человек».¹² Во время войны И. А. Василенко оказался в Сыктывкаре и преподавал

занов. [Б. м.], Госиздат К.-Ф. ССР, 1943. 42 с.; О Ленине. Былины и сказы / Предисловие; сост. сб. В. Г. Базанов. [Б. м.], Госиздат К.-Ф. ССР, 1943. С. 40; Советские сказки / Сост. и ред. В. Г. Базанов. [Б. м.], Там же. С. 48.

¹⁰ НА Коми НЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 1, д. 66, л. 34.

¹¹ Базанов В. Г. Причитания Русского Севера в записях 1942—1945 годов. С. 8.

¹² Вопросы филологии. К 70-летию со дня рождения завкафедрой общего языкознания доктора филологических наук профессора Ивана Афанасьевича Василенко.

в Коми пединституте,¹³ возглавлял местком вуза. Одна из выпускниц КГПИ вспоминала: «Замечательными были разделы фонетики, лексики, морфологии современного русского языка. Лекции читал обаятельнейший И. А. Василенко». ¹⁴ Осенью 1943 г. И. А. Василенко среди других сотрудников и студентов, особо отличившихся на сплавных работах, награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Коми АССР.¹⁵

В экспедицию в Усть-Цильму с В. Г. Базановым ездили семь человек. Район исследований был распределен следующим образом. Базанов работал в с. Усть-Цильма и его окрестностях, А. В. Белованова — в деревнях по р. Цильме, Н. К. Митропольская — в деревнях Верхнее и Среднее Бугаево, А. П. Разумова — в д. Уег, И. П. Лупанова, Е. И. Перевалова, Л. Я. Сапожникова и Ермолина — в деревнях Хабариха и Росвино.¹⁶ Одна из студенток впоследствии часто и интересно рассказывала о первой печорской экспедиции, впечатлениях о крае и общении с людьми, о приобретении собирательского опыта, об условиях, в которых приходилось делать записи в военное время. Это было крайне сложно, отсутствовали необходимая литература и даже обычная бумага.

Как специалиста Базанова интересовала проблема сохранности былинного эпоса, поэтому практику условно называли «По следам Н. Е. Ончукова и А. М. Астаховой», которые раньше записывали в этом районе русские былины. В литературе того времени существовало мнение, что былины отжили свой век. Поэтому В. Г. Базанов прежде всего хотел найти подтверждение или опровержение этому тезису. На первых порах показалось, что пожилые люди действительно многое забыли и не могли воспроизвести тексты. Тем не менее в общей сложности практиканты записали, а позже опубликовали 36 былин.¹⁷

В Научном архиве Коми НЦ УрО РАН сохранился отчет Базанова за 1942 г. (машинопись с частичными рукописными вставками разными почерками). Во вступлении сказано, что изучение былин Нижней Печоры впервые подвергнуто обследованию в 1942 г. Цель исследования — ознакомить читателя с современным состоянием былинного эпоса на Печоре. Перед фольклористами встал выбор: записать все от одной сказительницы или стремиться к массовым поискам данного жанра в большом районе. Только на Печоре в какой-то степени удалось проявить должное внимание к индивидуальному репертуару, к отдельной личности.¹⁸ К концу 1942 г. В. Г. Базанов, будучи преподавателем университета, представил работу «Печорские былины в новой за-

Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. Ученые записки. Т. 341 / Ред. А. Н. Стеценко. М., 1969; <http://rus.1september.ru>

¹³ <http://www.uchebalegko.ru>

¹⁴ Признание. Коми пединститут в воспоминаниях выпускников (историков и филологов). Сыктывкар, 2002. С. 27.

¹⁵ Коми пединститут в годы Великой Отечественной войны... С. 75.

¹⁶ Базанов В. Поэзия Печоры. Сыктывкар. С. 3.

¹⁷ Памятники русского фольклора. Былины Печоры и Зимнего берега; Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой.

¹⁸ Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера... С. 9—10; Научный архив Коми Научного центра УрО РАН (НА Коми НЦ УрО РАН). Ф. 1, оп. 11, д. 44.

писи» для публикации. 3 марта 1943 г. он закончил Предисловие. Книга подписана к печати 8 апреля объемом 75 с., издана тиражом 2 тыс. экз.¹⁹

Несмотря на то что научная литература, вышедшая в Сыктывкаре в годы войны, как правило, представляла собой брошюры на желтоватой бумаге низкого качества в мягкой бумажной обложке, для работы Базанова была использована хорошая бумага, а 300 экземпляров переплетены в коленкор, что придавало книге подарочный вид. Именно по этой причине издание хорошо сохранилось в библиотеках Республики Коми.

Сборник содержит несколько разделов: «Страницы из прошлого», «Были о богатырях», «Вопленицы», «Об отцах и дедах в фольклоре», «Патриотические плачи-сказы», «Защищать пошли они Родину-матушку», «Поиски новых форм». Далее следуют публикации былин и плачей. Расположение материала — по районам, внутри — по сказителям. Каждому сказителю предпослана краткая характеристика с биографическими фактами. Опубликованы классические былинные сюжеты о Василии Буслаеве, Добрыне и Алеше, князе Долгоруком и ключнике, Люке Степановиче, Илье Муромце и разбойниках, Илье Муромце и Соловье-разбойнике, Илье Муромце и сыне, сводки об Илье Муромце, Садко, Соловье Будимировиче и др. В книге опубликованы отрывки фольклорного текста и великолепные описания того, как собирали и записывали данный текст.

В сборнике удачно сочетаются два подхода. Индивидуализированный подход позволил от одной сказительницы записать максимум того, что она могла исполнить, и выявить талантливых сказительниц нового поколения. Не менее важно, что во время практики охватили значительный удаленный район русского фольклора. Записанные былины В. Г. Базанов и его ученики позже опубликовали еще в одном сборнике.²⁰ Научное издание показало Базанова как высококвалифицированного автора.

Помимо былин в книге опубликованы другие формы устного народного творчества: волшеббно-героические и новеллистические сказки, 120 плачей-сказов и лирические песни.²¹ Во время фольклорной практики В. Г. Базанов со студентами воочию увидели возрождение старинной традиции — причитания, плачи, вопли по поводу провода на фронт или получения похоронных извещений. Так как Печорская причеть почти не была представлена в печатных публикациях, возникла задача собрать материал, характеризующий местную традицию, историю жанра.

Как вспоминала А. П. Разумова, студенты не раз наблюдали трагические сцены проводов мужчин на фронт, когда женщины на берегу пели прощальные песни, причитания и плачи, провожая мужей и сыновей. Запись делали во время массовых проводов мужчин в действующую армию, в беседах со вдовами, получившими похоронные извещения, и т. д. Разумова на слух определяла лучших воплениц, а впоследствии уговаривала их повторить причитания. Но позже собирательница отмечала, что при этом часто терялся эмоциональный

¹⁹ *Роцевская Л. П.* Коми книга военного времени (1941—1945 гг.). Сыктывкар, 2005. С. 32. Каждый раздел украшен заставками в виде орнаментов или жанровых картинок. К сожалению, фамилия художника неизвестна.

²⁰ *Базанов В.* Поэзия Печоры; Памятники русского фольклора. Былины Печоры....

²¹ *Базанов В.* Поэзия Печоры. С. 3.

настрой и исполнение уже отличалось от первичного исполнения. Александра Павловна была старше своих однокурсников, сама уже была вдовой, и, может быть, поэтому ей легче удавалось находить общий язык с местными женщинами. По ее воспоминаниям, причитывать они умели практически все, пожилые и молодые. Самой талантливой оказалась Е. Ф. Поздеева, 24-х лет, из д. Уег. Только от нее Разумова записала десятки текстов причитаний. Всего же их были сотни.²²

В книге «Поэзия Печоры» В. Г. Базанов поставил перед исследователями задачу собирать и изучать фольклор Отечественной войны. В Предисловии ученый отметил «замечательные патриотические плачи-сказы, в которых сказительницы Печоры рассказывают на специфическом языке народной поэзии о своей ненависти к злыдню Гитлеру, о любви к родине [...]. В Печорских плачах-сказах много еще заимствований из старой рекрутской причеты, много традиционных образов и формул — это только первый опыт народных сказителей, вступление в будущий героический эпос». Заканчивалось Предисловие следующим образом: «Инициативу народных сказителей Печоры следует только приветствовать. Союз советских писателей и научные учреждения Коми АССР должны оказать творческую помощь народным сказителям в их работе над произведениями советской тематики. Собирать и изучать фольклор Отечественной войны — такова основная задача, стоящая перед советскими фольклористами в 1943 году». Сохранившаяся в Коми НЦ УрО РАН рукопись содержит один из вариантов Предисловия.

Как видно из документов НА Коми НЦ УрО РАН, в Усть-Цилемский район сотрудники отдела фольклора Коми научно-исследовательского института и студентка Карело-Финского университета Н. К. Митропольская ездили и в 1944 г. Руководителем темы стала директор института А. И. Подорова. Они также записывали былины. Но до конца 1944 г. в связи с реэвакуацией университета в Петрозаводск собранный материал успели обработать только частично. Обработку записей перенесли на 1945 г.²³

В литературе недаром отмечают новационные итоги поездки, так как сделано одно из редких фольклористических открытий: отмечено и зафиксировано массовое возрождение жанра воинских и похоронных причитаний, которое впоследствии было подтверждено в некоторых других районах Русского Севера. Наибольшее количество причитаний записала А. П. Разумова.

Выяснилось, что в условиях войны причет несколько заслонила остальные жанры. В. Г. Базанов сделал и другие наблюдения. Отличительной чертой печорской причеты, по его мнению, являлось функциональное изменение старых поэтических образов. Вопленицы часто отступали от композиции похоронной причеты или старинного плача. Чувство личной утраты определяло все ее художественные компоненты, семейно-бытовой стиль по своему содержанию. Стиль плачей Печоры необычен: он явно тяготеет к устойчивым и сложным композициям, к замедленному повествованию, многословию. Течение стиха трудное, замедленное, текст громоздок и риторичен.²⁴

²² Лурье М. Л., Сенькина А. А. «Моя первая экспедиция на Печору — это был 42-й год». Из воспоминаний А. П. Разумовой. С. 47—48; У истоков Карельской фольклористики.

²³ НА Коми НЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 1, д. 70, л. 83.

²⁴ Русская народно-бытовая лирика. С. 9, 12—13.

Среди северных сказительниц особенно выделялась вопленица-профессионал Авдотья Кондратьевна Носова из д. Карпушовка в окрестностях с. Усть-Цильмы. Ее творческий опыт оказался настолько разнообразен, что она была готова каждый значительный факт своей жизни ввести в сюжет причитания. От А. К. Носовой в течение трех дней записали 28 плачей, так как с утра до позднего вечера она способна была «приголашиать».²⁵

Позже, уже в 1960-х годах, В. Г. Базанов подчеркивал гендерные основы причитаний. Женщина-поэт в русской поэзии редкое явление, что подтверждают многие, но женщина-поэтесса — явление обычное в фольклоре и потому особенно примечательное. Столь специфическая женская поэзия, как причитания, больше связана с дореволюционной крестьянской поэзией, в довоенный период наблюдалось падение жанра. Всплеск произошел с началом войны.²⁶

Среди участников практики наибольший интерес представляли А. П. Разумова, Н. К. Митропольская и И. П. Лупанова. Старше всех была Александра Павловна Разумова (1911—2004). Она уже имела среднее педагогическое образование, поработала в школе, но, овдовев, решила получить высшее образование, была зачислена на второй курс историко-филологического факультета университета и вместе с ним эвакуировалась в Сыктывкар. После курса лекций В. Г. Базанова она увлеклась фольклором, отправилась в дальнюю экспедицию, а позже стала профессионально изучать фольклор. Кандидат филологических наук А. П. Разумова стала заслуженным деятелем науки Карелии, выпустила несколько книг, в том числе в сотрудничестве с В. Г. Базановым.²⁷

Не менее яркой фигурой в фольклористике стала дочь ректора Карело-Финского университета кандидат филологических наук Нина Константиновна Митропольская (1921—1993). При эвакуации труд многих преподавателей и студентов Карело-Финского университета отмечен грамотами Верховного Совета Коми АССР,²⁸ в том числе Н. К. Митропольской. Этой теме посвящена кандидатская диссертация, подготовленная под научным руководством проф. В. Я. Проппа. Митропольская исследовала русский фольклор в Литве. В литературе отмечают, что она со студенческой скамьи занималась собиранием и изучением русских былин. В Вильнюсском университете работала несколько десятилетий, около 20 лет заведовала кафедрой русской литературы, бесменно руководила фольклорной практикой студентов в 1960—1987 гг. Под ее руководством серия подборок произведений разных жанров опубликована в ученых записках вузов Литвы, сборниках «Русский фольклор в Литве», академическом издании «Фольклор русского населения Прибалтики» (М., 1976). К. Н. Митропольская составила «Общий указатель сюжетов и вариантов сказок, записанных от русских старожилов Литвы», в котором учтено более 1100 произведений. Созданный под ее руководством фольклорный архив кафедры русской филологии Вильнюсского университета содержит более 60 тыс. записей фольклорных произведений разных жанров.²⁹

²⁵ Там же. С. 556.

²⁶ Там же. С. 5.

²⁷ НА Коми НЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 11, д. 69. Причитания Печорского края. Записи В. Базанова и А. Разумовой. Машинопись.

²⁸ Город Сыктывкар. Энциклопедия. С. 109.

²⁹ <http://wilstar.w.interia.pl>

Еще одна участница фольклорной практики студентов Карело-Финского университета Ирина Петровна Лупанова (1921—2003) стала литературоведом, доктором филологии, профессором. 30 лет она трудилась в Петрозаводском государственном университете, более 10 лет заведовала кафедрой литературы. Ее относят к тем ученым послевоенного поколения, кто закладывал основы и формировал филологическую культуру Карелии.

Выявлено, что на фольклорную практику ездили не только студенты. А. В. Белованова до войны работала с начала 1930-х годов в Карельском научно-исследовательском институте культуры (КНИИК), где собирала эпос под руководством А. М. Астаховой. Специалисты относят Белованову к числу лучших «профессиональных фольклористов».³⁰

Таким образом, состав фольклорной практики оказался очень необычным. Большинство из ее участников стали профессиональными фольклористами и занялись научной работой, внося крупный вклад в историю науки и культуры страны. Научные итоги практики были столь велики, что ее можно смело квалифицировать не как студенческую фольклорную практику, а как научную экспедицию.

Организация экспедиции на Печору и осмысление ее результатов побудили научное сообщество Сыктывкара пригласить В. Г. Базанова к сотрудничеству. 21 октября 1943 г. его приняли на должность руководителя секции фольклора Коми научно-исследовательского института.³¹ Как видно из отчета НИИ, в 1943 г. была организована еще одна экспедиция в Усть-Цилемский район для сбора фольклорного материала. Поездка, видимо, состоялась летом, но к осени стало очевидно, что обработать собранный фольклорный материал сотрудникам института затруднительно. За эту работу и взялся В. Г. Базанов. В Научном архиве Коми НЦ УрО РАН сохранился его рукописный отчет за 1943 г. «Фольклор с. Усть-Цильма»,³² в котором в обобщенной форме говорится о видах и типах народного творчества и приложены записанные тексты.

По производственному плану научно-исследовательского института на следующий 1944 г. Базанову требовалось подготовить рукопись «Печорские плачи». Но ученый в Коми НИИ выполнял свои обязанности до 19 июня 1944 г.³³ В июле 1944 г. Карело-Финский университет выехал в Петрозаводск. Возвращались преподаватели с семьями и 171 студент. С ними покинул Сыктывкар и В. Г. Базанов. В связи с этим с 1 июля его освободили от руководства сектором.³⁴

С 1 сентября 1944 г. Коми НИИ вошел в состав Коми Базы АН СССР как сектор языка, письменности и истории народа коми.³⁵ В отчете о деятельности

³⁰ <http://folk.krc.karelia.ru>

³¹ В 1940 г. в структуру Коми НИИ входили секции: языка, литературы и фольклора, истории. Штат состоял из 3—5 сотрудников, но к исследованиям привлекали преподавателей КГПИ, специалистов Коми издательства, писателей. Наибольшие успехи достигнуты в научной разработке коми языка. НИИ стал координационным центром по сбору и изучению фольклорных материалов.

³² НА Коми НЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 11, д. 68, 181 л.

³³ НА Коми НЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 18, д. 8 (2), л. 39, 49.

³⁴ В книге приказов записано (ошибочно), что В. Г. Базанов освобожден в связи с отъездом в Туруханскую экспедицию: в Восточную Сибирь отправился А. И. Толмачев.

³⁵ Город Сыктывкар. Энциклопедия. Сыктывкар, 2010. С. 123.

Коми Базы АН СССР за период с 1 июля по 31 декабря 1944 г. сказано, что тематический план нового отдела на 1944 г. включал 15 тем. Руководителем и исполнителем темы «Печорские плачи» был доцент, кандидат филологических наук В. Г. Базанов. Собранный материал в 1944 г. обработан и написан сборник в 15 печ. л., содержащий вступительную статью, текст плачей, комментарии. По объему отчет наиболее значительный. В нем сказано: «Сборник находится в стадии утверждения в республиканских организациях перед его изданием».³⁶ Тем не менее отчет за 1944 г. сильно отличается от подготовленных Базановым ранее, написан разными почерками, имеет повторы, некоторые тексты скопированы из книги «Поэзия Печоры».³⁷

В 1944 г. по инициативе В. Г. Базанова в НИИ обсуждали вопрос об организации экспедиций по изучению диалектов коми языка, и летом А. С. Сидоров совершил диалектологическую экспедицию в Ижмо-Печорский бассейн.³⁸

Таким образом, организованная Базановым фольклорная практика студентов Карело-Финского университета на Печору в самом тяжелом военном году выявила в нем талантливого педагога и чуткого исследователя. Базанов проследил развитие новых тенденций в русском фольклоре, обратил внимание на региональные особенности устного творчества в условиях войны и сделал научные выводы о необходимости специального изучения новых фольклорных форм. Есть еще один результат фольклорной практики: среди его студентов оказалось несколько будущих ученых.

ЛИТЕРАТУРА

- Базанов В.* Поэзия Печоры. Сыктывкар: Коми ГИЗ, 1943.
- Базанов В. Г.* Причитания Русского Севера в записях 1942—1945 годов // Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
- Былины о Красной Армии / Предисл.; подг. текстов; ред. сб. В. Г. Базанов. [Б. м.]. Госиздат К.-Ф. ССР, 1943.
- Вопросы филологии. К семидесятилетию со дня рождения заведующего кафедрой общего языкознания доктора филологических наук профессора Ивана Афанасьевича Василенко. Ред. А. Н. Стеценко // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1969. Т. 341.
- Коми пединститут в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сб. документов, материалов, воспоминаний. Сыктывкар, 2005.
- Культурное строительство в Коми АССР. Сб. документов. Сыктывкар, 1984.
- Лурье М. Л., Сенькина А. А.* «Моя первая экспедиция на Печору — это был 42-й год». Из воспоминаний А. П. Разумовой // Живая старина. 2005. № 2. С. 47—48.
- О Ленине. Былины и сказы / Предисл.; сост. В. Г. Базанов. [Б. м.]. Госиздат К.-Ф. ССР, 1943.

³⁶ НА Коми НЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 1, д. 70, л. 83.

³⁷ НА Коми НЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 11, д. 69. Причитания Печорского края. Записи В. Базанова и А. Разумовой / Под ред. В. Базанова. Сыктывкар, 1944 г. Машинопись. Судя по титру, выполнена в НИИ Коми АССР. Материалы, собранные во время экспедиции на Печору в 1942—1945 гг., вошли в книгу «Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера» (1962 г.).

³⁸ НА Коми НЦ УрО РАН, ф. 1, оп. 11, д. 73, 74. Собранный материал представляет собой рукопись в 516 с. (в другом варианте — 613 с.). В нем использованы данные почти 20 информаторов.

- Памятники русского фольклора. Былины Печоры и Зимнего берега / Подг. к печати А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. Л.: Изд. АН СССР, 1961.
- Признание. Коми пединститут в воспоминаниях выпускников (историков и филологов). Сыктывкар, 2002.
- Ректоры (директора) Коми пединститута. Сыктывкар, 2012.
- Рощевская Л. П.* Коми книга военного времени (1941—1945 гг.). Сыктывкар, 2005.
- Рощевский М. П., Рощевская Л. П., Береснева Г. Н.* Сыктывкар и Республика Коми в судьбе академиков и членов-корреспондентов АН СССР и РАН // Вестник Коми НЦ УО РАН. Вып. 14. Архивы УО РАН. Сыктывкар, 1999. С. 169—170.
- Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
- Советские сказки / Сост. и ред. В. Г. Базанов. [Б. м.]. Госиздат К.-Ф. ССР, 1943.
- Д. В. Бубрих.* К 100-летию со дня рождения / В. С. Суханова. О моем учителе. СПб.: Наука, 1992.
- У истоков Карельской фольклористики. Вып. 3: К 100-летию А. П. Разумовой. Петрозаводск, 2011.

L. P. Roshchevskaya

V. G. BASANOV'S DOCUMENTS IN THE SCIENTIFIC ARCHIVE
OF THE KOMI SCIENCE CENTRE OF THE URAL BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

During the Great Patriotic War Karelian-Finnish university was evacuated to Syktyvkar. The head of the department of literature at the university future corresponding member of the USSR Academy of Sciences V. G. Basanov was a lecturer at the Komi state pedagogical institute and at the same time a head of the folklore section at the Komi scientific and research institute, the archive of it being later handed over to the Base of the USSR Academy of Sciences in the Komi ASSR. The documents present Basanov's scientific and organizational activities and folklore recordings collected by him during the expedition to Pechora in 1942 which went down to the golden fund of the philological science.

Keywords: Russian Academy of Sciences the Ural Branch Komi Science Centre, Karelian-Finnish university, the Great Patriotic War, folklore expedition, V. G. Basanov, record keeping, scientific and organizational documents, folklore recordings.

LITERATURA

- Bazanov V.* Poyezija Pechory. Syktyvkar: Komi GIZ, 1943.
- Bazanov V. G.* Prichitanija russkogo Severa v zapisjah 1942—1945 godov // Russkaja narodno-bytovaja lirika. Prichitanija Severa. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1962.
- Byliny o Krasnoi Armii / Predisl.; podg. tekstov; red. sb. V. G. Bazanov. [B. m.]. Gosizdat K.-F. SSR, 1943.
- Voprosy filologii. K semidesjatiletiu so dnja rozhdenija zaveduyushego kafedroi obshego jazykoznanija doktora filologicheskikh nauk professora Ivana Afanas'e-vicha Vasilenko. Red. A. N. Stecenko // Uch. zap. MGPI im. V. I. Lenina. 1969. T. 341.
- Komi pединstitut v gody Velikoi Otechestvenno voiny 1941—1945 gg. Sb. dokumentov, materialov, vospominanii. Syktyvkar, 2005.
- Kul'turnoe stroitel'stvo v Komi ASSR. Sb. dokumentov. Syktyvkar, 1984.

- Lur'e M. L., Sen'kina A. A.* «Moja pervaja yekspedicija na Pechoru — yeto byl 42-i god». Iz vospominanii A. P. Razumovoi // *Zhivaja starina*. 2005. № 2. S. 47—48.
- O Lenine. Byliny i skazy / Predislovie; sostavlenie sb-ka V. G. Bazanov. [B. m.]. Gosizdat K.-F. SSR, 1943.
- Pamjatniki russkogo fol'klora. Byliny Pechory i Zimnego berega / Podgotovka k pečati A. M. Astahova. Ye. G. Borodina-Morozova, N. P. Kolpakova, N. K. Mitropol'skaja, F. V. Sokolov. L.: Izd. AN SSSR, 1961.
- Priznanie. Komi pedinstitut v vospominanijah vypusnikov (istorikov i filologov). Syktyvkar, 2002.
- Rektory (direktora) Komi pedinstituta. Syktyvkar, 2012.
- Roshevskaja L. P.* Komi kniga voennogo vremeni (1941—1945 gg.). Syktyvkar, 2005.
- Roshevskii M. P., Roshevskaja L. P., Beresneva G. N.* Syktyvkar i Respublika Komi v sud'be akademikov i chlenov-korrespondentov AN SSSR i RAN // *Vestnik Komi NC UO RAN*. Vyp. 14. Arhivy UO RAN. Syktyvkar, 1999. S. 169—170.
- Russkaja narodno-bytovaja lirika. Prichitanija Severa v zapisjah V. G. Bazanova i A. P. Razumovoi. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1962.
- Sovetskie skazki / Sost. i red. V. G. Bazanov. [B. m.]. Gosizdat K.-F. SSR, 1943.
- Bubrih D. V.* K 100-letiju so dnja rozhdenija / V. S. Suhanova. O moem uchitele. SPb.: Nauka, 1992.
- U istokov Karel'skoi fol'kloristiki. Vyp. 3. K 100-letiju A. P. Razumovoi. Petrozavodsk, 2011.

Л. В. КОРОЛЬКОВА

**КУЛЬТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ
В СОБРАНИИ ОТДЕЛА ФОТОГРАФИИ
РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

Автор представляет фотографические источники первой трети XX в., хранящиеся в Российском этнографическом музее (РЭМ), многие из которых до настоящего времени не введены в научный оборот и известны лишь ограниченному кругу специалистов. На фотографиях запечатлены культовые памятники, расположенные на территории современной Ленинградской области. Фотографии представляют значительный интерес для современного исследователя, так как большая часть изображенных объектов была уничтожена в советское время. Разнообразная тематика и уникальность памятников, запечатленных на фотоснимках, могут привлечь внимание специалистов разных областей науки: этнографов, архитекторов, искусствоведов, историков, археологов.

Ключевые слова: фотографические источники, религиозный культ, культовые памятники.

Российский этнографический музей является одним из крупнейших хранилищ, в котором представлены фотографические материалы по традиционной культуре народов России. В настоящее время фотографическое собрание РЭМ приближается к 190 тыс. ед. хр. Собрание фотопамятников связано с самым началом прошлого столетия и продолжается до настоящего времени. На протяжении всей своей истории фотографический фонд музея формировался из снимков, сделанных во время экспедиций сотрудниками музея, корреспондентами и профессиональными фотографами, привлеченными для этой работы. Кроме того, музей приобретал частные коллекции (в дар, покупка) и пополнял свое собрание за счет фотографических снимков, поступавших из различных учреждений страны. Особую ценность среди фотографических источников, хранящихся в РЭМ, представляют материалы, исполненные в первые десятилетия работы Этнографического отдела Русского музея (ЭО РМ).¹ Именно

© Л. В. Королькова, 2013. Российский этнографический музей. Санкт-Петербург, Россия.

¹ Российский этнографический музей — непосредственный преемник Этнографического отдела Русского музея императора Александра III, созданного 13 апреля 1895 г. указом императора Николая II.

эти визуальные источники составляют «золотой» фонд нашего собрания. Нужно отметить, что во многих коллекциях помимо фотоснимков с этнографическими сюжетами, маркирующими специфику культуры того или иного народа, запечатлены объекты, которые могут привлечь внимание специалистов в других областях науки: архитекторов, искусствоведов, историков, археологов и др. Это фотоснимки гражданской и культовой архитектуры, памятников живописи, прикладного искусства, письменности и пр.

Несмотря на то что на протяжении всей своей деятельности РЭМ постоянно публиковал материалы, хранящиеся в его фотографическом фонде, и выдавал разрешения на публикацию материалов исследователям из других учреждений, многие фотографические коллекции до настоящего времени не введены в научный оборот и известны лишь ограниченному кругу специалистов. Сказанное в полной мере относится и к фотоснимкам, запечатлевшим культовые постройки, сохранившиеся на территории современной Ленинградской области в первой трети XX в., и культовые предметы, хранящиеся в церквях и часовнях рассматриваемого региона. Эти фотографии представляют для современного исследователя наибольший интерес, так как большая часть из числа памятников, запечатленных на этих снимках, была уничтожена в советское время. Данное обстоятельство делает фотографическое собрание РЭМ уникальным и диктует необходимость его систематизации и осмысления. Эта работа и была проведена автором. Прежде чем представить ее результаты, следует кратко остановиться на истории формирования рассматриваемого тематического регионального собрания.

Фотографии культовых памятников, находившихся на территории быв. Санкт-Петербургской, Олонецкой, Новгородской губерний, Лодейнопольского и Тихвинского уездов, хранятся в составе 40 коллекций, сформированных в ЭО РМ в период 1901—1935 гг. Рассматриваемая тематическая подборка насчитывает более 530 фотоотпечатков. Первые фотографии, поступившие в фонд ЭО РМ, были исполнены М. А. Круковским во время его посещения Олонецкой губернии (кол. № 63, 1901 г.). В этой коллекции есть несколько снимков часовен, расположенных в Присвирских деревнях, и фотографии, на которых запечатлены культовые памятники в Александро-Свирском монастыре (церкви, фелонь и рака св. преп. Александра Свирского, сооруженная по повелению царя Михаила Федоровича).²

В следующем году фотографический фонд пополнился еще несколькими снимками культовых построек. Они были исполнены хранителем ЭО РМ Е. А. Ляцким во время этнографической поездки в район расселения оятских вепсов. Эти фотографии были зарегистрированы в кол. № 322. Вслед за Е. А. Ляцким в вепсских деревнях фотосъемку произвел корреспондент ЭО РМ А. А. Баталин, зафиксировавший несколько погостов; эти снимки вошли в состав кол. № 3066 (1908). Во время следования к месту проведения экспедиции в местности Шеменичи А. А. Баталин сфотографировал каменный крест, находившийся на средневековом могильнике в усадьбе А. Н. Неелова. Местные жители соотносили появление этого могильника со временем «набегов Литвы».³ Здесь нужно сказать, что данный снимок являет-

² Коллекционная опись РЭМ № 63—215.

³ Коллекционная опись РЭМ № 3291—1.

ся в настоящее время единственным свидетельством бытования каменных крестов в этом районе. Указанная фотография была зарегистрирована в кол. № 3291 (1908).

Основное ядро рассматриваемого фотографического собрания было сформировано в период с 1910 по 1916 г. Эта работа была выполнена сотрудником ЭО РМ Н. И. Репниковым совместно с фотографами В. М. Машечкиным и А. А. Гречкиным. Фотографии, отснятые в указанные годы, вошли в состав 22 коллекций (Новолодожский, Лодейнопольский, Тихвинский уезды). На снимках этого времени запечатлены: культовая крестьянская и городская архитектура XV—XIX вв., старинные кладбища, почитаемые каменные и деревянные кресты, монастыри, погосты, церковная утварь и книги, иконы, интерьеры храмов и часовен (кол. № 1846, 1847 — 1910 г.; № 2070, 2071 — 1911 г.; № 2459, 2460—2466, 2468 — 1912 г.; № 2716, 2818, 2820, 2828, 2839, 2840 — 1913 г.; № 3588 — 1914 г.; № 3673, 3674, 3675 — 1916 г.

Три последние коллекции дореволюционного периода были зарегистрированы в 1913 и 1915 гг. В кол. № 2792 (1913 г., от С. С. Некрасова) вошли фотографические снимки, сделанные во время выставки, проходившей в рамках XV Археологического съезда в Новгороде.⁴ Эти фотографии в настоящее время представляют большую ценность для исследователей, поскольку на них запечатлены старинные пелены, воздухи и плащаница, хранившиеся в то время в ризнице Тихвинского Успенского мужского монастыря. Тихвинская тематика в 1915 г. была дополнена фотографиями, поступившими от И. И. Тыкина (кол. № 3570, 3572). В составе этих коллекций есть шесть фотоснимков, на которых запечатлены церковные памятники XVI—XVII вв. из указанного выше монастыря.⁵

Комплектование фотографического фонда (Ленинградская область) Этнографического отдела Русского музея в советское время было продолжено Д. А. Золотаревым (кол. № 4544 — 1926 г., № 4719 — 1928 г.), Н. С. Розовым (кол. № 4630 — 1929 г., № 4848 — 1927 г.), А. А. Беликовым (кол. № 4806 — 1925 г.), Н. Ф. Прытковой (кол. № 5063 — 1929 г.), З. П. Малиновской (кол. № 5359 — 1927 г., № 5524 — 1928 г., № 5607 — 1929 г.). Последняя коллекция рассматриваемого периода была исполнена финским исследователем Лаури Кеттуненом в 1934 г. во время экспедиции в районы расселения вепсов. Контрольные отпечатки с пленки были переданы в собрание ЭО РМ от участника экспедиции, научного сотрудника музея М. Ю. Пальвадре (кол. № 5673 — 1934 г.). На фотографиях этого времени запечатлены церкви, часовни, придорожные кресты, кладбища, храмовая деревянная скульптура и пр. Нужно отметить, что по сравнению с другими темами, которые представлены в указанных выше коллекциях, культовые памятники занимают небольшой процент от общего количества снимков.

Все хранящиеся в РЭМ фотографии культовых памятников (Ленинградская область) можно разделить на несколько тематических групп. Самой большой по численности является группа «храмы»: она включает 148 фотографий. Большинство из них было сделано в Новолодожском, Лодейнопольском, Тихвинском уездах. Остальная территория Ленинградской области представ-

⁴ Каталог выставки XV Всероссийского археологического съезда в Новгороде. Отдел II (церковный) / Сост. А. И. Анисимов. Новгород, 1911.

⁵ Коллекционная опись РЭМ № 3571-17—3571-21.

лена единичными снимками (села Никольское, Ильеши, д. Кайболово). Хронологические рамки фотографических снимков — 1901—1928 гг. Наибольшее количество храмов было отснято во время экспедиций Н. И. Репникова (1911—1916). Он вместе с фотографом В. М. Машечкиным зафиксировал церкви и погосты в следующих населенных пунктах: г. Новая Ладога, селения: Архангельское, Горка, Гостинополье, Загубье, Каргиничи, Коковичи, Криницы, Масельга, Озера, Петропавловское, Подбережье, Помялово, Рогожа, Старая Ладога, Сясьские Рядки, Усадище, Шеменичи, Чука, Юковичи, Яндеба и др. Среди фотографий из коллекций Н. И. Репникова особо следует отметить снимки, на которых запечатлены уникальные памятники средневековой деревянной архитектуры: церковь Св. преп. Илии постройки 1685 г. (погост Чука), церковь Св. Георгия Победоносца в Юковичах (конец XV в.), церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Каковичах (конец XV в.), церкви Св. Георгия Победоносца 1525 г. (рис. 1) и Св. преп. Илии постройки 1675 г. в Шеменичах, церковь Преображения Господня (1630) в Шиженском погосте. Из перечисленных выше памятников архитектуры в настоящее время сохранилась только одна церковь — храм Св. Георгия Победоносца на Юковском озере.

Следующая группа из наиболее представительных групп фотографических памятников включает подборку фотоотпечатков «интерьеры храмов, иконостасы, иконы» — 79 шт. Коллекции, в которые они входят, были сформированы в период 1911—1927 гг. Практически все фотоснимки, за исключением одной фотографии Н. С. Розова, на которой запечатлен уникальный резной столб с кониками в трапезной церкви Успения Богородицы Озерского погоста, были сделаны Н. И. Репниковым и В. М. Машечкиным. На фотографиях в Новолadoжском уезде представлены наиболее почитаемые иконы и иконостасы храмов Старой и Новой Ладого, сельских церквей, расположенных в селах и деревнях этого уезда: Березье, Глядково, Загубье (рис. 2, 3), Масельга, Немытово, Подбережье, Помялово, Рогожа, Сясьские Рядки, Усадище, Шиженма. Среди этих фотоснимков особо следует отметить большой ряд фотографических памятников, на которых запечатлены все фрески церкви Св. Георгия Победоносца в Старой Ладого.⁶

Еще одну большую группу составляют фотографические источники, на которых запечатлены «часовни». Это 69 снимков, сделанных в период 1901—1934 гг. Среди них преобладают фотографии, выполненные в Лодейнопольском, Новолadoжском и Тихвинском уездах. Фотографии по другим территориям, так же как и фотографии храмов, единичны (села Ильеши, Никольское, д. Нижние Лужицы). Лучше всего в коллекциях представлены разные часовни Новолadoжского уезда. Эти памятники были зафиксированы у населенных пунктов: Бор, Белые Кресты, Бережные Лопатицы, Борисова Гора, Большая Кивуя, Бороничево, Быльщина, Веретье, Виковщина, Дубовики, Елешня, Заполёк, Ивановский Остров, Кипуя, Княщина, Кумин Бор, Масельга, Местовка, Неважа, Перевеша, Петропавловское, Порог, Симанково, Славково, Старая Ладога, Стуглево, Трусово, Чаплино. Вслед за ними по численности идут фотографии часовен восточных районов Ленинградской области: Бахарево, Канона, Киницы, Кузнецы, Надпорожье, часовни в деревнях Пелдушского погоста, Прокушево, Сарозеро, Шокшозеро, Шондовичи, Юковичи. Все часов-

⁶ Коллекционная опись РЭМ № 2464-5—25.



Рис. 1. Погост Шеменичи. Церковь Св. великомученика Георгия Победоносца. Постройка 1522 г. Олонецкая губерния, Лодейнопольский уезд, с. Шеменичи. Фотография выполнена во время экспедиции Н. И. Репникова, 1916 г.

ни, расположенные в вышеперечисленных населенных пунктах, датируются XVIII—началом XX в.

В четвертую по численности группу входят фотографии, на которых запечатлены следующие объекты: церковная утварь, использовавшаяся при богослужениях или хранящаяся в ризницах храмов, богослужебные книги (рис. 4), деревянная храмовая скульптура. В эту тематическую подборку входят 63 фотографии, исполненные в 1901—1927 гг. Из них 45 были сделаны Н. И. Репниковым и В. М. Машечкиным. Остальные фотографии поступили от М. А. Круковского, А. А. Баталина, С. С. Некрасова, И. И. Тыкина, Н. С. Розова. На фотографических снимках запечатлено много уникальных памятни-



Рис. 2. Иконостас церкви Преображения Господня. Санкт-Петербургская губерния, Новолодожский уезд, д. Загубье. Фотография выполнена во время экспедиции Н. И. Репникова, 1914 г.



Рис. 3. Икона Св. Николая Чудотворца в церкви Преображения Господня. Санкт-Петербургская губерния, Новолодожский уезд, д. Загубье. Фотография выполнена во время экспедиции Н. И. Репникова, 1914 г.

ков культуры: серебряный ковш и крест из ризницы церкви Василия Кесарийского (Старая Ладога), серебряные кресты из ризницы Никольского Староладожского монастыря, чудотворный крест из церкви Св. Климента (Старая Ладога), «осадный крест» 1703 г. из церкви Спаса в Новой Ладоге, оловянные диски и дарохранильницы из ризниц сельских церквей Новолодожского уезда и др.

Особый интерес представляют датированные памятники церковного искусства: серебряный оклад Евангелия 1644 г. из церкви Преображения Господня (с. Усадище), серебряный оклад Евангелия 1653 г. из церкви Михаила Архангела (с. Архангельское), оклады Евангелий 1685, 1689 и 1694 гг., хранящихся в ризнице собора Св. Николая Чудотворца (Новая Ладога), а также

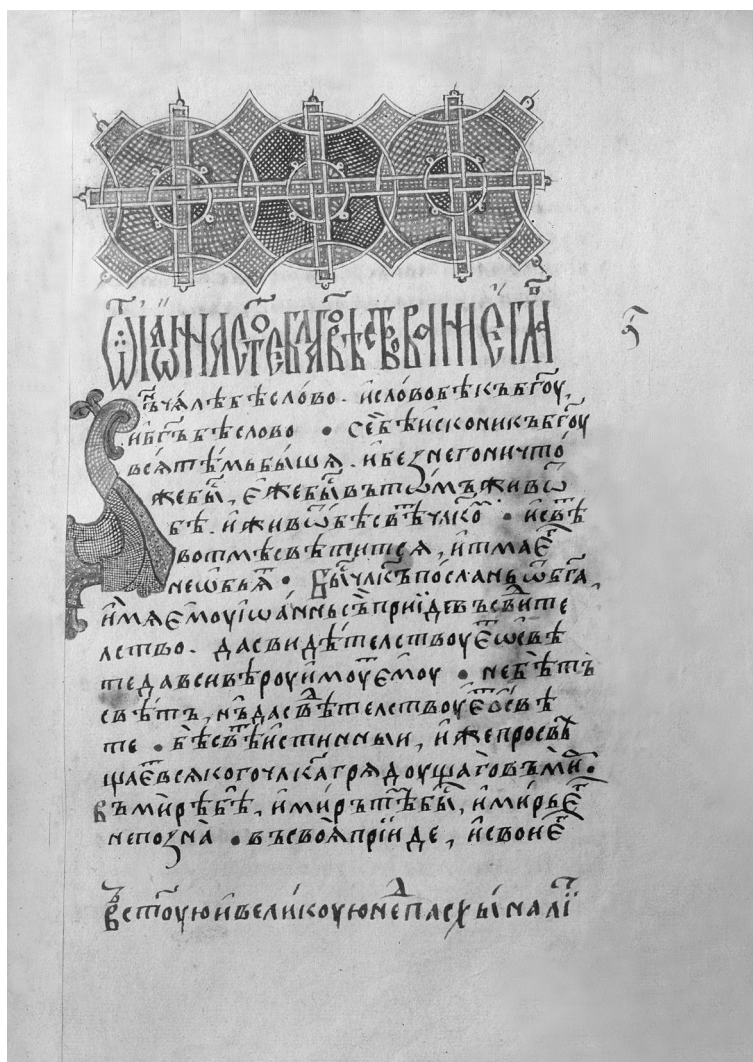


Рис. 4. Рукописное Евангелие конца XVI века. Евангелие хранилось в церкви Пресвятой Троицы. Санкт-Петербургская губерния, Новолодожский уезд, с. Помялово. Фотография выполнена во время экспедиции Н. И. Репникова, 1912 г.

Текст: «В начале бѣ слово. И слово бѣ к богу, и бог бѣ слово. Сей бѣ искони к богу вся Тем быша. И без Него ничтоже бысть, еже бысть в том живот бѣ. И живот бѣ свет человеком. И свет во тьме светится, и тьма его не объят. Бысть человек послан от Бога имя, ему Иоанн сей прииде во свидетельство. Да свидетелствует о свете да вси верующие имут ему. Не бѣть свет, но да свидетелствует о свете. Бѣ свет истинный, иже просвѣщает всякого человека грядущаго в мир. В мире бѣ, и мир тем бысть, и мир Его незнаема. Во своя приде, и свое ...».

старинные предметы убранства храма из текстиля: пелена, шитая золотом по красному атласу, с изображением Божией Матери, пожертвованная в Тихвинский Успенский мужской монастырь в 1645 г. князем Шуйским; пелена, шитая золотом и шелком, с изображением Божией Матери Тихвинской с архангелами Михаилом и Гавриилом и надписью, выполненной вязью: «Къ Богородице

прилежно ныне притецем грешнии и смиреніи припадем въ покаяніи и зовущее изъ глубины души Владычице помози...», пожертвованная в этот же монастырь столпником Дохтуровым (1682); пелена с изображением Богоматери и текстом, церковный покров «воздух» с изображением Богоявления — вклады в монастырь, сделанные царицей Евдокией Лукьяновной в 1644 и 1645 гг.; плащаница, пожертвованная в Тихвинский монастырь в 1691 г. князем Черкасским.⁷

Следующая тематическая группа включает деревянные почитаемые кресты XVII—XIX вв. — 34 фотографии (рис. 5); придорожные столбы с иконами (7 фотографий); каменные кресты у деревень Белые Кресты, Дубовики, Елешня, Заполек, Порог, Шаменичи; почитаемый камень Параскевы в с. Ильеши; «священная» сосна «Троеручица» на Староладожском шоссе у д. Кисельня; святой источник у д. Кипень. Хронологические рамки фотоснимков ограничиваются 1911—1928 гг. Они были выполнены Н. И. Репниковым, В. М. Машечкиным, А. А. Гречкиным, А. А. Беликовым, Н. С. Розовым, З. П. Малиновской. Этим фотографам и исследователям удалось зафиксировать практически все деревянные поклонные и обетные деревянные кресты, сохранившиеся в то время в населенных пунктах Новоладожского и Тихвинского уездов: Абрамовщина, Архангельское, Березье, Бережные Лопатицы, Бор, Висельник, Вындин Остров, Гостинополье, Гутovo, Дубовики, Княщино, Межумошье, Местовка, Неважа, Новая Ладога, Носок, Перевеша, Петропавловское, Помялово, Порог, Симанково, Старая Ладога, Стуглево, Сясьские Рядки. Придорожные столбы с иконами были засняты в с. Никольском, при дороге, ведущей в Николо-Старолвский монастырь в вепских деревнях: Бахарево, Сарозеро и между селениями Немжа и Озёра.

Еще одна тематическая группа включает фотоснимки сельских православных и старообрядческих кладбищ, надмогильных памятников, жальников (26 фотографий). Они были исполнены в период с 1901 по 1934 г. Несмотря на то что эта группа немногочисленна, она представляет большую научную ценность для изучения поминально-погребальной обрядности и истории старообрядчества. Особо следует отметить фотографии, на которых запечатлены лучшие образцы старинных старообрядческих надмогильных памятников: кресты и домовины. Они были зафиксированы у д. Бережок, Вельцы и Моршагины. Благодаря этим источникам мы имеем возможность проследить развитие и эволюцию традиции росписи надмогильных деревянных крестов, бытовавшей в Новоладожском уезде на протяжении почти сотни лет. Следует также упомянуть о фотографиях, выполненных в районах расселения вепсов. Они были исполнены З. П. Малиновской и Л. Кеттуненом. Исследователи зафиксировали на кладбище Пелушского погоста надмогильные кресты с орнитоморфными наверхиями, деревянный крест с рисунками на могиле ребенка и украшение детской могилы в виде ветки с лоскутками.⁸ Необходимо упомянуть еще о фотоснимках собрания РЭМ, на которых зафиксированы раскопки храма Св. Климента в Старой Ладоге. Они были выполнены археологом, сотрудником ЭО Русского музея Н. И. Репниковым, и фотографом В. М. Машечкиным. Фото-

⁷ Коллекционная опись РЭМ. № 2792-1—21; Каталог выставки XV Всероссийского археологического съезда в Новгороде. Отдел II (церковный) / Сост. А. И. Анисимов. Новгород, 1911. С. 44—45.

⁸ Коллекционная опись РЭМ № 5524-207—220; № 5673—22, 23.

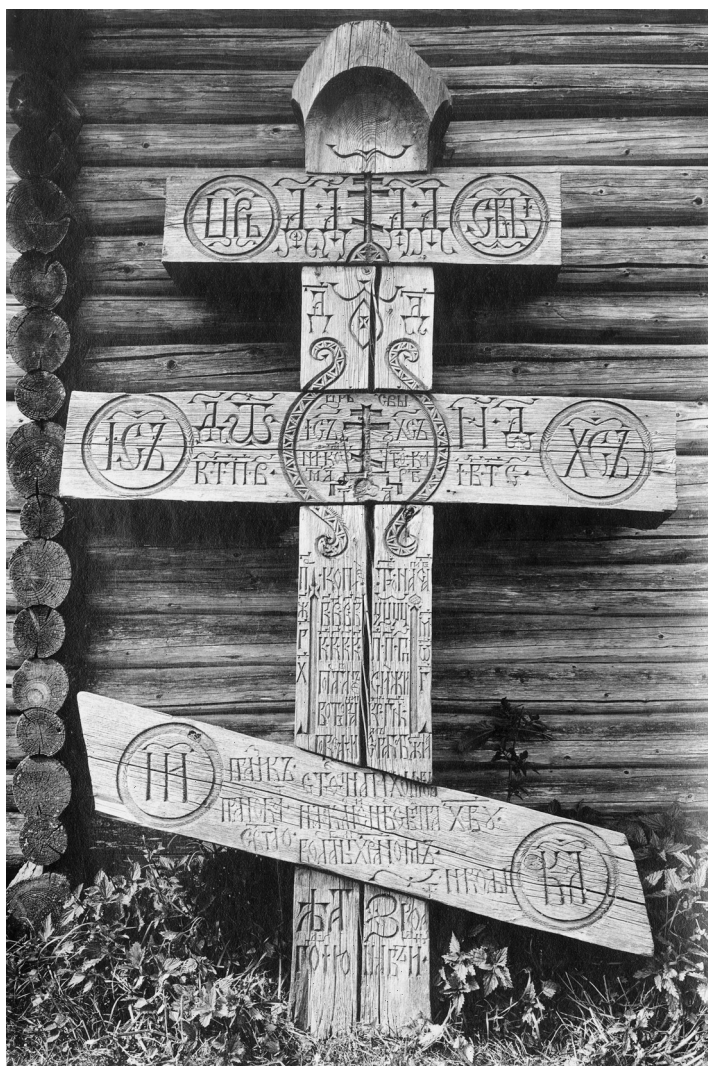


Рис. 5. Поклонный деревянный крест 1663 г. в часовне святых апостолов Петра и Павла. Санкт-Петербургская губерния, Новолодожский уезд, д. Неважа. Фотография выполнена во время экспедиции Н. И. Репникова, 1912 г.

съемка проводилась в 1910—1913 гг. На фотографиях запечатлены детали кладки стен, абсид церкви, детали пола, фрагменты росписи. Эти фотографии могут представлять значительный интерес для специалистов, изучающих памятники древнерусской архитектуры, и реставраторов.

Проведенный обзор фотографий, на которых запечатлены культовые памятники, располагавшиеся на территории современной Ленинградской области, позволяет констатировать, что в собрании РЭМ в основном имеются материалы по Новолодожскому, Лодейнопольскому и Тихвинскому уездам. Шлиссельбургский и Ямбургский уезды представлены единичными фотографиями. Однако это не снижает ценность коллекции, поскольку культовые памятники

западных районов Ленинградской области рассматриваемого времени чаще попадали в объектив профессиональных фотографов и любителей (эти фотографии сохранились в виде фотографий, открыток, публикаций). Фотографий же первой трети XX в., запечатлевших культовые памятники восточных районов Ленинградской области, немного. Поэтому рассмотренные нами фотографические памятники могут считаться уникальным источником по истории культовой архитектуры, иконописи, церковному прикладному искусству и традиционной культуре русского и вепсского народов.

L. V. Korolkova

RELIGIOUS MONUMENTS OF THE NORTH-WEST OF RUSSIA
IN THE COLLECTION OF PHOTO DEPARTMENT
OF THE RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY

Author presents the photographic sources of the first third of XX century, are stored in the Russian Museum of Ethnography. Many of them have so far not introduced into science and known only to a limited circle of specialists. The photos show cult monuments located on the territory of the Leningrad oblast. These pictures are for the modern researcher of considerable interest, as a large proportion of the number of objects depicted in these images was destroyed in the Soviet times. Versatile subjects and uniqueness of its monuments depicted on the photos can attract the attention of specialists in different fields of science: ethnographers, architects, art historians, historians.

Keywords: a photographic sources, a religious cult, the cult monuments.

В. Б. БОВИН

ОПЫТ СОЗДАНИЯ СТРАХОВОЙ КОПИИ ФОНДА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РУКОПИСНЫХ МАТЕРИАЛОВ АРХИВА

В статье рассматривается опыт работы по оцифровке звукозаписей Фонограмм-архива Института языка, литературы и истории КНЦ РАН. Полученный таким образом электронный материал позволяет решить вопрос сохранности описей и других архивных материалов путем формирования его полной страховочной копии низкого качества, не обращаться без надобности к оригиналам, работать с материалами в домашних условиях (весь образ помещается на флеш-накопитель).

Ключевые слова: электронная форма, фотосъемка.

Библиотека или архив, сформированные до XXI в., хранят документы в основном на бумажных носителях и лишь в последнее время комплектуются электронными. В силу того что бумага постепенно ветшает, а чернила выцветают, срок хранения таких документов ограничен. Таким образом, вопрос о переводе материалов в электронную форму всегда актуален. Электронными документы на бумажной основе становятся в результате сканирования, после чего, пройдя учет и систематизацию,¹ могут использоваться в научной работе. При распечатке полученных материалов на профессиональном оборудовании можно в какой-то степени воссоздать оригинальный документ.

Сканирование требует больших затрат по времени, определенных финансовых вложений, а также достаточного количества квалифицированных сотрудников. В небольших архивах или библиотеках, практически лишенных финансовой поддержки со стороны государства и вынужденных искать финансирование за счет грантов, очень сложно организовать профессиональное сканирование. Один из способов выйти из сложившейся ситуации это осуществить полистную фотосъемку архивных материалов. Такой ход позволит ученым ввести материалы в научный оборот и вместе с этим сберечь бумажные первоисточники.

© В. В. Бовин, 2013. Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Петрозаводск, Россия.

¹ Ушаков Н. В. Учет и описание цифровых полевых материалов. Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. С. 442.

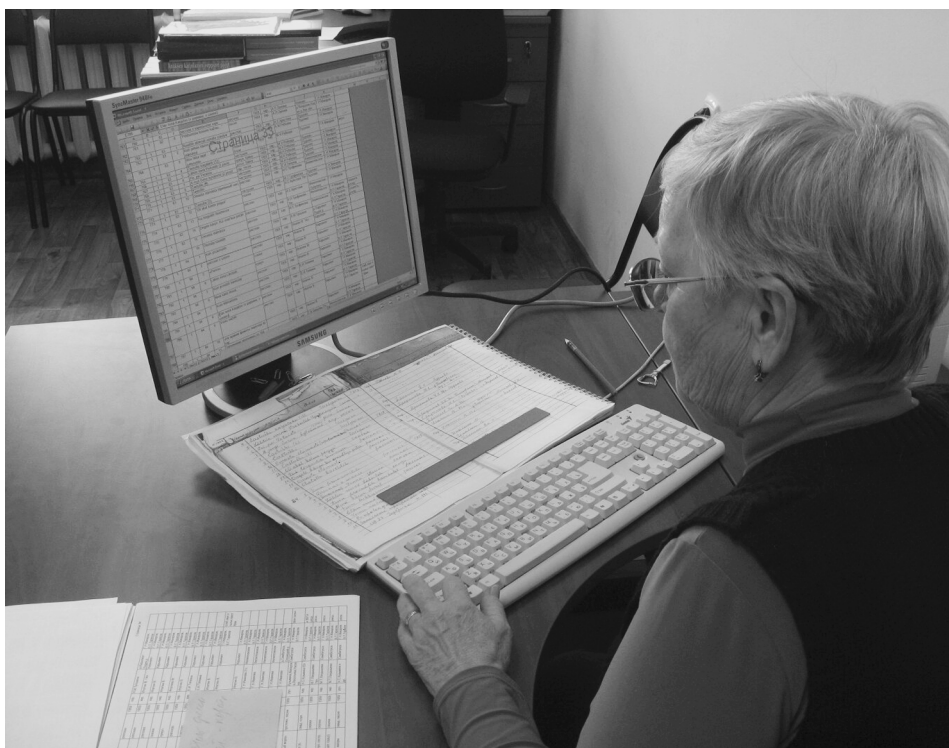


Рис. 1.

Следует заметить, что идея использования сфотографированных текстов не нова, поскольку «ввод данных (библиографических или музейных описаний) с клавиатуры крайне трудоемок и занимает много времени. Для того чтобы избавиться от этих недостатков, как библиотеки, так и музеи используют технологию ретроконверсии, которая обеспечивает быстрое и качественное наполнение БД».²

Опыт работы по оцифровке фондов Фонограммархива Института языка, литературы и истории показал, что для более эффективной работы под рукой необходимо иметь описи, помогающие сверять соответствие текста с аудиозаписями. Описи Фонограммархива представляют собой большие канцелярские тетради. Их начали вести с 50-х годов XX в. За десятилетия активной эксплуатации бумага состарилась, поэтому в 1980-х годах первые две тетради были полностью переписаны от руки. В 2009 г. были скопированы страницы журналов на лазерном копировальном аппарате. К сожалению, оптимальный вариант — сканирование в цифровой графический формат — не состоялся ввиду отсутствия средств и достаточного количества сотрудников. Заняться такой работой и сегодня не представляется возможным. Фотографирование (фотокопирование) — это как раз тот случай, когда предоставляется возможность очень быстро создать электронную копию архивных канцелярских книг. Здесь, в тексте, такая копия названа страховой, поскольку в некотором роде

² Ноль Л. Я. Сохранение электронных ресурсов по культурному наследию в музеях и библиотеках: общее и специфическое.

выполняет эту функцию.³ В действительности страховой фонд пополняется материалами, по качеству очень близкими оригиналу. Фотоаппарат вследствие оптических искажений и низкого качества «матрицы» (прибор с зарядовой связью) не может дать хорошего снимка листов тетради. Судя по всему, полученные документы правильной будет отнести к фонду использования, поскольку они идентичны оригиналам по содержанию и мало отличаются визуально.

Фотокопирование предъявляет низкие требования к осуществляемому проекту, предполагая наличие недорогого цифрового фотоаппарата и хорошо освещенного рабочего места. Фотоаппарат настраивают таким образом, чтобы текст на полученном фотоснимке страниц журнала свободно читался. Страница канцелярской тетради имеет формат А4 с размерами 30×21 см (примерно), а разворот — А3 соответственно 30×42 см.

В Фонограммархиве ИЯЛИ фотосъемка осуществлялась с предустановленными размерами фотоснимка 2816×2112 точек. Такое разрешение составляет 6 mpix (6 000 000 пикселей, или точек, формирующих электронное изображение) и соответствует максимальному разрешению использовавшегося фотоаппарата Canon. Если произвести расчет (например, программой dpi-counter),⁴ то при плотности печати 300 dpi документ будет качественно распечатан с размерами 29×22 см. Хотя указанные размеры далеки от используемых при архивном сканировании, для применения в научной работе этого вполне достаточно.

В Институте языка, литературы и истории находится сектор языкознания, где работают топонимисты, создавшие обширную картотеку топонимов Карелии. И хотя по целому ряду грантов РГНФ и президиума РАН карточки постепенно набираются в электронную базу данных, автор данной статьи счел необходимым произвести экспериментальную фотосъемку одного из каталожных ящиков с целью выявления скорости работы и качества получающихся электронных копий документов.

Из всего каталога был выбран ящик, полностью заполненный карточками. Фотосъемка проводилась при дневном свете таким образом, чтобы исключить попадание прямых солнечных лучей на страницы документов.⁵ Режим фотовспышки в фотоаппарате был отключен. Опция «Баланс белого» в функциях фотоаппарата принудительно выставлена в положение «дневной свет». Размеры фотографий должны обеспечить свободное прочтение с экрана монитора текста, отображенного на карточке, или текста страницы описи. Слишком большие разрешения фотоснимков требуют огромных объемов дискового пространства, предназначенного для хранения фотофайлов. В этой связи операционной системе необходимо дополнительное время для отображения электронных документов, что в конечном счете создаст неудобства — замедляется работа. Указанный минимум достаточен для пользовательских материалов, а высокая степень сжатия файла JPEG значительно снизит объемы файлов.

³ *Gordon McKenna*. Оцифровка: ландшафт стандартов для европейских музеев, архивов, библиотек... С. 8 URL.

⁴ *Бовин В. Б.* Понятие dpi (расчет размера изображения для печати).

⁵ *Гоголева С. А.* Создание оптимальных условий хранения документов на бумажной основе в архиве организации. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymus/main/?path=mg:/numbers/2009_1/10/03/ (дата обращения: 21.05.2014).



Рис. 2.

Полученный таким образом электронный образ позволяет:

- решить вопрос сохранности описей/карточек путем формирования его страховой и вместе с тем пользовательской копии (пусть и относительно низкого качества);

- во время работы с картотекой не обращаться к бумажным карточкам (не амортизировать оригиналы);

- при желании распечатывать любые отдельные электронные страницы;

- дает исследователю возможность работать с описями/карточками дома или в экспедиции, поскольку электронная копия даже обширной картотеки помещается на карманный флеш-накопитель.

Из отрицательных сторон можно отметить только труд, потраченный напрасно, ведь в будущем все равно данные придется вносить в базу данных — хоть с карточек, хоть с экрана монитора (правда, по мнению отдельных исследователей, с фотофайлов текст в базу набирать комфортней).

Несколько слов хотелось бы сказать о технических деталях эксперимента. Для формирования 30 журналов описей Фонограммархива использовался фотоаппарат Canon PowerShot A-540. Фотографирование 104 разворотов журнала (по две страницы за один раз) заняло в среднем 25—30 мин. Книга фотографировалась у окна при рассеянном дневном свете. В силу того что тетради старые и хорошо открываются на сгибах, прижимать разворот было обязательно, хотя иногда требовалось подложить под обложку любой предмет

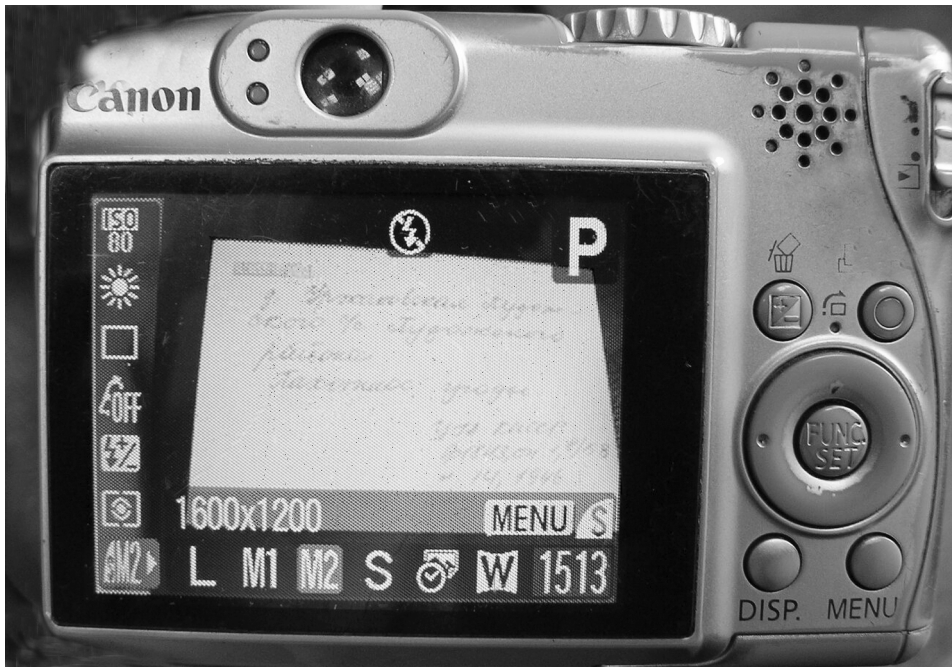


Рис. 3.

(например, другой журнал) — для предотвращения самопроизвольного перелистывания страницы.

В настоящее время электронная копия насчитывает 18 журналов. Полученными документами приходится часто пользоваться, и это действительно удобно. Поиск страницы с необходимым номером единицы хранения занимает считанные секунды. Несмотря на то что фотоаппарат назначает специфические названия фотофайлам, они переименовываются по мере обращения к электронным описям.

Для разнообразия топонимические материалы фотографировались старой моделью фотоаппарата Olympus C-770uz с разрешающей способностью 4 мрiх. Фотоаппаратом нелегко пользоваться: часто сбивались настройки диафрагмы, поэтому снимки получились низкого качества. Размер фотоснимка был выбран 1024×768 точек с параметрами сжатия «High Quality JPEG» (незначительное сжатие, т. е. почти без ухудшения качества снимка). В фотоаппарате были отключены все звуки и автоматические функции — для ускорения работы техники. Отобранный ящик содержал 1442 карточки с топонимами, размер которых в среднем составлял 12×8 см. В течение одного часа удалось сфотографировать 435 карточек, после чего разрядился аккумулятор. Впрочем, допускается использование блока питания, если фотоаппарат при длительной работе не перегревается. На следующий день в течение часа, специально отведенного на эксперимент, было отснято еще 449 карточек, на третий день — за 1 ч 13 мин — последние 488 карточек, при разрешении фотоснимка 1280×960. Во всех случаях текст на «электронных карточках» легко читался. Некоторые карточки содержали надписи на обратной стороне. Пальцы, попавшие в кадр и закрывающие незаполненную надписями часть карточ-

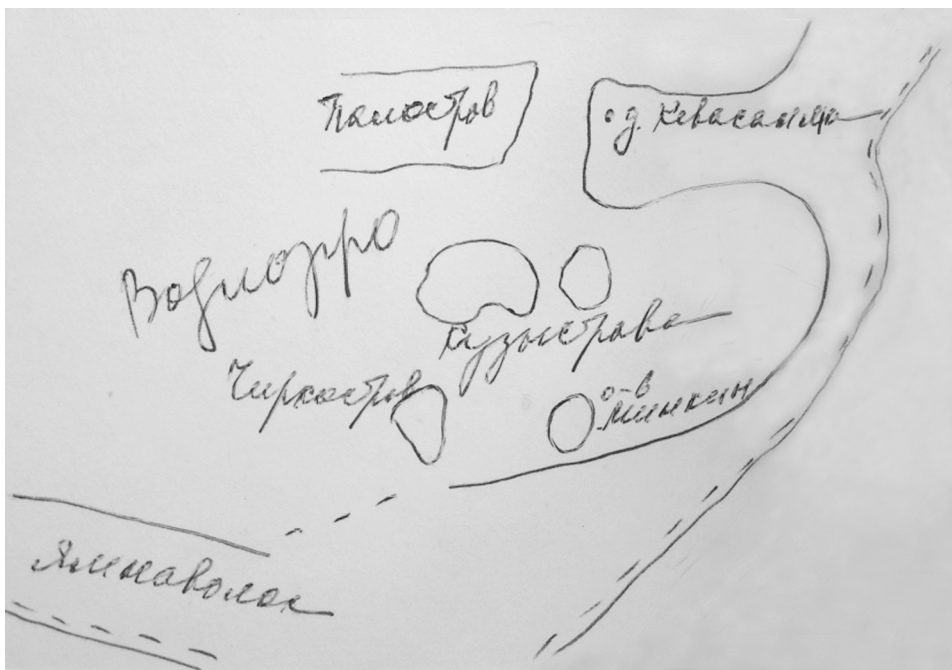


Рис. 4.

ки, служат своеобразным указателем оборота. Поскольку основная цель — это быстрое получение «электронных карточек», то высокие требования предъявлялись лишь к тексту на снимке. Дополнительно к материалам картотеки было сфотографировано 32 корешка (закладки), приклеенных к карточкам. В объектив попал и сам каталожный ящик. В итоге работа заняла три с половиной часа. Хочется добавить, что в качестве обеспечения сохранности полученного каталога фотофайлов рекомендуется создать его копию, обработанную (в целях защиты от повреждения) приложением ICSESS.⁶

Поскольку алгоритм работы достаточно прост и универсален, методика создания электронного образа может быть использована при работе с другими материалами или в других областях, например в этнографии, фольклористике. С учетом вредных условий труда с археологическими находками (каменная пыль) предварительная фотосъемка объектов помогает быстрее и точнее найти и определить находку в одном из множества секций некоторой группы шкафов. Та же ситуация имеет место с историческими документами, которые обрабатывают специальными составами. Фотографирование, осуществляемое, как правило, в краткие сроки, в дальнейшем уберезет исследователей от многочасовой работы с ветхими бумажными документами. Электронный образ будет актуальным еще долгое время — пока бумажные материалы ожидают качественного сканирования.

⁶ Бовин В. Б. Подготовка и хранение файлов фольклорно-этнографического материала на внешних носителях. Вэб-публикация статьи Международной научной конференции «Раскрывая культурное наследие: новые задачи для библиотек, архивов и музеев».

Данная методика может пригодиться небольшим библиотекам и архивам, не имеющим возможности оплачивать работу программистам за написание базы данных или нанимать сотрудников для ввода информации в уже существующую (например, собранную «на скорую руку» в приложении Microsoft Access). Однако хотелось бы повториться: несмотря на то что создание электронного образа не решает проблемы профессионального и качественного сканирования документов архива или библиотеки, в ряде случаев это может оказаться весьма полезным и существенно облегчить работу исследователя с материалами.

ЛИТЕРАТУРА

- Ушаков Н. В.* Учет и описание цифровых полевых материалов. Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб., 2013. С. 442. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-238-8/978-5-88431-238-8_60.pdf (дата обращения: 24.05.2014).
- Ноль Л. Я.* Сохранение электронных ресурсов по культурному наследию в музеях и библиотеках: общее и специфическое. URL: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2003/trud/tom1/sec/Doc103.HTML> (дата обращения: 24.05.2014). Доклад Десятой Международной конференции «Крым 2003». URL: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2003/index2.htm> (дата обращения: 24.05.2014).
- Gordon McKenna.* Оцифровка: ландшафт стандартов для европейских музеев, архивов, библиотек. Публикация Рабочей группы 3 «Исследование стандартов и подготовка рекомендаций» проекта ATHENA. С. 8 URL: http://www.minervaplus.ru/publish/standards_landscape.pdf (дата обращения: 18.05.2014).
- Бовин В. Б.* Понятие dpi (расчет размера изображения для печати). URL: <http://arstandard.narod.ru/image/dpiabout.html> (дата обращения: 24.05.2014). См. также: URL: <http://rst.krc.karelia.ru/> (дата обращения: 17.02.2014).
- Гоголева С. А.* Создание оптимальных условий хранения документов на бумажной основе в архиве организации. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2009_1/10/03/ (дата обращения: 21.05.2014).
- Бовин В. Б.* Подготовка и хранение файлов фольклорно-этнографического материала на внешних носителях. Вэб-публикация статьи Международной научной конференции «Раскрывая культурное наследие: новые задачи для библиотек, архивов и музеев». URL: <http://cultural-heritage-conf.ru/publications/bovin.htm> (дата обращения: 21.05.2014).

V. B. Bovin

EXPERIENCE OF CREATION OF INSURANCE COPIES OF FUND USE MANUSCRIPTS ARCHIVE

This article discusses the experience of the digitization of sound recordings of the audio archive of the Institute of language, literature and history of Karelian research centre of RAS. Thus obtained electronic material enables you to solve the question of the security of inventories and other archival material by forming his full backup copies of low quality, not to go without the need of the originals, to work with materials at home (the entire image fits on the flash drive).

Keywords: e-form, photography.

LITERATURA

- Ushakov N. V.* Uchet i opisaniye tsifrovyykh polevykh materialov. Radlovskiy sbornik: nauchnye issledovaniya i muzeynye proekty MAE RAN v 2012 g. SPb., 2013. S. 442. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-238-8/978-5-88431-238-8_60.pdf (data obrashcheniya: 24.05.2014).
- Nol L. Ya.* Sokhraneniye elektronnykh resursov po kulturnomu naslediyu v muzeyakh i bibliotekakh: obshchee i spetsificheskoe. URL: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2003/trud/tom1/sec/Doc103.HTML> (data obrashcheniya: 24.05.2014). Doklad Desyatoy Mezhdunarodnoy Konferentsii «Krym 2003». URL: <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2003/index2.htm> (data obrashcheniya: 24.05.2014).
- Gordon McKenna.* Otsifrovka: landshaft standartov dlya evropeyskikh muzeev, arkhivov, bibliotek. Publikatsiya Rabochey gruppy 3 «Issledovanie standartov i podgotovka rekomendatsiy» proekta ATHENA. S. 8 URL: http://www.minervaplus.ru/publish/standards_landscape.pdf (data obrashcheniya: 18.05.2014).
- Bovin V. B.* Ponyatiye dpi (rasschet razmera izobrazheniya dlya pechati). URL: <http://arstandard.narod.ru/image/dpiabout.html> (data obrashcheniya: 24.05.2014). Sm. takzhe: URL: <http://rst.krc.karelia.ru/> (data obrashcheniya: 17.02.2014).
- Gogoleva S. A.* Sozdaniye optimalnykh usloviy khraneniya dokumentov na bumazhnoy osnove v arkhive organizatsii. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2009_1/10/03/ (data obrashcheniya: 21.05.2014).
- Bovin V. B.* Podgotovka i khraneniye faylov folklorno-etnograficheskogo materiala na vneshnikh nositelyakh. Veb-publikatsiya stati Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Raskryvaya kulturnoe nasledie: novye zadachi dlya bibliotek, arkhivov i muzeev». URL: <http://cultural-heritage-conf.ru/publications/bovin.htm> (data obrashcheniya: 21.05.2014).

II. ЭКСПЕДИЦИИ КАК ИСТОЧНИК ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

А. И. ВАСКУЛ, Н. Г. КОМЕЛИНА

ЭКСПЕДИЦИИ ОТДЕЛА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН 2007—2013 гг.¹

Рассмотрены материалы, записанные в фольклорных экспедициях Пушкинского Дома на Русский Север в 2007—2013 гг. Помимо Поморья в сферу наших интересов входило исследование традиции бассейна Северной Двины и северо-восточных районов Кировской области, традиционно являющихся местами проживания старообрядческих общин. В ходе экспедиций в Кировской области были записаны рассказы о «подпольниках» (местное название «странников») и о лидере общины Христофоре Зырянове. Во всех экспедициях приоритетом для собирателей являлись традиционный фольклор и современное состояние фольклорной традиции региона.

Ключевые слова: фольклорные экспедиции, Русский Север, Архангельская, Мурманская, Кировская области, былины, эпос, сказители, М. С. Крюкова, кенотафы, святые Иоанн и Логгин Яренские, ненцы, старообрядцы, Христофор Зырянов, промысловый, обрядовый, городской фольклор, заговоры.

Экспедиции Отдела русского фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН были возобновлены в 2007 г., после продолжительного перерыва, во многом благодаря новопришедшим в Отдел сотрудникам — А. Н. Власову, А. И. Васкулу, Н. Г. Комелиной, Я. В. Зверевой. Кроме того, в поездках принимали участие исследователи из других организаций (Государственный республиканский Центр русского фольклора (г. Москва), РГПУ им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург), Русский музей (г. Санкт-Петербург) и др.).² За это время было обследовано несколько районов Русского Севера: Зимний берег Белого моря — деревни Верхняя и Нижняя Зимняя Золотица Приморского района

© А. И. Васкул, Н. Г. Комелина, 2013. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург, Россия.

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 13-04-18018е.

² Хотелось бы выразить благодарность всем участникам наших экспедиций: Д. В. Агафоновой, Т. Александровой, М. Д. Алексеевскому, А. Ю. Балакину, Ю. А. Балакину, Е. Беякову, А. Б. Бильдюг, А. Г. Боброву, С. Босову, Е. А. Дороховой, Л. Ершову, Н. Ефимовой, Т. Б. Карбасовой, И. В. Козловой, А. Косых, М. Кужлеву, С. Лунцу, Д. С. Нацевской, А. Савкину, Е. Селезневой, И. Трофимовой, Г. Н. Щупак.

(2007 и 2010), деревни Ручьи и Мегра Мезенского района Архангельской области (2013), Терский берег Белого моря — деревни Чаваньга и Чапома Терского района Мурманской области (2008), Летний берег Белого моря — деревни Лопшеньга, Яреньга Приморского района Архангельской области (2012), Северная Двина — Красноборский, Верхнетоемский и Виноградовский районы Архангельской области (2009—2010), Мурашинский и Опаринский районы Кировской области (2011—2013).³

При подготовке к экспедициям составлялись опросные листы на основании ранее опубликованных фольклорных сборников и архивных материалов. Так, для поездки на Зимний берег был составлен опросник на основе отчета В. П. Чужимова об экспедиции 1934 г.⁴ В экспедиции на Терский берег собирались сведения о сказочниках, с которыми работал Д. М. Балашов.⁵ Перед поездкой на Северную Двину были просмотрены материалы экспедиции ИРЛИ 1962 г., хранящиеся в Рукописном отделе и опубликованные в книге «Народное творчество Северной Двины»,⁶ а также описи материалов, записанных сотрудниками Фонограммархива и Санкт-Петербургской консерватории.

Традиционно большинство экспедиций, организуемых Пушкинским Домом, проводились на Русский Север,⁷ известный как центр эпического сказительства, что во многом обусловило и выбор регионов для нашей работы, так как главной плановой темой Отдела русского фольклора Пушкинского Дома является издание «Свода русского фольклора», серия «Былины», в 25 томах.⁸

Поскольку в настоящее время практически невозможно записать былинные тексты, то собирались сведения об исполнителях, с которыми работали наши предшественники. Так, одной из специальных тем опроса во время поездки на Зимний берег была запись воспоминаний о сказительнице М. С. Крюковой, жившей в Нижней Зимней Золотице и являвшейся крупной фигурой в советской фольклористике и советской культуре 1930-х годов.⁹ Воспоминания о ней позволяют дополнить факты биографии сказительницы и показать, как создается образ «выдающегося земляка» на основе краеведческого дис-

³ Отчеты о фольклорных экспедициях ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН за последние годы см.: *Власов А. Н., Комелина Н. Г., Васкул А. И.* Фольклорная экспедиция ИРЛИ 2007 г. в Архангельскую область. С. 510—514; *Васкул А. И., Власов А. Н., Зверева Я. В., Комелина Н. Г.* Фольклорно-археографическая экспедиция на Терский берег Белого моря, в Соловецкий музей-заповедник и г. Кемь. С. 224—231; *Васкул А. И., Власов А. Н., Зверева Я. В., Комелина Н. Г.* Экспедиции Отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в 2008—2010 гг. С. 496—500.

⁴ Государственный литературный музей. ФА Инв. № 9/9 В. П. Чужимов. 6422/1. Авт. 15 л. Народнопоэтическое творчество в с. Зимняя Золотица. Авт. [после 1934 до 1939].

⁵ *Балашов Д. М.* Сказки Терского берега Белого моря.

⁶ Народное творчество Северной Двины.

⁷ Экспедиции А. М. Астаховой на Печору и Зимний берег Белого моря, поездка Н. П. Колпаковой на Терский берег Белого моря в 1937 г., экспедиции Д. М. Балашова на Печору и Терский берег в 1960 г., экспедиции Ю. И. Марченко, Л. И. Петровой и А. Ю. Кастрова на Северную Двину в 1980-е годы и др.

⁸ Свод русского фольклора. Серия «Былины в 25 томах». СПб.; М., 2001—2012. Т. 1—7.

⁹ *Комелина Н. Г.* Создание образа советского сказителя в 1930—1940-е годы (на примере М. С. Крюковой). С. 276—285.

курса (например, интервью с библиотекарем об организации и проведении мемориальных мероприятий, а также со школьниками и учителями местной школы о степени включения биографии и творчества М. С. Крюковой в школьную программу) и меморатов (воспоминания односельчан, лично знавших сказительницу). В домах местных жителей были отсняты фотоальбомы и документы, позволяющие дополнить имеющиеся сведения о династии Крюковых. Наиболее удачным можно признать сотрудничество с внучатой племянницей М. С. Крюковой — М. П. Борисенковой (1940 г. р., Верхняя Золотица), в архиве которой были скопированы рукописи сказительницы, письма ученых (Э. Г. Бородиной-Морозовой), отсняты маргиналии и дарственные надписи на книгах из ее библиотеки.

На Терском берегу была также предпринята попытка собрать сведения и воспоминания местных жителей об исполнителях, с которыми работали прежние собиратели-фольклористы, в частности А. В. Марков¹⁰ и Д. М. Балашов.¹¹ Так, Марковым в конце XIX—начале XX в. на Зимнем берегу Белого моря от А. М. Крюковой (в девичестве Стрелковой) был записан основной корпус беломорских былин,¹² часть которых она усвоила в д. Чаванга Терского берега, откуда была родом. Меморатов о жизни и репертуаре информантов Маркова и Балашова записать не удалось. Однако администрация и библиотека района проводят краеведческие мероприятия, на которых в том числе рассказывается о фольклорном наследии края и актуализируются имена сказительницы А. М. Крюковой и фольклориста-сборителя Д. М. Балашова.

Еще одной темой экспедиций на Белое море является промысловый фольклор, связанный с самоидентификацией местного жителя как помора, что включает данный аспект в контекст «поморской» специфики экспедиций института. В этом ряду можно назвать рассказы о промысле (рыболовном и зверобойном), описание рыболовных наделов — тоней (в прошлом и настоящем), промысловую магию (заговоры на удачу на рыбалке или на охоте), народные религиозные практики, связанные с идеей «доли» и «удачи» — обычай устанавливать обетные кресты, мифологические рассказы.¹³

Можно отметить, что в современной поморской деревне становится обычным установка крестов на местах гибели людей (кенотафов), распространенная повсеместно и в России, и во многих странах — на местах автомобильных аварий.¹⁴ Для Поморья специфичным является установка таких крестов вдоль рек и на берегу моря — место, где было обнаружено тело утопленника, иногда — традиционно обетный или поклонный крест с функцией кенотафов — в память о погибших на море. Утопленники относятся к категории «за-

¹⁰ Результаты экспедиции А. В. Маркова опубликованы в «Трудах музыкально-этнографической комиссии, состоящей при этнографическом отделе Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» (М., 1911. Т. 2) и позднее переизданы С. Н. Азбелевым в сборнике «Беломорские старины и духовные стихи» (СПб., 2002).

¹¹ Балашов Д. М., Красовская Ю. Е. Русские свадебные песни Терского берега Белого моря; Балашов Д. М. Сказки Терского берега Белого моря.

¹² Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М., 1901.

¹³ Алексеевский М. Д., Васкул А. И., Козлова И. В., Комелина Н. Г. Традиции рыбаков и зверобоев Терского берега Белого моря. С. 15—19.

¹⁴ См.: Соколова А. Д., Юдкина А. Б. Памятные знаки на местах автомобильных аварий // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 150—164.

ложных» покойников в терминологии Д. К. Зеленина.¹⁵ Осторожное отношение к ним проявляется в том, чтобы их не захоранивали в одном ряду с колдунами и самоубийцами, которым отведено определенное место на кладбище, даже если смерть произошла в результате несчастного случая. Место захоронения может меняться в зависимости от того, «свой» это покойник или неизвестный. Своих, как правило, хоронят на кладбище, а чужих могут похоронить отдельно или даже, по словам информантов, на месте обнаружения тела. Особенностью ритуальных практик является просьба-обращение к морю отдать тело, зафиксированное на Зимнем и Летнем берегах. В одном из интервью такого рода обращение было охарактеризовано информантом как «приплакивание».

На Летнем берегу мы предприняли попытку записать воспоминания жителей сел Лопшеньга и Яреньга, связанные с местными святыми Иоанном и Логгином.¹⁶ Следует признать тот факт, что зафиксированные нами сведения очень немногочисленны и отрывочны. Необходимо отметить, что все опрошенные связывают св. Иоанна и Логгина с Соловецким монастырем — это объясняется тем, что среди местного населения распространена репродукция иконы 1915 г., где на обратной стороне приведены краткие биографические сведения о святых, заимствованные из «Соловецкого Патерика».

В «Историческом описании приходов и церквей Архангельской епархии» упоминаются три часовни в яренгском приходе: *«Одна на берегу Белого моря у реки Сярте, в 7 верстах на запад от Яреньги — на месте обретения мощей праведного Иоанна, другая на берегу Белого моря у р. Сосновки, в 8 верст на восток от Яреньги, на месте обретения мощей прав. Логгина, и третья близ приходских церквей над могилами св. Иоанна и Логгина, почивавших своими нетленными телесами под стенами ея пятьдесят лет до перенесения их в Зосимо-Савватиевскую церковь»*.¹⁷ В настоящее время сохранилась, хоть и в сильно разрушенном виде, часовня на месте, где были обретены мощи св. Логгина (на р. Сосновке, между Яреньгой и Уной). На месте, где стояла церковь с мощами Иоанна и Логгина, поставлен памятный крест. Каждый год в день памяти святых — 16 июля — в Яреньге о. Антоний проводит службу. Тем не менее следует констатировать, что в настоящее время культ почитания Иоанна и Логгина находится в стадии угасания среди жителей Лопшеньги и Яреньги. Очевидно, это связано с политикой советского времени и тем, что мощи святых были вывезены.

В 2013 г. с продвижением полевых работ на Зимнем берегу на север, вдоль побережья Белого моря, к г. Мезени, нами были отмечены некоторые из-

¹⁵ Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.

¹⁶ Иоанн (1544) и Логгин (ранее 1569?) утонули вблизи с. Яреньга в середине XVI в. Тело Иоанна было обнаружено местными жителями приблизительно в 1544 г. на берегу Белого моря у р. Сярта (между Лопшеньгой и Яреньгой), тело Логгина немногим позднее — у р. Сосновки (между Уной и Яреньгой). Вскоре после совершившихся чудес мощи святых были перенесены в Никольскую церковь Яреньги, а в 1638 г., после того как Яренгский монастырь вошел в состав Соловецкой обители, — в новую отстроенную церковь в честь Зосима и Савватия Соловецких, где они и покоились, пока не были изъяты в годы советской власти. Дни памяти святых празднуются 3 (16) июля (день перенесения мощей в церковь Зосимы и Савватия), Иоанна — 24 июня (7 июля), Логгина — 16 (29) октября.

¹⁷ Историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии.

менения в фольклорной традиции. В д. Ручьи живут обрусевшие ненцы, в прежние годы пасшие колхозное стадо оленей. В деревенском сообществе можно наблюдать устойчивые этнические стереотипы, выражающиеся в фольклоре: бытование преданий о ненецком кладе, записанных нами от русского/поморского и ненецкого населения, мифологической прозы о колдунах, в которой отражается представление о ненцах как обладателях особого магического знания. Фольклорная традиция деревень Ручьи и Мегра тяготеет к мезенской традиции. Общих черт с фольклором Нижней и Верхней Зимней Золотицы, с которыми соседствуют деревни на юге, не наблюдалось. Причиной этому служит административная принадлежность изучаемых деревень к Мезенскому району. Брачные, экономические и торговые связи тяготеют к г. Мезени и населенным пунктам по р. Мезень.

Помимо Поморья в сферу наших интересов входит исследование традиций бассейна Северной Двины и северо-восточных районов Кировской области, традиционно являющихся местами проживания старообрядческих общин.

Одной из центральных тем в беседах с населением упомянутых регионов для нас были обрядовые практики староверов (крещение и похороны). Большинство из опрошенных людей в настоящее время не придерживаются по всей строгости догматов «древлеправославной церкви» и, как правило, предаются воспоминаниям о своих родственниках-староверах.

В ходе экспедиций в Мурашинский район Кировской области (2010—2013) были записаны рассказы о «подпольниках» (таково местное название «странников») и о лидере общины Христофоре Зырянове. Интервью были записаны в д. Даниловке, поселках Мураши, Октябрьском, Староверческом и Безбожник. Большинство рассказов о «подпольниках» были зафиксированы в ходе бесед со старообрядцами или их потомками. Следует отметить, что старообрядцы Мурашинского района — беспоповцы-поморцы. Несколько интервью можно назвать «экспертными», записанными от редактора местной газеты, милиционера и школьной учительницы истории.

Бытование рассказов о «подпольниках» и «секте» Христофора Зырянова связано с громким уголовным делом, которое имело место в 1930-е годы. В рассказах о «секте» Зырянова смешиваются особенности учения странников, ритуальная практика (крещение перед смертью) и стереотипные представления о сектантах («красная смерть» и «душилова» вера, обвинения в ритуальном убийстве и др.), берущие свое начало в антисектантских сочинениях (сексуальные оргии, насилие, убийства, стремление к богатству). Приведенные нами сюжеты можно расценивать как конфессиональные стереотипы или представления о соседях. О. В. Белова говорит об их устойчивости и сохранении памяти о соседях, «когда само соседство уже стало фактом истории».¹⁸

Во всех экспедициях приоритетом для собирателей являлись традиционный фольклор и современное состояние фольклорной традиции региона. Наиболее востребованными и распространенными жанрами в обследованных нами местах являются мифологические рассказы,¹⁹ заговорные тексты, город-

¹⁸ Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005. С. 237.

¹⁹ Зверева Я. В. Мифологические рассказы Зимнего берега Белого моря // Живая старина. 2011. № 4.

ские песни²⁰ и частушки. Практически во всех посещенных нами населенных пунктах удалось записать фрагменты духовных стихов (например, «Два Лазаря», «Умоляла мать родная...» и т. д.). На Северной Двине было зафиксировано более 40 заговорных текстов, которые можно разделить на четыре тематические группы: лечебные, любовные, социально-бытовые, скотоводческие. Следует также оговориться о форме бытования заговоров: большинство текстов нами записано со слов, но в некоторых случаях для памяти они фиксировались информантами в тетрадках.

Обрядовый фольклор зафиксирован в виде рассказов о Святках (святочные гадания и тексты подблюдных песен, обходы домов и колядки, обрядовые бесчинства) и о свадьбе (описание обряда, свадебные песни и фрагменты свадебных причетов). Единственным из обрядов, сохранившимся до сих пор в живом бытовании, остается похоронный ритуал. Помимо последовательного описания самого обряда с включением в некоторых случаях текстов похоронных причитаний мы записывали приметы о смерти, рассказы о покойниках и т. д.²¹

Наряду с традиционным фольклором во всех поездках мы обращаем внимание на самодеятельное творчество местных поэтов, исполнительских коллективов (ансамблей, хоров), краеведческую работу домов культуры, школ и музеев, что позволяет представить, как конструируется образ малой родины в сознании населения. В большинстве деревень нами зафиксирован репертуар местных ансамблей.

В 2011—2013 гг. в Мурашинском районе Кировской области работа для группы фольклористов была не вполне обычной, что связано с историей освоения района: большинство населенных пунктов появилось здесь в начале XX в. вследствие строительства железной дороги и образования леспромхоза, и потому говорить о постоянном составе населения со сложившейся традиционной культурой для данной местности невозможно.

Интерес представляют интервью с жителями лесных поселков Бежбожник и Староверческое в плане анализа их идентичности и религиозной принадлежности. Названия поселкам на новой железнодорожной ветке были даны в 1920-е годы во время антирелигиозной кампании. Советская история нашла отражение в персональных нарративах: рассказы о лесоповале (праздники на лесоповалах, организация досуга и др.), военнопленных и переселенных лицах (эстонцы, поляки и др.).

Влияние городской культуры на обряды и практики местного населения проявляется в проникновении современной свадебной обрядности (замочки на мостах). Источником практики является «мост самоубийц» в г. Кирове. Кроме того, мантические практики жителей поселков совмещают в себе спиритические сеансы (вызывание душ умерших) с исполнением традиционных подблюдных песен «илий».

Можно сказать, что работа в поселках городского типа с большим населением отличается от записи фольклора в удаленных от центра деревнях. Специфика заключается в большом количестве нарративов о своей жизни, отражающих оторванность от традиционного крестьянского быта, и в переключе-

²⁰ *Комелина Н. Г.* «Не пришлось рыбакам-то пожить». Городская песня на Зимнем берегу Белого моря // *Живая старина*. 2011. № 1.

²¹ *Козлова И. В.* Похоронный обряд на Северной Двине // *Живая старина*. 2012. № 3. С. 53—55.

нии внимания на советское прошлое. Возможно, это связано не только с характером поселения, но и с возрастом информантов.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеевский М. Д., Васкул А. И., Козлова И. В., Комелина Н. Г.* Традиции рыбаков и зверобоев Терского берега Белого моря // Живая старина. 2009. № 2.
- Балашов Д. М.* Сказки Терского берега Белого моря. Л., 1970.
- Балашов Д. М., Красовская Ю. Е.* Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л., 1969.
- Белова О. В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.
- Марков А. В.* Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М., 1901.
- Беломорские старины и духовные стихи: Собр. А. В. Маркова / Ред. С. Н. Азбелев и Ю. И. Марченко. СПб., 2002.
- Васкул А. И., Власов А. Н., Зверева Я. В., Комелина Н. Г.* Экспедиции Отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в 2008—2010 гг. // Русский фольклор. СПб., 2011. Т. 34. С. 496—500.
- Васкул А. И., Власов А. Н., Зверева Я. В., Комелина Н. Г.* Фольклорно-археографическая экспедиция на Терский берег Белого моря, в Соловецкий музей-заповедник и г. Кемь // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2009. № 3.
- Власов А. Н., Комелина Н. Г., Васкул А. И.* Фольклорная экспедиция ИРЛИ 2007 г. в Архангельскую область // Русский фольклор. СПб., 2008. Т. 33. С. 510—514.
- Зверева Я. В.* Мифологические рассказы Зимнего берега Белого моря // Живая старина. 2011. № 4. С. 47—50.
- Зеленин Д. К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.
- Историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1894. Вып. 1.
- Козлова И. В.* Похоронный обряд на Северной Двине // Живая старина. 2012. № 3.
- Комелина Н. Г.* Создание образа советского сказителя в 1930—1940-е гг. (на примере М. С. Крюковой).
- Комелина Н. Г.* «Не пришлось рыбакам-то пожить». Городская песня на Зимнем берегу Белого моря // Живая старина. 2011. № 1. С. 61—64.
- Народное творчество Северной Двины / Сост. и авторы вступ. ст. В. В. Митрофанова и Л. В. Федорова. Архангельск, 1966.
- Свод русского фольклора. Серия «Былины в 25 томах». СПб., М., 2001—2012. Т. 1—7.
- Соколова А. Д., Юдкина А. Б.* Памятные знаки на местах автомобильных аварий // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 150—164.
- Труды музыкально-этнографической комиссии, состоящей при этнографическом отделе Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1911. Т. 2.

A. I. Vaskul, N. G. Komelina

THE EXPEDITIONS OF THE DEPARTMENT OF THE RUSSIAN FOLKLORE OF THE INSTITUTE OF RUSSIAN LITERATURE (PUSHKINSKIJ DOM), RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES 2007—2013

This article reviews the materials recorded in folklore expeditions of the Pushkin House to the Russian North in 2007—2013. In addition to Pomorye in the sphere of our interests is the study of the traditions of the Severnaya Dvina basin and North-Eastern

regions of the Kirov region, which traditionally places the old believer communities. During expeditions in the Kirov region were recorded stories about the «podpolnyh» (that's the local name for «Wanderers») and community leader Christopher Zyryanov. All expeditions priority for collectors was traditional folklore and modern state folk traditions of the region.

Keywords: folklore expeditions, the Russian North, Arkhangelsk, Murmansk, Kirov region, epic, storytellers, M. S. Kryukova, cenotaphs, saints John and Loggin Jaregskoe, Nenets, old believers, Christopher Zyryanov, commercial, ceremonial, urban folklore, spells.

LITERATURA

- Alekseevskiy M. D., Vaskul A. I., Kozlova I. V., Komelina N. G.* Traditsii rybakov i zveroboev Terskogo berega Belogo morya // *Zhivaya starina*. 2009. № 2.
- Balashov D. M.* Skazki Terskogo berega Belogo morya. L., 1970.
- Balashov D. M., Krasovskaya Yu. Ye.* Russkie svadebnye pesni Terskogo berega Belogo morya. L., 1969.
- Belova O. V.* Etnokulturnye stereotipy v slavyanskoj narodnoj traditsii. M., 2005.
- Markov A. V.* Belomorskie byliny, zapisannye A. V. Markovym. M., 1901.
- Belomorskie stariny i dukhovnye stikhi: *Sobr. A. V. Markova / Red.: S. N. Azbelev i Yu. I. Marchenko.* SPb., 2002.
- Vaskul A. I., Vlasov A. N., Zvereva Ya. V., Komelina N. G.* Ekspeditsii Otdela russkogo folklora Instituta russkoj literatury (Pushkinskiy Dom) RAN v 2008—2010 gg. // *Russkiy folklor.* SPb., 2011. T. 34.
- Vaskul A. I., Vlasov A. N., Zvereva Ya. V., Komelina N. G.* Folklorno-arkheograficheskaya ekspeditsiya na Terskiy bereg Belogo morya, v Solovetskiy muzey-zapovednik i g. Kem // *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 2009. № 3.
- Vlasov A. N., Komelina N. G., Vaskul A. I.* Folklornaya ekspeditsiya IRLI 2007 g. v Arkhangelskuyu oblast // *Russkiy folklor.* SPb., 2008. T. 33.
- Zvereva Ya. V.* Mifologicheskie rasskazy Zimnego berega Belogo morya // *Zhivaya starina*. 2011. № 4.
- Zelenin D. K.* Izbrannye trudy. Ocherki russkoj mifologii: Umershie neestestvennoy smertyu i rusalki. M., 1995.
- Istoricheskoe opisanie prikhodov i tserkvey Arkhangelskoj eparkhii. Arkhangelsk, 1894. Vyp. 1.
- Kozlova I. V.* Pokhoronnyy obryad na Severnoy Dvine // *Zhivaya starina*. 2012. № 3.
- Komelina N. G.* Sozdanie obraza sovetskogo skazitelya v 1930—40-e gg. (na primere M. S. Kryukovoy) // *Obraznyy mir traditsionnoj kultury: Sbornik statej.* M., 2010.
- Komelina N. G.* «Ne prishlos rybakam-to pozhit». Gorodskaya pesnya na Zimnem beregu Belogo morya // *Zhivaya starina*. 2011. № 1.
- Narodnoe tvorchestvo Severnoy Dviny / *Sost. sb. i avtory vstup. st. V. V. Mitrofanova i L. V. Fedorova.* Arkhangelsk, 1966.
- Svod russkogo folklora. Seriya «Byliny v 25 tomakh». SPb., M., 2001—2012. T. 1—7.
- Sokolova A. D., Yudkina A. B.* Pamyatnye znaki na mestakh avtomobilnykh avariij // *Etnograficheskoe obozrenie*. 2012. № 2.
- Trudy muzykalno-etnograficheskoy komissii, sostoyashchey pri etnograficheskom otdele Imperatorskogo Obshchestva lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografii. M., 1911. T. 2.

А. Б. БИЛЬДЮГ, Л. А. ЕРШОВ, Н. А. ЕФИМОВА,
М. В. КУЖЛЕВ, С. А. ЛУНЦ

**АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ ПУШКИНСКОГО ДОМА
В СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ РАЙОНЫ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
(2012—2013)¹**

Статья посвящена результатам археографических экспедиций Пушкинского Дома на северо-запад Кировской области в 2012—2013 гг. Эти районы оказались практически не изученными археографами в предыдущие годы. Серия экспедиций на Вятку, начатая сотрудниками ИРЛИ РАН в 2010 г., позволила выявить существование здесь рукописно-книжной традиции. Вероятнее всего было бы предположить, что ее истоки связаны с книжностью известной старообрядческой общины в Подрелье, ведущей свою историю с 80-х годов XVIII в. благодаря деятельности одного из насельников Данилова скита на Выгу.

Ключевые слова: Русский Север, археография, палеография, старообрядчество, локальная рукописно-книжная традиция.

Основная часть археографической работы Пушкинского Дома в течение десятилетий была сосредоточена преимущественно на Русском Севере, в среде старообрядцев. Ныне коллекция Древлехранилища им. В. И. Малышева ИРЛИ РАН насчитывает почти 12 000 рукописей, большая часть которых со-

© А. Б. Бильдюг, 2013. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург, Россия. © Л. А. Ершов, 2013. Российский государственный исторический архив. Санкт-Петербург, Россия. © Н. А. Ефимова, 2013. Библиотека Российской Академии наук. Санкт-Петербург, Россия. © М. В. Кужлев, 2013. Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет. Санкт-Петербург, Россия. © С. А. Лунц, 2013. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург, Россия.

¹ Экспедиции Пушкинского Дома в северо-западные районы Кировской области проводились при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (2011 г. — «Фольклорно-археографическая экспедиция: Пудожский район Карелии и северные районы Кировской области», грант № 11-04—18021е; 2012 г. — «Фольклорно-археографическая экспедиция в Мурашинский район Кировской области, Приморский и Каргопольский районы Архангельской области», грант № 12-04-18017; 2013 г. — «Фольклорно-археографическая экспедиция. Мезенский и Каргопольский районы Архангельской области, северные районы Кировской области», грант № 13-04-18018).

ставляет, по словам основателя собрания, «библиотеку севернорусского крестьянина». Особенностью хранилища является то, что распределение рукописей по территориальному принципу позволяет изучать локальные рукописно-книжные традиции. Например, усть-цилемские рукописи, их переписчики, крестьянские библиотеки исследованы В. И. Малышевым,² северодвинские — В. П. Бударагиным,³ пинежские — Н. В. Савельевой⁴ и т. д. Серия экспедиций на Вятку, начатая сотрудниками ИРЛИ РАН в 2010 г., является логическим продолжением изысканий предыдущих лет и попыткой осмыслить историю книжности исследуемых территорий в контексте рукописно-книжных традиций Русского Севера.

Изучаемые районы располагаются между Республикой Коми, Архангельской и Вологодской областями, которые давно известны археографам как центры старообрядческой книжности. С другой стороны, исследуемые территории административно входят в состав Кировской области (когда-то Вятской губернии).

Вятка долгое время находилась в центре внимания петербургских и уральских археографов. Начало ее археографическому обследованию было положено А. И. Копаневым в 1968 г. С 1978 г. Уральский государственный университет также начал изучение этого региона. В дальнейшем экспедиции на Вятку проходили в тесном взаимодействии сотрудников БАН и УрГУ. В результате в БАН было сформировано Вятское собрание, которое теперь насчитывает более 1000 ед. хр., а при Лаборатории археографических исследований УрГУ появилось Кировское территориальное собрание.⁵

Таким образом, северо-западные районы Кировской области граничат с двумя разными, но одинаково богатыми с точки зрения археографии территориями. Сотрудниками Пушкинского Дома была выдвинута гипотеза о близости рукописно-книжных старообрядческих традиций северо-западных районов Вятки к северным областям.

Отметим, что в ходе экспедиций предыдущего столетия эти районы остались практически неизученными. Так, например, в Мурашинском районе экспедиция БАН была лишь однажды. В 1969 г. здесь побывали А. И. Копанев и Н. Ю. Бубнов. В исчезнувшей ныне д. Омутная исследователи нашли несколько поздних старообрядческих рукописей местного письма. В ходе поездки были обнаружены также новопечатные и, по словам археографов, «малоинтересные» книги.⁶ Район представлялся малоперспективным.

² *Малышев В. И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв.

³ *Бударагин В. П.* 1) «А красок и туши с книгами пошли...» // Пути и миражи русской культуры. С. 364—382; 2) Северодвинская рукописная традиция и ее представители (По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома). С. 401—405.

⁴ *Савельева Н. В.* Очерк истории формирования Пинежской книжно-рукописной традиции. Описание рукописных источников. СПб., 2003 (Пинежская книжно-рукописная традиция XVI—начала XX в. Опыт исследования. Источники. Т. 1); *Савельев А. А., Савельева Н. В.* Описание старопечатных изданий XV—нач. XX в. Указатели. СПб., 2005 (Пинежская книжно-рукописная традиция XVI—начала XX в. Опыт исследования. Источники. Т. 2).

⁵ *Бубнов Н. Ю., Мартынов И. Ф.* 1) Археографические экспедиции Библиотеки АН СССР 1969 и 1970 гг. в Кировскую область. С. 465—484; 2) К истории книжной культуры Южной Вятки: Полевые исследования. По материалам археографических экспедиций 1984—1988 гг.

⁶ *Бубнов Н. Ю., Мартынов И. Ф.* Археографические экспедиции Библиотеки АН СССР 1969 и 1970 гг. в Кировскую область. С. 467—468.

В 2010 г. А. Н. Власов и Е. А. Дорохова выявили, что здесь, на землях, ранее входивших в состав Орловского уезда Вятской губернии, существует община старообрядцев поморского согласия. И вероятнее всего было бы предположить ее происхождение от известной старообрядческой общины в Подрелье, возникшей в 80-е годы XVIII в. благодаря одному из насельников Данилова скита на Выгу.⁷

В 2010—2013 гг. сотрудниками Пушкинского Дома были обследованы как жилые, так и опустевшие деревни в основном Мурашинского района Кировской области, где раньше в большом количестве проживали старообрядцы поморского согласия. Значительный процент старообрядческое население в конце XIX—середине XX в. составляло даже в тех деревнях, где находились церкви приходов — Белозерье и Верхорамень.

Многие деревни сейчас исчезли вовсе, что связано в том числе с открытием на рубеже XIX—XX вв. железнодорожной станции Мураши, куда люди тянулись (и до сих пор тянутся) в поисках работы. Часть деревень района появилась уже в советское время как лесозаготовительные поселения.

В результате «полевой» работы удалось выявить более 100 печатных книг, изданных преимущественно в типографии при Троицко-Введенской церкви, в Христианской типографии при Преображенском богадельном доме, Московской старообрядческой книгопечатне, типографии Единоверцев.

В дар Древлехранилищу были переданы печатное Евангелие типографии Мамоничей 1600 г. и 21 рукопись. Основную часть рукописей составляют богослужебные сборники второй половины XIX—начало XX в. Две самые ранние рукописи, которые удалось получить в дар для Древлехранилища, — это Месяцеслов, датируемый по пасхалии 1773 г., и эсхатологический сборник последней четверти XVIII в. Среди поступлений особый интерес представляют рукописи работы местного переписчика Марка Андреевича Лузянина (1908—1995). В дар были переданы также письма — переписка родственников-староверов за 1987—1990 гг.⁸

Во время последних поездок удалось также зафиксировать бытование в старообрядческих семьях и другие рукописи, часть которых была сфотографирована с любезного разрешения хозяев. Это три богослужебных сборника XIX в., отдельные листочки с молитвами и апокрифическими молитвами, например: «Ангелы мои, хранители мои, спаси меня рабу, сохрани меня рабу. Есть у раба Иисусова молитва, Христов крест, Богороцкой ключ. Лягу, запрусь, не ково не боюсь. Отныне и до века аминь».

Родословия и помянники также составляют немалую часть хранимого местными жителями рукописного материала, которая очень полезна в изучении истории местного старообрядчества.

Интересным представляется фрагмент рукописи конца XIX в., содержащий текст, озаглавленный: «Книга Измарагд камень, глава 30, лист 93. О западных родех...». Автор сочинения обличает тех, кто не поминает родителей,

⁷ Цвейтов П. Описание Подрельского раскола. История его от возникновения и до настоящего времени. 1906 г. Вятка, 1908. С. 3.

⁸ Подробнее об этих рукописях и о М. А. Лузянине см.: Бильдюг А. Б., Александрова Т. И., Власов А. Н., Ефимова Н. А., Чурина И. О. Археографическая экспедиция на север Вятки. С. 96—101; Бильдюг А. Б., Бобров А. Г., Власов А. Н. Археографические экспедиции Древлехранилища им. В. И. Малышева в 2009—2011 гг. С. 55—61.

и перечисляет кары, которые призывают на голову своих нерадивых чад упокоившиеся предки. Такой же текст был обнаружен в сборнике, точное происхождение которого неизвестно, так как он был приобретен в антикварной лавке г. Кирова.

Среди выявленных книг есть также гектограф «Вопросы старообрядцев, частью беглопоповских, поданных в Москве в марте 1890 года епископу Висариону, а частью в 1893 г. замененныя другими, более догматичными поморско-староверческими христианами». Это сочинение указано в каталоге гектографированных изданий БАН, подготовленном Н. Ю. Бубновым.⁹

Только после нескольких лет полевой работы стало возможным ознакомиться с одним из старообрядческих собраний книг и рукописей, которое формировалось, скорее всего, на протяжении XX в. К сожалению, оно подверглось разграблению и теперь составляет 58 ед. хр. В основном это книги поздней печати. Однако среди них находится Паренесис Ефрема Сирина 1647 г. издания с владельческой записью: «Сия книга глаголемая Ефрем Сирин Якова Исаевича».

Другой, представляющей особый научный интерес книгой является «Путь, ведущий христианина к прощению» — сочинение старообрядца Гавриила Ефимовича Фролова (1854—1930), изданное в Вятке в с. Старая Тушка в 1917 г. Издания этой типографии, принадлежавшей старообрядцу-федосеевцу, издателю, граверу, иконописцу, духовному писателю Луке Арефьевичу Гребневу, были достаточно широко распространены в Южной Вятке. В северных же районах Кировской области сочинение Г. Е. Фролова стало лишь третьей найденной книгой, изданной в Старой Тушке, что, конечно, приобретает особое значение в свете вопроса о связях мурашинских старообрядцев с югом Вятки или поморским севером.

В собрании оказалось и несколько рукописных книг. Кроме Апокалипсиса двостолкового, переписанного в XIX в., были обнаружены такие рукописи, как сборник духовных стихов и реставрированное от руки издание Ока церковного.

Создание сборника духовных стихов относится к концу 1910-х годов XX в.

В одной из предыдущих экспедиций в дар Древлехранилищу был передан фрагмент сборника духовных стихов, а также удалось записать стихи в устном исполнении. Однако определить, к какой традиции они относятся — северной поморской или южной Вятской, не удалось.

Три текста из четырех, как следует из инципитария, составленного М. Г. Казанцевой и Т. В. Философовой,¹⁰ характерны для традиции как поморского севера, так и южной Вятки и не дают ответа на вопрос о связях изучаемой книжно-рукописной традиции. Это такие сочинения, как «Стих о лютоости мук вечных» (начало: «О люте мне, грешному, како я прельстился есмь...»), «Стих о прехоебдении (!) века сего» (начало: «Человек живет, яко трава растет. Поутру трава растет и цветы цветут...»), «Стих о Адаме» (начало: «Плакался Адам, перед раем стоя: О раю мой, раю...»). Последний из четырех —

⁹ Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки Российской академии наук. С. 60.

¹⁰ Казанцева М. Г., Философова Т. В. Музыкально-поэтическое наследие поморского севера в вятской старообрядческой традиции.

Стих грешницы (начало: «Как мы жили на вольном свету...») — в каталоге не отмечен.

Вновь обнаруженный сборник с этой точки зрения более информативен. В нем, конечно, находятся произведения, характерные для обеих традиций: «Жил юный отшельник», «Умоляла мать родная», «Ах, ты пташка, ты бедняжка», «Сион». Но часть его составляют стихи с исключительно севернорусскими сюжетами. Среди них, например, стих: «Увы, плачевно провождаю жизнь мою на свете сем...».

Духовная авторская поэзия, которая в данном сборнике представлена, например, сочинениями Ю. Жадовской, М. М. Хераскова, А. П. Барыковой, по указанию тех же исследователей, более характерна для севера; на юге Вятки к ней было показательно отрицательное отношение.

Бережное отношение к рукописям и книгам с духовными стихами, их относительно большое количество и исполнение по сей день духовных стихов старообрядцами исследуемых районов (хотя уже с упрощенной мелодией и исключительно по просьбе исследователей) указывают на распространенность в прошлом пения или чтения произведений этого жанра.

Устав, хранящийся в этом же собрании, был издан в 1633 г. Однако большую часть книги занимают прекрасно реставрированные в конце XIX в. листы с восполненным текстом. На оригинальных же листах печатного издания имеется запись (с утратами) о вкладе книги в 1645 г.: в «Переславль Залеско к Николе Чюдотворцу на Болото...», «...а подписал сию книгу ... человек... Наумовича Беглецова Калина Софронов сын Шаров».

Возможно, что некто «...Наумович Беглецов» — это Беглецов Никита Наумович, московский дворянин, до 1629 г. записанный по г. Дмитрову, год рождения его и смерти неизвестны. Он начал службу при царе Василии Ивановиче Шуйском, продолжил при втором ополчении, был воеводой в Соликамске (1631), вторым воеводой большого полка рязанского разряда (1633) и главой Земского приказа (1645).¹¹

В этом же собрании оказалось еще несколько богослужебных рукописей, переписанных уже знакомым исследователям почерком — рукой местного переписчика Марка Андреевича Лузянина. Марк Андреевич переписывал богослужебные книги в 80-е годы XX в. Его рукописи востребованы в общине до сих пор, часть из них откопирована на черно-белом ксероксе; любопытно, что буквицы затем обведены красной шариковой ручкой.

В результате экспедиций Пушкинского Дома в Кировскую область удалось собрать сведения о рукописно-книжной традиции северо-западных районов Вятки. Полевой этап работы в этих районах можно считать завершенным. Экспедиция последнего года показала, что основные рукописные материалы уже выявлены.

Дальнейшее исследование предполагает самое тщательное изучение всех территорий, в свое время входивших в состав Орловского уезда Вятской губернии, и особенно территорий, расположенных близко в Подрельской общине, которая, скорее всего, и положила начало рукописно-книжной традиции, существующей в этих краях.

¹¹ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в I отделении Московского архива Министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М., 1853 г.; Московская власть и управление Москвой в XII—XVII вв. С. 232.

Важной составляющей дальнейших изысканий должна стать камеральная часть проекта, направленная на выявление материалов, связанных с книжной культурой, а также историей старообрядчества поморского и страннического согласий изучаемых районов Вятки в архивах г. Кирова (Государственный архив Кировской области, Государственный архив социально-политической истории Кировской области, Вятский епархиальный архив) и архивах местных администраций районов. Часть старообрядческих рукописей, приложенных к следственным делам по процессам над старообрядцами, проходившим в 30-х годах XX в., а также письменные свидетельства жителей окрестных деревень о продаже и покупке книг уже обнаружены в архивах.

ЛИТЕРАТУРА

- Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в I отделении Московского архива Министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М., 1853; Московская власть и управление Москвой в XII—XVII вв. // Историко-биографический справочник. М., 2010.
- Бильдюг А. Б., Александрова Т. И., Власов А. Н., Ефимова Н. А., Чурина И. О.* Археографическая экспедиция на север Вятки // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2012. № 2(67).
- Бильдюг А. Б., Бобров А. Г., Власов А. Н.* Археографические экспедиции Древлехранилища им. В. И. Малышева в 2009—2011 гг. // Полевые исследования и архивация фольклорных и этнографических материалов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012.
- Бубнов Н. Ю., Мартынов И. Ф.* Археографические экспедиции Библиотеки АН СССР 1969 и 1970 гг. в Кировскую область // Сб. ст. и матер. БАН СССР по книговедению. Л., 1973. Вып. 3.
- Бударагин В. П.* «А красок и туши с книгами пошли...» // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 364—382.
- Бударагин В. П.* Северодвинская рукописная традиция и ее представители (По материалам Древлехранилища Пушкинского Дома) // Тр. Отдела древнерусской литературы. Л., 1979. Т. 33.
- К истории книжной культуры Южной Вятки: Полевые исследования. По материалам археографических экспедиций 1984—1988 гг. / Под ред. А. А. Амосова и Р. Г. Пихои; сост. А. А. Амосов, Н. Ю. Бубнов, М. Г. Казанцева, А. Г. Мосин, Л. А. Петрова. Л., 1991.
- Казанцева М. Г., Филофова Т. В.* Музыкально-поэтическое наследие поморского севера в вятской старообрядческой традиции // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 2. К 25-летию Уральской объединенной археографической экспедиции. Екатеринбург, 1998.
- Малышев В. И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960.
- Савельева Н. В.* Очерк истории формирования Пинежской книжно-рукописной традиции. Описание рукописных источников. СПб., 2003 (Пинежская книжно-рукописная традиция XVI—начала XX в. Опыт исследования. Источники. Т. 1).
- Савельев А. А., Савельева Н. В.* Описание старопечатных изданий XV—начала XX в. Указатели. СПб., 2005 (Пинежская книжно-рукописная традиция XVI—начала XX в. Опыт исследования. Источники. Т. 2).
- Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки Российской академии наук / Авт.-сост. Н. Ю. Бубнов. СПб., 2012.
- Цвейтов П.* Описание Подрельского раскола. История его от возникновения и до настоящего времени. 1906 г. Вятка, 1908.

A. B. Bildyug, L. A. Ershov, N. A. Efimova,
M. B. Kuzhlev, S. A. Luntz

THE PUSHKIN HOUSE ARCHEOGRAPHIC FIELD-WORK:
NORTHWESTERN REGIONS OF KIROV OBLAST, 2012—2103

This article concerns the results of Pushkin House archeographic field-work at Kirov Oblast northwestern regions in 2012—2013. The Institute of Russian Literature field-work, started in 2010, allowed to bring to light the local manuscript-writing tradition. It could be supposed, that it has its origin in the tradition of well-known old-believers community in Podrelye (Orlovsky region of Kirov Oblast), which started its life at the end of the 18th century with the help of Vyg (Danilov skit) cenobite.

Keywords: The Russian North, archeography, paleography, old-believers, local manuscript-writing tradition.

LITERATURA

- Alfavitnyy ukazatel familiy i lits, upominaemykh v boyarskikh knigakh, khranyashchikhsya v I otdelenii Moskovskogo arkhiva Ministerstva yustitsii s oboznacheniem sluzhebnoy deyatel'nosti kazhdogo litsa i godov sostoyaniya v zanimayemykh dolzhnostyakh. M., 1853 g. Moskovskaya vlast i upravlenie Moskvoy v XII—XVII vv.: Istoriko-biograficheskiy spravochnik. M., 2010.
- Bildyug A. B., Aleksandrova T. I., Vlasov A. N., Yefimova N. A., Churina I. O.* Arkheograficheskaya ekspeditsiya na sever Vyatki // Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda. № 2(67). 2012.
- Bildyug A. B., Bobrov A. G., Vlasov A. N.* Arkheograficheskie ekspeditsii Drevlekhranilishcha im. V. I. Malysheva v 2009—2011 gg. // Polevye issledovaniya i arkhivatsiya folklornykh i etnograficheskikh materialov. Petrozavodsk: KarNTs RAN, 2012.
- Bubnov N. Yu., Martynov I. F.* Arkheograficheskie ekspeditsii Biblioteki AN SSSR 1969 i 1970 gg. v Kirovskuyu oblast // Sbornik statey i materialov Biblioteki AN SSSR po knigovedeniyu. L., 1973. Vyp. 3.
- Budaragin V. P.* «A krasok i tushi s knigami poshli...» // Puti i mirazhi russkoy kultury. SPb., 1994.
- Budaragin V. P.* Severodvinskaya rukopisnaya traditsiya i ee predstaviteli (Po materialam Drevlekhranilishcha Pushkinskogo Doma) // Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. L., 1979. T. 33.
- K istorii knizhnoy kultury Yuzhnoy Vyatki: Polevye issledovaniya. Po materialam arkheograficheskikh ekspeditsiy 1984—1988 gg. / Pod red. A. A. Amosova i R. G. Pikhoi; sost. A. A. Amosov, N. Yu. Bubnov, M. G. Kazantseva, A. G. Mosin, L. A. Petrova. L., 1991.
- Kazantseva M. G., Filosofova T. V.* Muzykalno-poeticheskoe nasledie Pomorskogo Severa v vyatskoy staroobryadcheskoy traditsii // Uralskiy sbornik. Istoriya. Kultura. Religiya. Vyp. 2. K 25-letiyu Uralskoy obedinennoy arkheograficheskoy ekspeditsii. Yekaterinburg, 1998.
- Malyshev V. I.* Ust-Tsilemskie rukopisnye sborniki XVI—XX vv. Syktyvkar, 1960.
- Saveleva N. V.* Oчерk istorii formirovaniya Pinezhskoy knizhno-rukopisnoy traditsii. Opisanie rukopisnykh istochnikov. SPb., 2003 (Pinezhskaya knizhno-rukopisnaya traditsiya XVI—nachala XX vv. Opyt issledovaniya. Istochniki. T. 1).
- Savelev A. A., Saveleva N. V.* Opisanie staropechatnykh izdaniy XV—nach. XX v. Ukazateli. SPb., 2005 (Pinezhskaya knizhno-rukopisnaya traditsiya XVI—nachala XX v. Opyt issledovaniya. Istochniki. T. 2).
- Staroobryadcheskie gektoografirovannye izdaniya Biblioteki Rossiyskoy akademii nauk / Avt.-sost. N. Yu. Bubnov. SPb., 2012.
- Tsveytov P.* Opisanie Podrel'skogo raskola. Istoriya ego ot vozniknoveniya i do nastoyashchego vremeni. 1906 g. Vyatka, 1908.

III. СОБИРАТЕЛИ КОЛЛЕКЦИЙ

А. Н. ВЛАСОВ

РОЛЬ МЕСТНЫХ КРАЕВЕДОВ В ИЗУЧЕНИИ И СОБИРАНИИ УСТЬЯНСКОГО ФОЛЬКЛОРА. МИХАИЛ ИВАНОВИЧ РОМАНОВ (1886—1956)¹

Устьянская традиция благодаря собирательской работе и немногочисленным научным публикациям по музыкальному фольклору исследователей получила статус самобытной фольклорной традиции Русского Севера. Приведенный в статье материал позволит восполнить пробел в собирательской практике по наблюдениям до 70-х годов XX в. (более двух поколений носителей традиции) и наиболее полно представить жанровый, сюжетный состав памятников устьянского фольклора, местных обычаев и верований. Многие краеведы оказываются в условиях и обстоятельствах естественного применения на практике сложнейшего полевого метода «вживания» в традицию. Наиболее значимой фигурой в местном краеведческом движении был Михаил Иванович Романов (1886—1956) из Вельского уезда Вологодской губернии (ныне Вельский район Архангельской области).

Ключевые слова: фольклорная традиция, Русский Север, краеведение, свадьба, лирическая песня, исполнитель, самоопределение, память, самозапись, собиратель, причитание, частушка, сказка, детский фольклор.

Первые записи устьянского фольклора были сделаны известным фольклористом-музыкологом Е. Э. Линевой в 1902 г. Однако сведения о поездке Е. Э. Линевой на Устье и Северную Двину появились достаточно поздно.² Имеются в виду публикации Ю. И. Марченко двух текстов групповой причеты и лирической протяжной песни «В лете кали-

© А. Н. Власов, 2013. Институт Русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург, Россия.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Музыкально-поэтический фольклор Устья: проблема региональной составляющей севернорусской народной культуры (материалы к „Своду русского фольклора“», проект № 12-04-00349а.

² Е. В. Гиппиус опубликовал несколько песен с голоса братьев Копыловых (с. Фоминское) из коллекции Е. Э. Линевой, но эти записи не относятся непосредственно к устьянской традиции. — Двадцать русских народных песен в звукозаписях Е. Линевой, М. Пятницкого, З. Эвальд, Е. Гиппиуса. 1897—1935 / Сост., нотирование и общ. ред. Е. В. Гиппиуса. М., 1979. С. 66.

на...»,³ а также публикации отрывков полевого дневника Е. Э. Линёвой.⁴ И только в 1975 г. на Устью специально для серьезной систематической работы по сбору фольклорно-этнографического материала направляются фольклористы-музыкологи Ленинградской консерватории (рук. А. М. Мехнецов). В результате появились два выпуска сборника «Устьянские песни»,⁵ однако даже в них нет еще отсылок на экспедицию Линёвой и другие материалы. По словам А. М. Мехнецова, «представляется возможным выделить устьянские песни в самостоятельное явление в системе песенных традиций сухоно-важско-двинского междуречья».⁶ Собранный материал лег в основу монографического исследования Е. И. Мельник (Якубовской) «Образование вариантов в народной песенной традиции (на материале лирических песен Устьянского района Архангельской области)».⁷ Кроме того, следует указать и на недавнюю публикацию рукописной записи свадебного обряда 1920 г. по автобиографическим рассказам Ивана Федоровича Нагишева, жителя Устьянского района Архангельской области.⁸

Таким образом, устьянская традиция благодаря собирательской работе и немногочисленным, но важным научным публикациям по музыкальному фольклору исследователей получила легитимный статус самобытной фольклорной традиции Русского Севера. Однако вне поля зрения исследователей оказалось множество записей устьянского фольклора, сделанных местными любителями, музейными сотрудниками, одиночками-краеведами, школьными учителями, студентами областных вузов и т. д. Возможно, эти материалы позволят, во-первых, восполнить пробел в собирательской практике, который наблюдается с начала по 70-е годы XX в. (более двух поколений носителей традиции), во-вторых, наиболее полно представить жанровый, сюжетный состав памятников устьянского фольклора, местных обычаев и верований.

Коллекции архивных материалов по Устью можно обнаружить в Вельском краеведческом музее, в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН хранятся рукописи М. И. Романова: «Фольклор Устья» и «Словарь Устьянских народных говоров», в Отделе рукописей РГБ ф. 218-515-2 — копии рукописей М. И. Шалауровой-Федоровой (из Устьянского районного краеведческого музея). Сложность введения в научный оборот этих ценных и многочис-

³ Марченко Ю. И. Из ранних записей групповой причеты на Русском Севере. С. 144—147; Марченко Ю. И. Исторический ракурс изучения севернорусской песенной культуры и современное состояние местных фольклорных традиций. С. 336.

⁴ Смирнов Д. В. Экспедиция Е. Э. Линёвой на Устью. С. 43—46; Щипин В. И. По следам экспедиции Е. Э. Линёвой на Устью. С. 55—57.

⁵ Устьянские песни. Вып. 1, 2 / Сост. А. Мехнецов, Ю. Марченко, Е. Мельник. Л., 1983, 1984.

⁶ То же. Вып. 1. С. 3.

⁷ Мельник (Якубовская) Е. И. Образование вариантов в народной песенной традиции (на материале лирических песен Устьянского района Архангельской области): Дис. ...канд. искусствовед.; Результаты исследования отражены также в статье: Мельник (Якубовская) Е. И. Песенный тип и вариант в локальной традиции. С. 28—45.

⁸ Мехнецова К. А. Свадебный обряд 1920-х годов глазами участника (по автобиографическим рассказам Ивана Федоровича Нагишева, жителя Устьянского района Архангельской области) // Рябининские чтения-2011 (Матер. VI науч. конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера). С. 444—446.

ленных источников заключается в том, что они не всегда соответствуют критериям аутентичности.

Наиболее значимой фигурой в местном краеведческом движении был Михаил Иванович Романов родом из Вельского уезда Вологодской губернии (ныне Вельского района Архангельской области), о котором вышел небольшой биографический очерк в 2006 г.⁹ Им были изданы: История одного северного захолустья (В. Устюг, 1925);¹⁰ описание коновальского обряда и сказка «Топорик-самосек» в литературно-художественном альманахе «Север» за 1936 г.;¹¹ родовая повесть семьи Романовых из устьянской д. Алферовской Архангельской области XVII—XX вв. (М., 2004); Хроника старого дома (сам-издат).

Еще в 1936—1937 гг. Романов подготовил к публикации сразу три крупные работы: «Фольклор Устья», «Говоры Устьянских волостей» и «История Устьянских волостей», но арест помешал осуществить его планы. После десяти лет ГУЛАГа здоровье его резко пошатнулось, и он почти не занимался исследовательской работой. Интерес к трудам и личности краеведа возобновился только в 2000-х годах (скончался М. И. Романов в 1956 г.): его имя носят улица в г. Вельске, библиотека в с. Дмитриево, с 2006 г. в Устьянском районном центре (пос. Октябрьский) проводятся ежегодные краеведческие конференции, посвященные его памяти: «Романовские чтения».¹² В настоящее время по инициативе Устьянского краеведческого музея и исследователей истории местного края ведется интенсивный поиск творческого наследия М. И. Романова с целью подготовки его к изданию.

Личная жизнь краеведа М. И. Романова имеет особую ценность для историка, в ней с редкой полнотой отразился разлом в истории России первой половины прошлого века. Человек незаурядный, Романов всегда был полон творческих идей, замыслов. Весной 1922 г. он выступил инициатором создания Общества изучения Устьянского края с целью исследования местных архивов, исторические памятники которых гибли, «*истлевающая от сырости или съедаемые мышами, а то и нарочно сжигаемые*». Он предполагал проводить дальнейшие исследования главным образом на территории Важского региона, с которым Устьянские волости составляли «одно целое». Поскольку в Вельске, куда он обратился за поддержкой, уже действовал отдел Вологодского общества изучения Северного края, его идея осталась на бумаге, хотя сам он в 1923 г. стал членом этого отдела.¹³

Определяющую роль в формировании интереса М. И. Романова к истории, языку, фольклору родного края сыграл архив Дмитриевской волостной земской избы, волею судьбы хранившийся в его родовом доме в д. Алферовской. В этом доме, построенном в 1745 г. прадедом бабушки М. И. Романова

⁹ Веревкина Г. А., Мильчик М. И. Михаил Иванович Романов — выдающийся краевед Русского Севера. Штрихи к портрету.

¹⁰ Первоначально он обратился за поддержкой в Вельский отдел ВОИСК, но получил отказ в связи с отсутствием средств. В итоге книга была напечатана в Великом Устюге, став на долгие годы своеобразной визитной карточкой краеведа, несмотря на последовавшую критику (Там же. С. 17).

¹¹ Романов М. И. Из фольклорных записей. С. 116—123.

¹² Заволочье. Устьянская земля. Вып. 1. Материалы I—VI межрегиональных историко-краеведческих чтений, посвященных памяти М. И. Романова.

¹³ Веревкина Г. А. М. И. Романов и Вельский отдел ВОИСК. С. 52—55.

сотским Дмитриевской волости Потапом Михайловичем Синицким, первоначально размещалась волостная изба. В ходе губернской реформы Екатерины II Дмитриевская волость была включена в Бестужевскую, а волостная изба упразднена. В 1798 г. крепкое еще здание было передано под жилье приехавшему из с. Бестужево священнику Павлу Первушину. Вместе с домом крестьяне передали ему и амбар, в котором хранилась всеми забытая коробка с архивом Дмитриевской земской волостной избы. «Этот драгоценный памятник минувших веков уцелел каким-то чудом и дошел до моего отца и до меня», — вспоминал М. И. Романов. Первым начал разбирать и систематизировать содержимое коробки его отец — Иван Михайлович Романов. Кое-какие грамоты он отослал академику Н. П. Лихачеву. После смерти отца в 1918 г. архив оказался в опасном положении, так как документы начали использовать для домашних нужд. *«Спасло дело мое возвращение с фронта Гражданской войны в 1920-м году, — вспоминал позднее М. И. Романов. — Мне пришлось всерьез заняться этим архивом — памятником Дмитриевской устьянской старины, что сыграло исключительную роль во всей моей последующей жизни...»*.¹⁴

Анализируя письменные свидетельства той или иной эпохи, Романов умело вплетал их в ткань повествования о нелегкой судьбе дмитриевских крестьян, находившихся под непосильным налоговым бременем государства. Это были главным образом подлинные грамоты XVII—XVIII вв. из собрания В. Ф. Кулакова, национализированного в декабре 1918 г. и положенного в основу Вельского музея, а также документы Верховажской ратуши и Верховажского Успенского собора, вывезенные В. М. Неклюдовым из Верховажья в октябре 1922 г. Согласно грамоте 1652 г., за «непослушание», т. е. неуплату налогов, правительство грозило ликвидировать земское самоуправление на Устье и приказывало «бить кнуты нещадно». Используя материалы первого важского краеведа М. Н. Мясникова, Романов описывает Важскую Благовещенскую ярмарку, на которую ездили и дмитриевские крестьяне. При этом он показал негативное отношение крестьян и приходских священников к поборам в пользу новгородского митрополита и т. д. Надо признать, что исторические труды Романова в настоящее время представляют собой наиболее неразобранную часть архива.

Определенный научный интерес представляет рукопись книги *«Словарь своеобразных слов в народном говоре Устьянской — Дмитриевской — волости»*.¹⁵ Словарь Романова — это не просто сборник диалектной лексики, это еще и попытка с помощью анализа местных речений, топонимов ответить на коренные исторические вопросы о происхождении славянского населения Устья, о путях и роли новгородской и ростовской колонизации края и даже о том, как воспринимало средневековое население Устья микрокосм и мир в целом.

¹⁴ Там же. С. 55.

¹⁵ РО ИРЛИ, ф. 66. Романов. Оп. 5. Рукоп. в 4-ку. Словарь устьянских говоров. Народные говоры по реке Устья. Устьянский, Вельский и часть Черевковского района. Словарь А и Б и т. д. Рукопись поступила в 1986 г. (№ 52). 338 с. Включает также: 1) Добавление «Список мужских и женских имен в народном произношении Устьянских волостей» (с. 339—347); 2) Очерки М. И. Романова «Устьянские народные говоры Архангельской области» (Пежма, 1950 г.).

Обратимся к структуре словарной статьи. Например, об известном фольклорном образе в заговорах:

«**Алатырь камень** — встречается в фольклоре, особенно в заговорных словах, например: *На синём мори-окияне/ на том острове на буяне...* (с отсылкой на Фольклор Устья. — А. В.). Это заговорное слово несомненно обращено к древнему божеству зари. Поэтому, вероятно, происхождение названия этого камня от корня *ал, алы́й* — алы́й заревой. От него же существительное *алость, ало́та и ало́тынь* (см. ниже). Последние — превосходная степень ало́сти, зарёвосты. Это предположение находит опору в яфетических языках. Гурейское — алион — заря. Абхазское *танча* — *тча* — *атча* — женская *ипотась солнца*».

В качестве отдельной словарной статьи может быть представлен фольклорный персонаж: «**Бабушка Соломонидушка, Христова повиваленка** — персонаж из заговорных слов, употребляемых главным образом при родах. Из заговоров видно, что ей подчинялась „звериная силушка“. Древним прототипом ее была, всего вероятнее, богиня земли Земляница, Землянушка: *Бабушка Соломонидушка / Христова повивалёнка / Сидит на золоте стуле / Дёржыт камфарноё блюдо / На том блюде — золоты ключи / Отпират она ими святыя ступеньци...*».

Или следующая статья, включающая текстуальный контекст известного песенного рефрена из колыбельной песни:

«**Бай, байки, баеньки, баю, баюшки** — в колыбельных песнях: *Баю-бай, баю-бай / Байки-баюшки-побай / Спи-ко Ваня усыпай / Соанде-лами / Со арханделами...* (из колыбельной песни)».

Или статья, представляющая краткую характеристику одного из свадебных ритуалов:

«**Баня невесты** — последнее перед свадьбой мытье невесты в бане со многими заговорными словами и специальными магическими обрядами».

Или составитель включает слова, в статье о которых содержится попытка этимологического анализа:

«**Барабать** — *лапать, хватать голыми руками* (шв. *bar* — голый, *garr* — удар); *Баракиша* (нижнеустьянское) — *дикий, неотесанный*. (*Эка баракиша дикая*) (западнофинское *parrakas* *бородатый*)».

В качестве словарной статьи может служить объяснение значения отдельных слов фольклорной стилистики:

«**Бедно** — *обидно, горько. Бедно стало до слез / Бедно мне да забедно / Бедно показалось...* (из причета)».

Или статья, включающая мифологические объяснения словесного образа:

«**Божья дуга** — *радуга. Собственно говоря, радуга-дуга была Перуна, а так как наследником Перуна в христианстве был Илья пророк, то радуга считается дугой Ильи пророка*».

М. И. Романов приводит слова и целые речевые выражения только в одной грамматической форме. Часто наивные мифопоэтические толкования фольклорных лексем и устойчивых словоупотреблений, отдельных фольклорных образов содержат попытки исторического анализа и уводят составителя от собственно лингвистических задач словаря. Словарь Романова превращается в многожанровое сооружение, эклектичное и фрагментарное по структу-

ре — источниковедческим «сводом», лишенным серьезной методологической базы.

Таким образом, Словарь местного говора, составленный краеведом, становится еще одним базовым инструментом в его фольклористических изысканиях как самостоятельный жанр краеведческих сочинений.¹⁶ Составление словарей является ярчайшим признаком перекодировки устной культуры в письменные формы. Различного рода словари, словники, лексиконы представлены в разных жанровых формах, но несомненно их объединяет одно — стремление показать отличие от нормативного общерусского литературного языка и других диалектов. И это массовое увлечение на местах — несомненный признак «саморефлексии» народной традиции.

Главная ценность другой книги «*Фольклор Устья*», наиболее завершеного труда, состоящего из двадцати очерков, заключается не только в попытке показать, как отразились в местном фольклоре история, верования, обычаи, нравы, быт края. В первую очередь это собрание песен, народных рассказов и сказок, заговоров, причитаний, которые Романов записывал в течение почти двух десятилетий. Уникальность этих материалов состоит в том, что они характеризуют фольклорную традицию Устья в период, когда здесь после первой поездки в 1902 г. Е. Э. Линёвой и до 1978 г. не проводилось систематической собирательской работы.

В своих изысканиях в области народной культуры Романов использовал так называемый краеведческий метод анализа огромного и разнородного материала, отличие которого он видел «в том, что ученый специалист берет свой материал отовсюду; краевед же в пространственном отношении ограничен. Его задача — дать облик определенной и необширной местности, представляющей целостную единицу...».¹⁷ Романов оказался в условиях и обстоятельствах естественного применения на практике сложнейшего полевого метода «вживания» в традицию. С самого рождения он проявлял глубокий интерес к жизни своих земляков. М. И. Романов вспоминал о себе: «*В детстве я купался в целом океане фольклора*». Большим знатоком местной традиции были его «могучая и суровая» бабушка, происходившая из старообрядческой семьи, а также ее приятельницы, односельчане.¹⁸ В доме Романовых, как и в других крестьянских семьях, случались «помочи». Маленький Михаил с братом и сестрой выходили на угор, сидели там и ждали толпы «помочан» с пением. М. И. Романов вспоминал: «*Как волны прибоя, нахлынули первые звуки знакомой мелодии. Вскоре показалась темная масса толпы. Но не слышен ни говор, ни смех, ни визг девиц. Льет и все побеждает широкая торжественная мелодия песни, колышущая звуки на своих упоительных волнах. Хочется и плакать, и сделать что-то особенное, хорошее, героическое. Появляется тоска по какой-то потерянной далекой родине, по раздольной степи над ширью Дуная, по берегу которого ходит беглянка-полонянка, бежавшая с чужбины и стремящаяся на родину, на Русь; она умоляет „молодцев-перевозчиков“ перевести ее за Дунай, отдает им за это и деньги, и наряды, и укра-*

¹⁶ Ярким примером является и современный, составленный через полвека после Романова местными энтузиастами «Устьянский народный словарь» (Под ред. А. А. Истомина, В. П. Мамонова, В. П. Сирина и др., пос. Октябрьский, 2013).

¹⁷ РО ИРЛИ, ф. 66 (Романов), п. 4; Фольклор Устья, л. 5.

¹⁸ Романов М. И. Устья. С. 364.

шения, а в конце концов и самое себя. Тоска этой полонянки так живо передается мелодией песни, что из глаз невольно показываются слезы, а сердце разрывается от жалости».¹⁹

Поэтому нет необходимости провозглашенный Романовым «краеведный» метод исследования местной культуры обозначать как особую научную методологию. Знание местной жизни «изнутри», любознательность, широкий кругозор для сопоставлений культурных явлений, личный жизненный опыт, начитанность и знакомство с европейской культурой во время пребывания в германском плену, переписка с авторитетными учеными позволили ему взглянуть «со стороны» на «свой мир» и стали составляющими его «методологического подхода».

В своем труде краевед предпринимает попытку выявить взаимосвязь между, казалось бы, несопоставимыми явлениями народной культуры: фольклорными образами и орнаментом на одежде, устойчивыми мотивами в резьбе прялок и домов, обычаями и верованиями, особенностями местного словоупотребления. В конечном счете он решает задачи исторической реконструкции народной культуры Устьянского края. Другое дело, можно ли считать его исследования серьезным научным трудом?

Наряду с весьма курьезными размышлениями относительно генезиса отдельных фольклорных образов и жанров, неприятием компаративистики как одного из ведущих методов в фольклористике и выпадов против так называемой расовой теории у него встречаются откровенно наивные реконструкции в духе известного марровского направления в лингвистике, приводившие его к весьма сомнительным выводам и суждениям.²⁰

Приведем его пассаж о рождении языков и словотворчестве: «Словотворчество было в первобытные времена необычным и нелегким делом. Каждое слово изобреталось с меньшим трудом, чем более поздние достижения материальной культуры — орудия, оружие, металлы, машины. Каждое новое слово, как великое изобретение, начинало совершать во вселенной, населенной людьми, владеющими только ручной речью, тот же путь, какой совершали и достижения материальной культуры: огонь, каменные орудия, горшечное искусство и т. д. Вместе со словами бродили по всему миру и заключенные в них магические настроения, и понятия, выродившиеся впоследствии в мифы»; «Творцом отдельного нового слова могла быть каждый раз новая человеческая группа, но не племенная. Племен не было, потому что не было еще отдельных звуковых языков. По всему миру обитала одна человеческая „раса“, объяснявшаяся всем понятной речью жестов и мимики. В эту „речь“ только постепенно, поодиночке внедрялись „жуткие“, священные и не всем доступные магические слова звуковой речи. Следовательно, не

¹⁹ Там же. С. 377—378.

²⁰ Марр применил к языкознанию учение исторического материализма. По его мнению, язык — такая же надстроечная общественная ценность, как искусство, он является приводным ремнем в области надстроечной категории общества. Язык возник у всех народов независимо друг от друга, но поскольку культура едина и в своем развитии проходит одни и те же этапы, то все процессы в ней проходят аналогично. Язык, по Марру, образовался из первичных «фонетических выкриков». Первичная речь, как реконструировал ее Марр, состояла всего из четырех лексических элементов: САЛ, БЕР, ЙОН, РОШ. И все слова всех языков мира Марр был склонен сводить к этим четырем элементам.

может быть речи о заимствовании фольклорных тем от каких-то „избранных” рас, не может быть речи и о существовании самих рас в те эпохи, когда разговорная речь формировалась и закладывались основные споры фольклорных тем. Раса — явление очень позднего времени». ²¹

Рассуждение, весьма характерное для теоретических положений Н. Я. Марра, который отвергал генетическое родство языков, и даже такие очевидные вещи, как заимствования слов, он объяснял единством глоттогонического (языкотворческого) процесса.

Тем не менее Романов в своих теоретических посылках не всегда строго следует Марру: *«Не отрицая полезности и необходимости работы по сравнению фольклорных тем, бытующих у всех народов земли, необходимо признать, однако, что компаративистика привела, с одной стороны, к сухому и мертвому формализму, с другой — к фашизму, признающему творцом фольклорных тем „избранные расы” и „благородные классы”. Не удовлетворяет и научно отвергнутая мифологическая школа, выводящая фольклор из „творческого духа народа”, именно своего народа, считающая его осколками былой мифологии, именно мифологии своего народа. Фактов заимствования нельзя отрицать, но нельзя и подчинять им всю область фольклора. ... Это объясняется не заимствованием, а одинаковой стадией культурного развития. Так что корни однородных сказочных тем могут залегать именно в древней культовой подпочве. Подпочва же эта создавалась не одной „избранной расой” и не одним „благородным классом”, до днесь существующим, а длинным рядом сменявшихся, прогрессирующих и смешивавшихся между собой „рас”, и даже не рас, а стадийных состояний человечества. Когда закладывалась эта общая сокровищница, рас еще не было, не было еще „ни эллина, ни иудея”, ни германца, ни славянина».* ²² Хотя и в вульгарной форме, Романов разделяет как будто положения историко-типологической теории, исходя из того положения, что народы в своем развитии проходят одинаковые процессы социализации.

Следует признать, что с методологической точки зрения исследование Романова не выдерживает серьезной критики. Поэтому в тексте встречаются действительно парадоксальные и курьезные выводы.

Приведем пример такой интерпретации текста детской заклички: *«Судя по одной детской песенке-заклинанию, радуге придавалось, однако, большое значение: Радуга-дуга / Не давай дождя / Давай солнышка / Из-под бревнышка. Радуга представляется тут распорядительницей над дождем и солнцем, может дать по произволу или то или иное. Непонятным представляется, в ее прямом смысле, последняя строчка. Возможно, что последнее слово нужно производить не от „бревно”, а от „бровь”. Солнце представляется как бы глазом неба, который в ненастную погоду закрывается насуспенною бровью, а в ясную выглядывает из-под нее. Такое представление о солнце вытекает из самой палеонтологии этого слова».* ²³

Подобные интерпретации с позиций устаревших и некорректно применяемых теорий, некритическое использование чужих методологий, к сожалению, обесценивают в целом труд Романова. Кроме того, слишком явное пони-

²¹ РО ИРЛИ, ф. 66 (Романов), п. 4; Фольклор Устья, л. 58.

²² Там же. Л. 290.

²³ Там же. Л. 129.

мание фольклорных памятников как исторической основы жизни общества приводит к недопустимым с современных научных позиций выводам: «Безусловно, принятый мною подход к фольклору возбудит обвинение в возврате к мифологической школе. Но ошибка этой школы таилась не в ее „мифологичности“, а в том, что она выводила мифологию из недр своего народа, своей „нации“. Между тем как мифология, так и язык — общечеловеческое достояние. Без палеонтологического анализа, принесенного Н. Я. Марром, этого, конечно, нельзя было ни понять, ни, тем более, доказать».

Подобная «смешанность» методологических позиций и теоретическая наивность автора проявляются практически в каждой его попытке трактовать тот или иной фольклорный текст, этнографический факт и приводят к подобным нелепостям: «*Эта пестрота концепций — не противоречие, а различные стадии развития культа от анимистической стадии, через тотемизм к политеистическому божеству. Культурные воззрения никогда не стояли на одном месте. Они все время развивались, совершая головокружительные, непонятные для нас прыжки от одной стадии к другой; в данном случае — от дуги к мамонту и затем к богине девице. Материалом для выявления всех этих концепций мы брали главным образом детский фольклор. Детские песенки-заклинания являются переживаниями более древних заклинаний, практиковавшихся раньше взрослыми при исполнении культовых обрядов*». Столь же необоснованным является такое утверждение: «*От этих же детских песенок ведут свое происхождение частушки*».

О концептуальной несостоятельности труда «Фольклор Устья. Пережитки древних эпох в фольклоре и быте северной деревни» в полной мере свидетельствуют названия некоторых очерков, составляющих ее содержание: «*Очерк первый. Лики древних богов. Очерк второй. Канонизированный фольклор. Областные культы Севера и древние торговые пути. (1. Канонизация фольклора. 2. Областные культы времени феодализма. 3. Первичные культы. 4. Киево-новгородский культ Перуна. 5. Ростовский Велес и боги Тмутаракани. 6. Культ Георгия на Ваге и Двине. 7. Охотничьи и пастушьи заговорные слова. 8. Единство происхождения культов Устюга, Устья и Вятки. 9. Скандинавское происхождение культа Прокопия)*. Очерк четвертый. Плач рабыни. 1. Варяги на Руси. Работоторговля. Очерк восьмой. Исторический фольклор (1. Древние и неопределенные времена. 2. Былина об устьянском воеводе Бедаеве. 3. Исторические времена и лица)».

Выявление источниковой базы «Фольклора Устья» Романова, использование ее в изучении и исторической реконструкции фольклорной традиции Устья являются сложной и важной проблемой предпринятого исследования.

Записи устьянского фольклора, отразившиеся в его книге, фиксировались примерно в период с 24 по 34 г. XX в. в населенных пунктах бывшего Дмитриевского сельского совета от исполнителей разных возрастов. Иногда паспортизация записей Романова является неполной: нет конкретной даты записи, возраст исполнителя указывается неточно. Характерны такие отсылки и замечания собирателя относительно своих информантов: «*Со слов старухи Офимьи Рогачевой из дер. Кырканды, Парасковья Буторина, старуха-знахарка дер. Алферовской, неграмотная; Вас. Ан. Паршин, дер. Березник*». Правда, встречаются и более полные характеристики-портреты, например молодой исполнительницы Соболевой: «*Молодая, полная красивая девица с Мехреньг-*

ских починков», голос у нее был бархатный, густой. Обычно на «помочах» в доме М. И. Романова именно Соболева запевала песню: «Ой, да собирался-то добрый молодец», — прокатывалось волной.²⁴

Что касается собирательской деятельности краеведа, то следует отметить, что у него были свои корреспонденты — его ученики, коллеги, которые по его заданию вели запись исполнителей: учитель из д. Михалево Дмитриевского сельсовета А. О. Волон, ученики Мехреньгской школы и др.

Фольклорно-этнографический материал, отразившийся в книге «Фольклор Устья», представляет собой действительно огромный пласт местной народной культуры, включает практически все ее жанровые разновидности и мелкие детали быта, поверий, психологии местного населения. Однако книги М. И. Романова могут быть использованы только как источники при подготовке научных изданий после серьезной историко-филологической критики и в контексте материалов, зафиксированных на Устье профессиональными фольклористами и этнографами.

ЛИТЕРАТУРА

- Веревкина Г. А.* М. И. Романов и Вельский отдел ВОЙСК // Заволочье. Устьянская земля. Вып. 1. (Матер. I—VI межрегион. ист.-краеведч. чтений, посвященных памяти М. И. Романова) / МБУК «Устьянский краеведческий музей» Архангельской области. [Сост. Н. В. Ипатов]. Пос. Октябрьский, 2012.
- Веревкина Г. А., Мильчик М. И.* Михаил Иванович Романов — выдающийся краевед Русского Севера. Штрихи к портрету. Вельск, 2006.
- Двадцать русских народных песен в звукозаписях Е. Линёвой, М. Пятницкого, З. Эвальд, Е. Гиппиуса. 1897—1935 / Сост., нотирование и общ. ред. Е. В. Гиппиуса. М., 1979.
- Заволочье. Устьянская земля. Вып. 1. Материалы I—VI межрегиональных историко-краеведческих чтений, посвященных памяти М. И. Романова // МБУК «Устьянский краеведческий музей» Архангельской области. [Сост. Н. В. Ипатов]. Пос. Октябрьский, 2012.
- Романов М. И.* Из фольклорных записей // Север: лит.-худ. альм. (Архангельск). 1936. № 1.
- Марченко Ю. И.* Из ранних записей групповой причеты на Русском Севере // Из истории русской фольклористики. Вып. 3. СПб., 1990.
- Марченко Ю. И.* Исторический ракурс изучения севернорусской песенной культуры и современное состояние местных фольклорных традиций // Из истории русской фольклористики. Вып. 4—5. СПб., 1998.
- Мельник (Якубовская) Е. И.* Образование вариантов в народной песенной традиции (на материале лирических песен Устьянского района Архангельской области). Дис. ... канд. искусствовед. Л., 1985.
- Мельник (Якубовская) Е. И.* Песенный тип и вариант в локальной традиции // Русская народная песня: стиль, жанр, традиция. Сб. науч. ст. Л.: ЛОЛГК, 1985.
- Мехнецова К. А.* Свадебный обряд 1920-х годов глазами участника (по автобиографическим рассказам Ивана Федоровича Нагишева, жителя Устьянского района Архангельской области) // Рябининские чтения-2011. (Матер. VI науч. конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера). Петрозаводск, 2011.

²⁴ Романов М. И. Устья. С. 378.

- Романов М. И.* Устья (рукоп.).
Смирнов Д. В. Экспедиция Е. Э. Линёвой на Устью // Живая старина. 2009. № 1.
 Устьянские песни. Вып. 1 / Сост. А. Мехнецов, Ю. Марченко, Е. Мельник. Л., 1983.
 Устьянские песни. Вып. 2 / Сост. А. Мехнецов, Ю. Марченко, Е. Мельник. Л., 1984.
 Устьянский народный словарь / Под ред. А. А. Истомина, В. П. Мамонова, В. П. Силина и др. Пос. Октябрьский, 2013.
Щипин В. И. По следам экспедиции Е. Э. Линёвой на Устью // Живая старина. 2010. № 1.

A. N. Vlasov

THE LOCAL HISTORIANS' CONTRIBUTION
 TO UST'YAN FOLKLORE COLLECTION AND STUDY.
 MIKHAIL IVANOVITCH ROMANOV (1886—1956)

Due to folklore collecting and a few published papers on musical folklore the Ust'yan folklore tradition is now considered as a unique one in the Russian North. These recordings may fill the gap in folklore collections during the 1970s (more than 2 generations of folklore tradition bearers) and most fully present the genres and themes of the Ust'yan folklore pieces, local traditions and believings. Many local historians are forced to use the complex method of participant observation in the field. The most significant person in the local studies movement was Mikhail Ivanovitch Romanov (1886—1956) who came from Vel'sky uyezd (district) of the Vologda government (now Vel'sky district, the Arkhangelsk Region).

Keywords: Folklore tradition, the Russian North, local studies, local history, wedding, lyrical song, the performer, self-determination, memory, self-recording, folklore collector (folklorist), lamentation, chastushka, fairy tale, childlore.

LITERATURA

- Verevkina G. A.* M. I. Romanov i Vel'skii otdel VOISK // Zavoloch'e. Ust'janskaja zemlja. Vyp. 1. (Mater. I—VI mezhregion. istoriko-kraevedch. chtenii, posvjashennyh pamjati M. I. Romanova) / MBUK «Ust'janskii kraevedcheskii muzei» Arhangel'skoi oblasti. [Sost. N. V. Ipatova]. P. Otjabr'skii, 2012.
Verevkina G. A., Mil'chik M. I. Mihail Ivanovich Romanov — vydayushijsja kraeved Russkogo Severa. SHtrih k portretu. Vel'sk, 2006.
 Dvadcat' russkikh narodnyh pesen v zvukozapisjah E. Linyovoi, M. Pjatnickogo, Z. Yeval'd, E. Gippiusa. 1897—1935 / Sost., notirovanie i obsh. red. E. V. Gippiusa. M., 1979.
 Zavoloch'e. Ust'janskaja zemlja. Vyp. 1. Materialy I—VI mezhregional'nyh istoriko-kraevedcheskikh chtenii, posvjashennyh pamjati M. I. Romanova / MBUK «Ust'janskii kraevedcheskii muzei» Arhangel'skoi oblasti; [sost. N. V. Ipatova]. p. Oktjabr'skii, 2012.
Romanov M. I. Iz fol'klornyh zapisei // Sever: lit.-hudozh. al'm. (Arhangel'sk), 1936. № 1.
Marchenko Yu. I. Iz rannih zapisei gruppovoi pricheti na Russkom Severe // Iz istorii russkoi fol'kloristiki. Vyp. 3. SPb., 1990. S. 144—147.
Marchenko Yu. I. Istoricheskii rakurs izuchenija severnorusskoi pesennoi kul'tury i sovremennoe sostojanie mestnyh fol'klornyh tradicii // Iz istorii russkoi fol'kloristiki. Vyp. 4—5. SPb., 1998.
Mel'nik (Jakubovskaja) E. I. Obrazovanie variantov v narodnoi pesennoi tradicii (na materiale liricheskikh pesen Ust'janskogo raiona Arhangel'skoi oblasti). Dissertacija ...kand. iskusstvovedenija. L., 1985.

- Mel'nik (Jakubovskaja) E. I.* Pesennyi tip i variant v lokal'noi tradicii // Russkaja narodnaja pesnja: Stil', zhanr, tradicija. Sbornik nauchnyh statei. L.: LOLGK, 1985.
- Mehnečova K. A.* Svadebnyi obrjad 1920-h gg. glazami uchastnika (po avtobiograficheskim rasskazam Ivana Fedoroviča Nagisheva, zhitelja Ust'janskogo rajona Arhangel'skoi oblasti) // Rjabininskie čtenija-2011. Materialy VI nauchnoi konferencii po izučeniju i aktualizacii kul'turnogo nasledija Russkogo Severa. Petrozavodsk, 2011.
- Romanov M. I.* Ust'ja (rukopis').
- Smirnov D. V.* *Yekspedicija E. Ye.* Linyovoi na Ust'yu // Zhivaja starina. 2009. № 1.
- Ust'janskije pesni. Vyp. 1 / Sost. A. Mehnečov, Yu. Marchenko, E. Mel'nik. L., 1983.
- Ust'janskije pesni. Vyp. 2 / Sost. A. Mehnečov, Yu. Marchenko, E. Mel'nik. L., 1984.
- Ust'janskii narodnyi slovar' / Pod red. A. A. Istomina, V. P. Mamonova, V. P. Silina i dr. p. Oktjabr'skii, 2013.
- SH'ipin V. I.* Po sledam yekspedicii E. Ye. Linyovoi na Ust'yu // Zhivaja starina. 2010. № 1.

А. А. БУРЫКИН

**К ИСТОРИИ СОБИРАНИЯ
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ КУНСТКАМЕРЫ
ПО НАРОДАМ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920-е ГОДЫ:
ЖИЗНЬ И СУДЬБА Н. А. КОТОВЩИКОВОЙ**

Предметом статьи является история этнографической экспедиции молодых ленинградских этнографов (Н. А. Котовщикова, К. Я. Ратнер, В. Н. Чернецов) на п-ов Ямал в 1928—1929 гг., во время которой погибла Н. А. Котовщикова. Обстоятельства ее смерти долгое время оставались неизвестными. Основываясь на анализе и интерпретации документов, автор установил дату смерти Н. А. Котовщиконой и считает, что Н. А. Котовщикова погибла от холода во время снежного бурана. Этнографические коллекции, собранные ею и товарищами, хранятся в Музее антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: народы Западной Сибири, ненцы, этнография, экспедиции, п-ов Ямал.

История этнографии как науки теснейшим образом связана с целым рядом научных дисциплин и с тем, что является повседневностью для всех нас: и для ученых-языковедов, этнографов, историков, социологов, и для тех, кого они изучают, — представителей самых разных народов России и мира. В истории этнографии имеется не меньше тайн и загадок и, пожалуй, не меньше драматических историй и судеб, чем в истории или географии. Это вполне естественно и логично, ведь этнография немыслима без научных экспедиций и полевых исследований языков и культур народов, живущих на краю Ойкумены, как когда-то выразился палеонтолог, философ и прекрасный писатель И. Ефремов. Драматическая судьба ученых — исследователей культур и языков народов Арктики, отдавших жизнь во имя своей науки, надолго остается в памяти и навсегда — на страницах книг и журналов, а также в музейных описаниях.

Наталья Александровна Котовщикова (?—между 1 и 4 июля 1929 г.)¹ принадлежала к первому поколению молодых ученых-этнографов, кто получил образование в Санкт-Петербургском—Петроградском—Ленинградском

© А. А. Бурыкин, 2013. Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург, Россия.

¹ Предполагаемая дата гибели Н. А. Котовщиконой установлена автором наст. ст. и обосновывается далее.

университете и имел возможность учиться у классиков отечественной этнографии — Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза. Среди тех, кто учился вместе с ней, были будущие выдающиеся ученые — этнограф, археолог, языковед и фольклорист В. Н. Чернецов, лингвист, фольклорист и этнограф Е. А. Крейнович и другие, кого Е. А. Крейнович в начале 1970-х годов вспомнил в посвящении и примечаниях к своей книге «Нивхгу».²

Современным исследователям довольно странно узнавать о том, что сложнейшие экспедиции, требовавшие высокого профессионализма и основательной научной подготовки, в 1920-е годы осуществлялись студентами, не окончившими университетского курса. Наталья Котовщикова и Валерий Чернецов,³ студенты 4-го курса географического факультета (этнографическое отделение) ЛГУ, и их спутник — студент-зоолог Константин Ратнер (по некоторым данным, также учившийся на географическом факультете) летом 1928 г. отправились на Ямал. Для молодых этнографов это была вторая экспедиция — Н. Котовщикова и В. Чернецов побывали у ненцев и манси еще в 1926—1927 гг.⁴ Н. Котовщикова, успешно собиравшая этнографические, антропологические, зоологические и ботанические материалы, даже смогла опубликовать в новом этнографическом журнале свою статью по результатам этой экспедиции.⁵ Безусловно, ко второй своей экспедиции Н. А. Котовщикова имела неплохой опыт полевых работ.

8 августа 1928 г. этнографическая экспедиция отбыла на гидрографическом судне «Полярный» из Архангельска, 25 августа ее участники высадились возле полярной станции («рация», как тогда выражались) Марре-Сале. Из-за проблем с транспортом, необходимым для перевозки экспедиционного груза, ученые начали работу лишь 26 сентября 1928 г. Интересно, что консультантом этой экспедиции был Б. М. Житков, один из авторитетных исследователей Ямала.⁶

Ныне об этих экспедициях известно достаточно много.⁷ 1 октября 1928 г. молодые этнографы, передвигавшиеся от одного ненецкого стойбища к другому, встретились с комплексной экспедицией В. П. Евладова, в состав которой кроме начальника экспедиции входили охотовед Н. Н. Спицин, зоотехник П. П. Королев, товаровед И. В. Каргопольцев, переводчик М. Ф. Ядопчев, а также практикант В. И. Терентьев и пастухи Филиппов, Хатанзеев, Тибичи с семьями.

² О Н. А. Котовщиковой см.: *Чернецов В. Н.* Наталья Александровна Котовщикова // Сов. Север. 1930. № 1. С. 165—166. [Некролог]. С. 158—160; *Хомич Л. В.* Из истории советской этнографии (изучение этнографии самодийских народов) // Историческая этнография: традиции и современность. С. 7—8. Из новых публикаций о ней см.: *Омельчук А.* На краю света, на мысе Хэй-Сале. С. 60—62. См. также: *Омельчук А. К.* 1) Рыцари Севера; 2) К. Носилов; 3) Зов Арктики; 4) Ее величество Обь; *Дронзикова С. В., Котовщикова Н. А.* Ямал. Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа.

³ Чернецов Валерий Николаевич (1905—1970), известный этнограф, фольклорист и археолог, специалист по истории и этнографии народов Западной Сибири.

⁴ См.: *Главацкая Е. М.* Уральская экспедиция Приполярной переписи 1926—1927 гг.: история организации.

⁵ *Котовщикова Н.* Северно-Ямальская экспедиция // Этнограф-исследователь. С. 56.

⁶ См.: *Решетов А. М.* Борис Михайлович Житков как этнограф. С. 169—172.

⁷ *Пика А. И.* 1) Ямальские экспедиции 1920-х годов // Полярный круг. М.: Мысль, 1989; 2) Новые материалы к истории первой советской этнографической экспедиции на полуостров Ямал (1928—1929 гг.).

В. П. Евладов позже писал об этой встрече: «...мы перешли к воспоминаниям: ведь мы были знакомы еще с 1926 года.⁸

Тогда, проезжая в мою первую экспедицию на Ямал, я встретился в этнографическом отделе Тобольского краеведческого музея с двумя студентами Ленинградского университета — Валерием Чернецовым (Валей) и Натальей Котовшиковой. Оба они ехали на север с географическими и этнографическими обследованиями. Валерий — к народу манси на реку Северную Сосьву, а Наташа — к ненцам, на изучении истории и культуры которых она специализировалась. Мы вместе доехали до Березово, и здесь нам предстояло расстаться. Валерий должен был повернуть к Уралу, а Наташа — ехать на Север.⁹ Чернецов уже был ранее среди манси, и ему путь и обстановка работы были известны, а Наташа еще Севера не знала, не решила, куда ей направиться. Я ехал на Ямал, моя ближайшая задача — найти лечебно-обследовательский отряд Свердловского облздравотдела. Я предложил Наташе работать вместе с нашим отрядом. Валерий тогда сказал: „Тебе, Наташа, повезло, ты нашла хорошего спутника, Владимир Петрович не откажет тебе в помощи”. — „Ну, какой может быть разговор, — согласился я, — конечно, поедем вместе, а там — две культурные женщины, с которыми тебе будет легко. Быть может, и работу с ненцами будешь проводить вместе с отрядом”. Наташа была в восторге от такой удачи. Но в Обдорске мы все же расстались. Наталья Александровна тогда получила дополнительные задания от Обдорского райисполкома и выехала в район реки Полуй, а я — на Ямал в медицинскую экспедицию. И вот мы встретились снова, уже люди опытные, знающие Север и его население, — оба начальники экспедиций. Конечно же, я хотел помочь им, но как? Если бы наш отряд и стадо были ближе к Карскому побережью, к мысу Марпе-Сале, где остались лежать грузы, то я продвинул бы их верст на 200 на своих оленях. Но теперь этого сделать я не мог. Слишком далеко в стороне были их грузы от нашего маршрута. Я решил поделиться с ними всем, чем мог».¹⁰

Далее В. П. Евладов продолжает: «Я расспросил Наталью Александровну о снаряжении, экипировке экспедиции. Оказалось, что снабдились они весьма легкомысленно: нет теплой меховой одежды и обуви, палатка без печки.¹¹ В таких условиях даже при обилии продовольствия гибла не одна экспедиция. (...) Наташа соглашалась, с увлечением рассказывала мне о планах своих исследований. Молодые этнографы и археологи, они должны были провести археологическую разведку на ямальских побережьях, выявить какие-то следы, археологические культуры древних обитателей северных широт, которые, по их представлениям, населяли эти места еще до прихода ненцев-оленьеводов. Я рассказал о моем открытии поселений сказочных людей „сирите” на мысе Тиутей-Сале.¹² Это ее очень заинтересовало».¹³

⁸ *Евладов В. П.* По тундрам Ямала к Белому острову. С. 205—215.

⁹ Об их работе в этой экспедиции см.: *Главацкая Е. М.* Указ. соч.

¹⁰ *Евладов В. П.* По тундрам Ямала к Белому острову. С. 207.

¹¹ Интересный факт — не это ли обстоятельство сыграло в дальнейшем самую драматическую роль в судьбе Н. А. Котовшиковой?

¹² Сказанное однозначно определяет приоритет В. П. Евладова в открытии этих уникальных археологических памятников, но приоритет именно в открытии, а не в исследовании, которое начал вести В. Н. Чернецов.

¹³ *Евладов В. П.* По тундрам Ямала к Белому острову. С. 207.

5 октября экспедиция В. П. Евладова отправилась на юг и в конце декабря прибыла в Обдорск, а отряд Н. А. Котовщиковой продолжил свою работу. После наступления нового, 1929 г., условия работы этнографов осложнились. Помимо бытовых проблем сказалась разница интересов отдельных участников экспедиции, и они решили работать поодиночке. Мы знаем, что в начале июня 1929 г. В. Н. Чернецов начал свою работу на мысе Тиутей, там, где В. П. Евладов обнаружил древние земляные жилища загадочных обитателей Ямала «сииртя».¹⁴ К. Ратнер и Н. Котовщикова работали самостоятельно, находясь сравнительно недалеко друг от друга. Известно, что Н. А. Котовщикова провела на мысе Хаэн-Сале археологическую разведку, в ходе которой были получены результаты, описанные в работе ее спутника В. Н. Чернецова.¹⁵

О трагическом финале экспедиции нам лучше всего рассказывает В. П. Евладов. Его повествование — ценнейшее биографическое свидетельство о последних днях жизни Н. А. Котовщиковой.

В июле 1929 г. Наталья Александровна Котовщикова скончалась на мысе Хаэн-Сале в полном одиночестве от цинги и холода. Сохранились записки, написанные в последние дни ее жизни, адресованные ее спутникам по экспедиции.

«Валя и Котя!

Это письмо рассчитано на то, что мы не увидимся. Я оставляю базу и иду к Коте на Яхады.

*Хаэн-Сале. У берегового знака, поставленного Евладовым в августе 1929 года».*¹⁶

«В. Н. (Чернецову)

*В случае моей смерти тебе придется воспользоваться частью собранных мною материалов для отчета. Мне очень скверно. Сейчас все время сильный озноб и временами судороги. 30 июля 1929 года».*¹⁷

«Милый Валя. Пишу в чуме Тереку рано утром, когда все еще спят. Мне очень нездоровится, кажется, у меня началась цинга. Очень сильная слабость и припухли десны. Вероятно, от хронического недоедания».

«16 (августа) 1929.»¹⁸ Береговой знак Хаэн-Сале. Костя. За Вами приедут завтра и привезут сюда. Мне страшно нездоровится и лежу здесь без палатки. Захвати [ла?] все имущество.

*Н.».*¹⁹

Это была последняя записка. Из-за бурана Константин Ратнер не смог прибыть на мыс Хаэн-Сале вовремя. Когда он приехал, Наталья Александров-

¹⁴ Нынче этих загадочных древних обитателей Ямала принято называть так, как их название пишется по-ненецки — сихиртя.

¹⁵ Чернецов В. Н. Древняя поморская культура полуострова Ямал. С. 120.

¹⁶ Должно быть — в августе 1928 г.

¹⁷ Очевидно, следует читать — 30 июня.

¹⁸ Следует читать — 16 июня; отнесение событий к августу — признак того, что записи В. П. Евладова обрабатывались по прошествии многих лет и без возможности выверки дат.

¹⁹ Путаница в числах, относящихся к письмам Н. А. Котовщиковой, объясняется тем, что три последних ее письма (записки) в книге В. П. Евладова напечатаны почти в подбор одним и тем же курсивным шрифтом, и не сразу можно разобраться в том, что даты записок стоят в начале, а не в конце текста.

на была уже мертва. Небольшой памятник, огражденный корабельными цепями, и сейчас стоит над одинокой могилой на Ямале.²⁰

О намогильном памятнике Н. А. Котовщиковой, по которому получил свое именование геодезический знак, можно прочитать в книге М. И. Белова, посвященной памятным местам Арктики.²¹ М. И. Белов писал: «В проливе Малыгина, который отделяет остров Белый от Ямальского полуострова, стоит деревянный геодезический знак, известный как знак Котовщиковой. Наталья Александровна Котовщикова была сотрудницей Географического института. В 1929 г., работая в Ямальской экспедиции В. Н. Чернецова, она выехала в северную часть Ямала вместе с оленьими стадами ненцев. Получилось так, что, оставшись одна в тундре, Наталья Александровна заболела. Об этом люди узнали уже после ее смерти из ее дневников, которые она вела до последней минуты». Чернецов, автор некролога (Советский Север. 1930. № 1), писал: «В палатке лежала сумка с дневниками Натальи Александровны, а когда впоследствии растаял снег, мы нашли письмо, в котором она прощалась с нами, уже не надеясь вновь увидеться».²²

Последние документы, связанные с гибелью Н. А. Котовщиковой, оставляют ряд вопросов, на которые пока не находится ответа.

Вопрос первый: кто и когда первым узнал о гибели отважной исследовательницы? Самый ранний документ (ГАТО, ф. 721, оп. 1, д. 40ц, л. 64, рукоп. подлин.) — телеграмма о гибели Н. А. Котовщиковой — датирован 7 июля 1929 г.:

Телеграмма из Обдорска № 69. Тобольск Окрик Маресалье сообщило: между семнадцатым и девятнадцатым июня²³ берегу пролива Малыгина скончалась Наталия Александровна Котовщикова причина смерти не известна тело найдено холодным остальные просят помощи.

РИК обязал Убеко Прибой ожидающих мысу Хаесале снять установить причину смерти (с)обранные материалы возможности труп (до)ставить Обдорск подтвердите поставлен известность Облик — Чусовитин Получил 7 VII 29 г. по телефону передал Кайгородов. Принял (неразборчиво) 13 ч. 15 м.²⁴

Вероятнее всего, раньше всех узнал о смерти Н. А. Котовщиковой К. Я. Ратнер, и он же сообщил о трагическом событии на полярную станцию, где по рации эта информация была передана в Обдорск. Однако здесь обнаруживается множество важных деталей.

Кажется, еще никто не обращал внимания на то, что время передачи этой телеграммы из Обдорска в Тобольск и предполагаемые дни гибели исследова-

²⁰ *Евладов В. П.* По тундрам Ямала к Белому острову. С. 215.

²¹ *Белов М. И.* По следам полярных экспедиций. С. 111—112, 125.

²² Там же.

²³ Эта дата ошибочна: она противоречит дате последнего письма Н. А. Котовщиковой, которая определяется как 30 июня 1929 г. Те, кто сообщал на полярную станцию о гибели исследовательницы, еще не имели ее писем, в частности последнего письма, обнаруженного, вероятно, В. Н. Чернецовым. Еще одно недоразумение: С. А. Ковалев, ссылаясь на текст книги М. И. Белова с цитатой из некролога Н. А. Котовщиковой, полагает, что ее тело и письма были найдены «следующей весной», т. е. в 1930 г. (*Ковалев С. А.* По следам пропавших экспедиций. М., 2011. С. 214). Это явная ошибка.

²⁴ <http://www.yamalarchaeology.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=138&pageno=2>

тельницы, указанные в ней из результатов связи по радиции с Марре-Сале, — между 17 и 19 июня, не соответствуют тем датам, которые содержатся в письмах Н. А. Котовщиковой по публикации В. П. Евладова.²⁵ Посмотрим на них повнимательнее.

Одно из писем Н. А. Котовщиковой, помещенное последним, имеет указания на время «16 (августа) 1929», что, вероятно, следует читать как 16 июня: августом 1929 г. оно никак не может быть датировано. Во втором письме обозначена дата «30 июля 1929 года», что опять-таки невозможно: вероятнее всего, в документе было проставлено **30 июня** 1929 г. Это означает, что записка с датой, прочитанной подобным образом, как раз и оказывается последним прощальным письмом Н. А. Котовщиковой. Далее — записка, датированная 16-м числом (очевидно, 16 июня 1929 г.), написана еще в чуме Тереку, а записка, помеченная 30-м числом, — у берегового знака, уже явно после того, как исследовательница покинула ненецкий чум. Подтверждением этих соображений является и то, что ее состояние, описанное 30-го числа («*Мне очень скверно. Сейчас все время сильный озноб и временами судороги*»), — явно хуже того, что в записке от 16-го числа («*Мне очень нездоровится, кажется, у меня началась цинга. Очень сильная слабость, и припухли десны*»).

Вопрос второй, связанный со всем изложенным: время смерти Н. А. Котовщиковой. Исходя из анализа дат, зафиксированных в официальных документах, и чисел (без точных указаний месяца) в записках самой Н. А. Котовщиковой, мы можем с большей точностью, чем публикаторы документов, определить время ее гибели — между 30 июня и 7 июля 1929 г., точнее — между 1 и 4 июля 1929 г.: все зависит оттого, насколько быстро К. Я. Ратнер или кто-то из посланных им курьеров мог бы добраться от мыса Хаэн-Сале до радиостанции Марре-Сале.²⁶ Н. А. Котовщикова смогла продержаться без необходимых вещей, дров и продуктов одна, на пустынном холодном берегу, **более двух недель**... Помощь к ней опоздала на один или два дня.

Кажется, мы имеем возможность установить основные причины двух неясностей: почему в телеграмме предполагаемой датой смерти Н. А. Котовщиковой названо 17—19 июня и почему оказался нарушенным хронологический порядок ее последних записок. Вероятно, в руки к К. Я. Ратнеру в первые дни июля 1929 г. попала только одна записка, датированная 16 июня 1929 г., которая и послужила основанием для чисел 17—19 июня, указанных в радиограмме из Марре-Сале в Обдорск. Эта телеграмма, хранящаяся в архиве, стала авторитетным документом, поскольку подлинники записок Н. А. Котовщиковой, которые каким-то образом попали к В. П. Евладову и были доступны не

²⁵ О В. П. Евладове см.: *Евладов В. П.* Энциклопедия Забайкалья // <http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=1418>. Об экспедиции В. П. Евладова по Ямалу см. также: *Мартынов В.* Пропавшая экспедиция // *Сибирские истоки*, 2003. № 4(19), 5(20). <http://istoki.spb.ru/db/publisher/show.php?go=showarticle&id=121> <http://istoki.spb.ru/db/publisher/show.php?go=showarticle&id=139>

²⁶ Если расстояние между данными пунктами составляет около 400 км, то на его преодоление на ненецкой карте понадобится 3—4 дня, а возможно, и более. Радиограмма о гибели Н. А. Котовщиковой передана днем 7 июля 1929 г., это значит, что К. Я. Ратнер нашел ее тело или смог послать известие в Марре-Сале, вероятнее всего, 2 или 3 июля 1929 г. Если бы он появился на мысе Хаэн-Сале на два дня раньше, он бы застал ее живой, т. е. если она действительно погибла от холода, то он мог бы ее спасти.

всем, описывали историю этой экспедиции (и еще не факт, что у В. П. Евладова были подлинники, а не копии записок, например, из писем того же В. Н. Чернецова).

Вторая, и явно последняя, записка Н. А. Котовщиковой — мы можем утверждать это с неожиданной уверенностью — была найдена ее товарищами уже после того, как в Обдорске и далее по связи узнали о гибели начальника экспедиции. Это была записка, датированная 30-м числом, т. е. 30 июня 1929 г. Она была найдена уже после того, как на мысе Хаэн-Сале появился В. Н. Чернецов. Обратим внимание на его слова из некролога («когда впоследствии растаял снег, мы нашли письмо, в котором она прощалась с нами») — значит, В. Н. Чернецов присутствовал при этом или сам нашел послание. Никто не обратил внимания, что эта записка Н. А. Котовщиковой является на самом деле последней — и по описанию своего состояния, и по дате, и потому, что она не была положена в экспедиционные документы. Видимо, это послание лежало отдельно от них в снегу и было найдено практически случайно: его каким-то чудом не унес снежный ветер, бушевавший над мысом Хаэн-Сале в конце июня—начале июля 1929 г.

Вот записи из дневников В. Н. Чернецова: «17 июля 1929 года, чум самоеда Сейко Ямал, близ р. Тамбей, п-ов Ямал. Присутствующие самоеды, свидетельствуя свои слова приложением личной тамги, рассказали следующее. 15 июня 1929 г.²⁷ самоеды Тереку и Тэл из рода Уэнонга вывезли сотрудника Северо-Ямальской экспедиции Комитета Севера Наталью Александровну Котовщикову против ее желания, на побережье пролива Малыгина, на мыс Хаэн-Сале, к имеющемуся там береговому знаку. Тереку Уэнонга должен был на другой день выслать оленей за сотрудником экспедиции К. Я. Ратнером, жившим в это время на Пэндури-Сале (на карте: Яды-Сале). Тереку Уэнонга, однако, за Ратнером не выехал, и за ним приехал значительно позже (точно срок установить нельзя, так как произошла сбивка в счете дней на несколько суток) Серкоти Вануйта. Прибывший на другой день К. Я. Ратнер нашел Н. А. Котовщикову уже мертвой. Вывезя уже больную Н. А. Котовщикову, Тереку и Тэл Уэнонга не позаботились даже о том, чтобы приготовить для нее дрова, хотя знали, что топора у нее не было, и не помогли соорудить палатку».²⁸

Вопрос третий: почему Н. А. Котовщикова пишет в записке: «*Мне страшно нездоровится и лежу здесь без палатки*», а В. Н. Чернецов в цитированном М. И. Беловым некрологе (см. выше) отмечает: «В палатке лежала сумка с дневниками Натальи Александровны...». Этот вопрос отчасти снимается дневниковой записью самого В. Н. Чернецова: если он пишет «*не помогли соорудить палатку*», то возможно, что Н. А. Котовщикова имела при себе палатку, но не могла ее установить. По сообщениям В. Н. Чернецова, эта палатка была сделана из паруса, положенного на нарты: тело Н. А. Котовщиковой

²⁷ Эта дата заведомо неточна: из записки самой Н. А. Котовщиковой мы знаем, что она еще 16 июня утром находилась в чуме Тереку. Непонятно и другое: если места на мысе Хаэн-Сале были почитаемы ненцами (см. ниже примеч. 27 относительно названия Шайтана), то люди из рода Уэнонга никак не могли привезти туда женщину, тем более с целью наказать ее за что-то.

²⁸ Чернецов В. Н. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987. С. 117.

было найдено не в ней, а в 30 м от нее.²⁹ Впрочем, со дня смерти Н. А. Котовщиковой до того момента, когда В. Н. Чернецов добрался до мыса Хаэн-Сале, прошло много времени, и он, учитывая все сказанное выше, излагал известные ему обстоятельства со слов К. Я. Ратнера и определенно не мог отличить вещей, которые были при Н. А. Котовщиковой, от имущества К. Я. Ратнера.³⁰

Вопрос четвертый, поставленный А. И. Пикой в его статье 1989 г.: как соотносится месторасположение могилы Н. А. Котовщиковой на мысе с предписанием доставить ее тело в Обдорск, — вопрос, затрагивающий подлинность ее захоронения на берегу Карского моря, находит свое решение. Акт судебно-медицинской экспертизы тела Н. А. Котовщиковой датирован 22 июля 1931 г., место проведения экспертизы — «Мыс „Хаэн-Сале” (Шайтана).³¹ Широта 72.°52.′54.5″ долгота 71.°39.′34.950». ³² Таким образом, известный полярникам памятный «Знак Котовщиковой» действительно отмечает место упокоения исследовательницы Севера. Документы экспертизы, в ходе которой было определено, что Н. А. Котовщикова не была отравлена и не умерла насильственной смертью, свидетельствуют о том, что причиной ее гибели едва ли могла стать длительная тяжелая болезнь или голод. Скорее всего, она умерла от охлаждения во время тех снежных буранов, которые не позволили К. Я. Ратнеру прийти к ней на помощь.

Для истории науки в персоналиях весьма любопытно то, как именно участники этой экспедиции воспринимались их современниками, особенно старшими.

А. М. Решетов пишет в своей статье о В. Н. Чернецове:³³ «Образ В. Н. Чернецова этого времени в художественной форме дан на страницах романа В. Г. Богораза „Воскресшее племя”: „Двадцать человек тихо сидят у длинного стола и слушают доклад. Докладчик — Беляев (читай: Чернецов. — А. Р.), работник вогульской группы, тоже с весьма примечательной биографией. Беляеву лет двадцать пять, на Севере он был четыре года. Первый раз в ранней мо-

²⁹ Чернецов В. Наталья Александровна Котовщикова // Сов. Север. 1930. № 1. С. 165—166.

³⁰ В. Н. Чернецов был женат первым браком на сестре К. Я. Ратнера Ирине Яковлевне. И. Я. Чернецова — автор десяти учебных пособий по мансийскому языку для начальной школы и соавтор В. Н. Чернецова по «Краткому мансийско-русскому словарю» (Л., 1936). По сообщению А. М. Решетова, во время Второй мировой войны И. Я. Чернецова оказалась на оккупированной территории в Калининской области и после освобождения этой территории пропала без вести.

³¹ Необычайно интересная деталь: название мыса, приведенное в скобках, — Шайтана, может служить свидетельством того, что в этом месте когда-то находился по крайней мере один ненецкий идол достаточно заметных размеров. Это значит, что где-то поблизости, в виду побережья, находилось ненецкое святилище — вероятно, святилище Сив-Мя «Семь чумов». Не было ли само это место, по представлениям ненцев, запретным для женщин? Мыс Хэсала (таково современное написание) и ныне иногда в скобках именуется Мысом Шайтанов.

³² ГАТО, ф. 721, оп. 1, д. 40ц, л. 58—58 об. <http://www.yamalarchaeology.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=138&pageno=3>

³³ Решетов А. М. В. Н. Чернецов: ленинградский период жизни и деятельности (1925—1940 гг.) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. (Матер. XIII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф.). К 100-летию со дня рождения В. Н. Чернецова. С. 34—35.

лодости просто прогуливался с вогулами на лыжах и охотился на бурых медведей. В 1926—1927 годах, во время полярной переписи, переписывал вогулов и остяков. Потом, неожиданно вернувшись в Ленинград, организовал вместе с такими же юнцами, Наташей Перевозчиковой (читай: Котовщицкой. — *А. Р.*) и Федором Рейманом (читай: Константином Ратнером. — *А. Р.*), ни много ни мало как экспедицию на север полуострова, к ямальским самоёдам, до тех пор оторванным от русских. Экспедиция попала в тяжелые условия. На Ямале был голод и олений падеж, и в конце концов от невыясненных причин умерла Наташа Перевозчикова... Беляев вернулся в Ленинград и вскоре опять отправился к вогулам».³⁴

Из сказанного понятно, что первым из участников экспедиции, кто должен был узнать о смерти Н. А. Котовщицкой, был К. Я. Ратнер — во-первых, он находился ближе всех к местам работы Н. А. Котовщицкой, во-вторых, мы точно знаем, что В. Н. Чернецов узнал о гибели Н. А. Котовщицкой на неделю позже, чем пришло сообщение в Обдорск. Однако у нас почти нет сведений об этом ученом. Все, что пока удалось найти о К. Я. Ратнере, — то, что он был сотрудником БАН СССР и погиб во время блокады.³⁵ На одном из сайтов мы читаем: «Ратнер Константин Яковлевич, 1907 г. р. Место проживания: Зверинская ул., д. 33/38. Дата смерти: январь 1942. Место захоронения: неизвестно».³⁶ На сайте Кунсткамеры указана фамилия К. Я. Ратнера,³⁷ вероятно, в связи с тем, что он числится одним из собирателей коллекций экспедиции 1928—1929 гг., однако никаких данных о К. Я. Ратнере на этом сайте нет.

К большому сожалению, опубликованные недавно воспоминания дочери К. Я. Ратнера — Татьяны Константиновны Сотниковой-Ратнер³⁸ — ничего не проясняют о судьбе архива К. Я. Ратнера, так как дочь (род. 1939) сохраняет смутные воспоминания о своем отце, чего не скрывает сама и даже называет его геологом... Однако еще есть вероятность того, что в каких-то архивах могут отыскаться документы К. Я. Ратнера, продолжавшего научную деятельность в 1930-е годы, которые могут добавить дополнительные детали к драматической истории экспедиции молодых ленинградских этнографов 1928—1929 гг. и добавить что-либо еще к биографии Наталии Александровны Котовщицкой. Не вполне ясно также, могла ли детская писательница Аделаида Александровна Котовщицкова (1909—1985), жившая в Ленинграде, приходиться родной сестрой Н. А. Котовщицкой — у них совпадают фамилия и отчество, а годы рождения могут быть близкими. Досадно, но складывается впечатление, что почти все возможности для пополнения биографии Н. А. Котовщицкой в наши дни безнадежно утрачены.

³⁴ *Тан-Богораз В. Г.* Воскресшее племя. Роман. С. 208.

³⁵ <http://www.rasl.ru/library/blokada.php>

³⁶ http://vizs.nlr.ru/search/lists/blkd/240_70.html

³⁷ http://web1.kunstkamera.ru/maedb/node_properties.asp?node_id=2FCA3993-F206-4B4E-BF7E-694F2DA2F2C3

³⁸ *Сотникова-Ратнер Т.* И мы исполнились иных воспоминаний вместо несостоявшихся... С. 169—189.

ЛИТЕРАТУРА

- Белов М. И. По следам полярных экспедиций. Л., 1977.
- Главацкая Е. М. Уральская экспедиция Приполярной переписи 1926—1927 гг.: история организации // Уральский исторический вестник, 2006 (14). Ямальский выпуск. 2006.
<http://www.abdn.ac.uk/polarcensusdata/resources/index/Glavatskaya%2006%20-%20Istoriia%20organizatiiiia.pdf>
- Дронзикова С. В., Котовщикова Н. А. Ямал. Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа. Тюмень, 2004. (Электронное издание).
- Евладов В. П. По тундрам Ямала к Белому острову. Тюмень, 1992.
- Ковалев С. А. По следам пропавших экспедиций. М., 2011.
- Котовщикова Н. А. [Некролог] // Этнография. 1930. № 1—2.
- Котовщикова Н. Северно-Ямальская экспедиция // Этнограф-исследователь. 1928. № 2—3.
- Мартынов В. Пропавшая экспедиция // Сибирские истоки. 2003. № 4(19)—5(20).
- Омельчук А. К. На краю света, на мысе Хаэн-Сале // Родина. 2005. № 9.
- Омельчук А. К. Рыцари Севера. Свердловск, 1982.
- Омельчук А. К. К. Носилов. Свердловск, 1989.
- Омельчук А. К. Зов Арктики. Свердловск, 1980.
- Омельчук А. К. Ее величество Обь. Свердловск, 1991.
- Пица А. И. Ямальские экспедиции 1920-х годов // Полярный круг. М.: Мысль, 1989.
- Пица А. И. Новые материалы к истории первой советской этнографической экспедиции на полуостров Ямал (1928—1929 гг.) // Сов. этнография. 1989. № 6.
- Решетов А. М. Борис Михайлович Житков как этнограф // XVI Слобцовские чтения. Ч. 1. Тюмень, 2004.
- Решетов А. М. В. Н. Чернецов: ленинградский период жизни и деятельности (1925—1940 гг.) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. (Матер. XIII Западно-Сибирской археол.-этногр. конф.). К 100-летию со дня рождения В. Н. Чернецова. Томск, 2005.
- Сотникова-Ратнер Т. И мы исполнились иных воспоминаний вместо несостоявшихся... // Нева. 2007. № 5.
- Тан-Богораз В. Г. Воскресшее племя. Роман. М., 1935.
- Чернецов В. Н. Древняя поморская культура полуострова Ямал // Сов. этнография. 1935. № 4—5. М.; Л.
- Хомич Л. В. Из истории советской этнографии (изучение этнографии самодийских народов) // Историческая этнография: традиции и современность. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.
- [Чернецов В. Н.]. Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987.
- Чернецов В. Н. Наталья Александровна Котовщикова // Сов. Север. 1930. № 1.

A. A. Burykin

TOWARDS THE HISTORY OF ETHNOGRAPHIC COLLECTIONS FROM THE PEOPLES OF WESTERN SIBERIA OF KUNSTKAMERA IN 1920th YEARS: THE LIFE AND DESTINY OF N. A. KOTOVSHCHIKOVA

The subject of the article relates to the history of ethnographic expedition of young Leningrad ethnographers (N. A. Kotovshchikova, K. Ja. Ratner, V. N. Chernetsov) to Yamal

Peninsula in 1928—1929; during this expedition N. A. Kotovshchikova perished and the circumstances of her death remained unknown for a long time. Basing the research on the analysis and interpretation of documents, the author establishes the date of death of N. A. Kotovshchikovoј — 1st or 2, 1929 and considers that N. A. Kotovshchikova was lost from a cold during a snow snow-storm. The ethnographic collections collected by N. A. Kotovshchikovoј and its companions, are stored in an anthropology and ethnography Museum (Кунсткамера) the Russian Academy of Sciences in St. Petersburg.

Keywords: the peoples of Western Siberia, the Nenets people, ethnography, expeditions, Yamal Peninsula.

LITERATURA

- Belov M. I.* Po sledam poljarnyh yekspedicii. L., 1977.
- Glavackaja E. M.* Ural'skaja yekspedicija Pripoljarnoi perepisi 1926—1927 gg.: istorija organizacii // Ural'skii istoricheskii vestnik, 2006 (14). Jamal'skii vypusk. 2006.
<http://www.abdn.ac.uk/polarcensusdata/resources/index/Glavatskaya%2006%20-%20Istoriia%20organizatitii.pdf>
- Dronzikova S. V., Kotovshikova N. A.* Jamal. Yenciklopedija Jamalo-Neneckogo avtonomnogo okruga. Tyumen', 2004 (Yelektronnoe izdanie).
- Evladov V. P.* Po tundram Jamala k Belomu ostrovu. Tyumen', 1992.
- Kovalev S. A.* Po sledam propavshih yekspedicii. M., 2011.
- Kotovshikova N. A.* [Nekrolog] // Yetnografija. 1930. № 1—2.
- Kotovshikova N.* Severno-Jamal'skaja yekspedicija // Yetnograf-issledovatel'. 1928. № 2—3. S. 56.
- Martynov V.* Propavshaja yekspedicija // Sibirskie istoki. 2003. № 4(19)—№ 5(20).
- Omel'chuk A. K.* Na krayu sveta, na myse Hyei-Sale // Rodina. 2005. № 9.
- Omel'chuk A. K.* Rycari Severa. Sverdlovsk, 1982.
- Omel'chuk A. K. K.* Nosilov. Sverdlovsk, 1989.
- Omel'chuk A. K.* Zov Arktiki. Sverdlovsk, 1980.
- Omel'chuk A. K.* Ee velichestvo Ob'. Sverdlovsk, 1991.
- Pika A. I.* Jamal'skie yekspedicii 1920-h godov // Poljarnyi krug. M.: Mysl', 1989.
- Pika A. I.* Novye materialy k istorii pervoi sovetskoj yetnograficheskoj yekspedicii na poluostrov Jamal (1928—1929 gg.) // Sov. yetnografija. 1989. № 6.
- Reshetov A. M.* Boris Mihailovich Zhitkov kak yetnograf // XVI Slovcovskie chtenija. CH. 1. Tyumen', 2004.
- Reshetov A. M. V. N. Chernecov: leningradskii period zhizni i dejatel'nosti (1925—1940 gg.)* // Problemy istoriko-kul'turnogo razvitija drevnih i tradicionnyh obshestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nyh territorii. (Mater. XIII Zap.-Sib. arheol.-yetnogr. konf.). K 100-letiyu so dnja rozhdenija V. N. Chernecova. Tomsk, 2005.
- Sotnikova-Ratner T.* I my ispolnilis' inyh vospominanii, vmesto nesostojavshih... // Neva. 2007. № 5.
- Tan-Bogoraz V. G.* Voskresshee plemja. Roman. M., 1935.
- Chernecov V. N.* Drevnjaja pomorskaja kul'tura poluostrova Jamal // Sov. yetnografija. 1935. № 4—5. M.-L., 1935.
- Homich L. V.* Iz istorii sovetskoj yetnografii (izuchenie yetnografii samodiiskih narodov) // Istoricheskaja yetnografija; tradicii i sovremennost'. L.: Izd-vo LGU, 1983.
- [*Chernecov V. N.*] Istochniki po yetnografii Zapadnoi Sibiri. Tomsk, 1987.
- Chernecov V. N.* Natal'ja Aleksandrovna Kotovshikova // Sov. Sever. 1930. № 1.

Л. М. КОЗНЕВА

ВОЛОГОДСКИЕ УЧИТЕЛЯ — СОБИРАТЕЛИ НАРОДНОГО СЛОВА (XIX в.)

В XIX в. вологодские учителя начали собирать и записывать местные слова. В течение XIX—начала XX в. они принимали самое деятельное участие в изучении говоров Вологодского края. Собранные ими материалы публиковались в Трудах Общества любителей российской словесности, Вологодских губернских ведомостях и других изданиях. Некоторые рукописи отсылались в Академию наук. Свой вклад в соби­рание местного слова внесли и священники. Учитель Стефан Васильевич Мальгинов проявил настоящий талант в сборе и описании диалектного материала, впервые изданного с незначительными сокращениями в составе хрестоматии «Народное слово Вологодского края в записях XVIII—XIX вв.» (Вологда, 2011).

Ключевые слова: учитель, русское народное слово, говор, народный язык и словесность, диалектные особенности, сбор местных слов, рукопись, словарь.

Первые записи вологодских народных слов, свидетельствующие о зарождении интереса к русскому народному слову, датируются второй половиной XVIII в. Именно тогда был составлен «Словарь областных слов, употребляемых в г. Устюге Великом (по записи 1757 г.)». Этот словарь (свыше 300 слов), входивший в состав сборника из собрания рукописей графа А. С. Уварова, был обнаружен и подготовлен к печати известным знатоком древних рукописей, лингвистом П. К. Симони.¹ Составитель словаря неизвестен.

В конце XVIII в. «областные слова» (*«которые своею ясностию, силою и краткостию могут служить к обогащению языка»* — САР, I, IX) включаются в Словарь Академии российской. Есть среди них и слова, употребляемые в вологодских говорах (*бабка* — I, 67, *битка* — I, 177, *козенок* — III, 691, *оногда* — IV, 634, *опако* — IV, 635, и др.).

В XIX в. работа по изучению местных речевых особенностей активизируется в различных частях страны, в том числе и на Русском Севере. Занимаются этим люди, объединенные интересом к словесности, родному слову, этнографии.

© Л. М. Кознева, 2013. Вологодский государственный педагогический университет. Вологда, Россия.

¹ Симони П. К. Два старинных областных словаря XVIII века. С. 444—447.

Вологодские учителя приняли самое деятельное участие в изучении говоров Вологодского края. Они начали собирать и записывать местные слова в первые десятилетия XIX в. Местные педагоги, выходцы из вологодских мещан, из духовного и обер-офицерского звания, реже дворян, крестьян, зафиксировали тысячи диалектных слов, дали характеристику фонетическим и грамматическим особенностям говоров разных вологодских волостей и уездов. Собранные ими материалы публиковались в Трудах Общества любителей российской словесности, в Вологодских губернских ведомостях и других изданиях. Некоторые рукописи отсылались в Академию наук, в Русское географическое общество, где хранятся и по сей день. И конечно, большинство этих материалов широко представлено в Словаре русских народных говоров.

Следует отметить, что учителей побуждало к научным исследованиям (в том числе и сбору диалектного материала) высшее училищное начальство. Оно требовало, «чтобы учителя..., руководствуясь начертанными правилами, занялись немедленно и по мере возможности ведением записок»,² т. е. приняли участие в каких-либо научных исследованиях.

В 1819 г. Московский университет предписал директору Вологодских училищ заняться «собранием слов тех уездов, в которых находились училища дирекции».³ В то время Вологодская дирекция могла докладывать об ученых исследованиях одного из своих преподавателей — Алексея Федоровича Фортунатова.

Учитель Алексей Федорович Фортунатов (1780?—1828), которого можно назвать энциклопедистом, занимался различными исследованиями. Круг его интересов был очень широк: метеорология, биология, ботаника, сельское хозяйство, домоводство, этнография и народное слово. Ему принадлежит и самая ранняя публикация вологодской диалектной лексики XIX в. Собранные им вологодские слова в 1820 г. появились в Трудах Общества любителей российской словесности,⁴ членом которого он был. Эта публикация включала около 90 лексем, с учетом тех, что представлены в толкованиях. В 1822 г. там же было опубликовано Дополнение к Вологодскому провинциальному словарю.⁵

И хотя в публикации не указано, где зафиксирована представленная в ней лексика, можно предположить, что она бытовала в речи жителей Вологды и ее окрестностей (известно, что Алексей Федорович какое-то время имел небольшое имение в Вологодском уезде).⁶ Сопоставление собранных А. Ф. Фортунатовым материалов с данными Словаря вологодских говоров позволяет утверждать, что подавляющее большинство зафиксированных учителем в начале XIX в. лексем продолжало функционировать и во второй половине XX в. (*баситься, баской, блазнить, божат, божатка, божатко, болешто* и т. д.).

В тех же Трудах Общества любителей российской словесности чуть позже поместил свое собрание местных слов и Николай Григорьевич Суровцев,

² *Отто Н. К.* Вологодская дирекция училищ до 1850 г. (Матер. для истории учеб. завед.). НП. С. 60.

³ Там же.

⁴ *Фортунатов А.* Вологодский провинциальный словарь. С. 38—42.

⁵ *Фортунатов А.* Дополнение к Вологодскому провинциальному словарю. С. 193—213.

⁶ *Отто Н. К.* Вологодская... С. 62.

преподаватель Вологодского духовного училища.⁷ Он был выпускником этого же училища, преподавал там латинский язык и географию. Скончался 26 января 1823 г., завещав училищу 1000 р. ассигнациями; проценты с этого капитала, согласно воле завещателя, выдавались лучшим выпускникам по успехам и поведению.⁸

Собиратели вологодского слова конца 30—50-х годов XIX в. могли быть знакомы с материалами А. Ф. Фортунатова и Н. Г. Суровцева, и есть вероятность того, что некоторые из них при составлении списков слов, словарей и словариков в той или иной мере ориентировались на труд преподавателей.

Внучатый племянник Алексея Федоровича Фортунатова Федор Николаевич Фортунатов (1814—1872) внес свой вклад в изучение вологодского слова. В 1833 г. он окончил Санкт-Петербургский университет со степенью кандидата и в ноябре этого года стал старшим учителем истории и статистики в Вологодской гимназии.⁹ С 1837 г. он инспектор гимназии. Служил усердно и неоднократно получал денежные премии. В 1840 г. был награжден орденом и лентой Станислава 3-й степени.¹⁰ В 1846 г. стал кавалером ордена Св. Анны 3-й степени.¹¹ Позже исполнял обязанности директора училищ Вологодской губернии. В конце 30—40-х годов Ф. Н. Фортунатов заведовал неофициальной частью Вологодских губернских ведомостей, при его непосредственном участии в газете начинают регулярно печататься списки местных слов различного объема. С 1839 по 1841 г. там публикуются «Местные слова и выражения, употребляемые между простым народом в разных уездах Вологодской губернии». В этой публикации представлено более 500 слов, записанных в Вологодском, Тотемском, Сольвычегодском и Яренском уездах. Скорее всего, Федор Николаевич Фортунатов был их составителем.

В 1842 г. «ст. учитель Н. И. Иваницкий составил собрание простонародных слов, сказок и песен» и опубликовал их в журнале «Москвитянин».¹²

Активнейшее участие в сборе диалектного материала принимал и учитель Николай Павлович Титов (1802—1862), выходец из вологодских мещан. Еще будучи учеником гимназии, он начал преподавать в Вологодском приходском училище.¹³ Окончив Вологодскую гимназию, Н. П. Титов работал учителем в местных учебных заведениях, преподавал русский язык и географию в Вологодской гимназии. Интересовался краеведением, написал несколько работ. В 1842 г. в Вологодских губернских ведомостях он опубликовал рукопись «Местные слова и выражения, употребляемые простым народом в Вологодской губернии», а в 1846 г. представил в Академию наук рукопись с более полным названием: «Местные слова и выражения, употребляемые простым народом в Вологодской губернии, помещенные в губернских ведомостях инспек-

⁷ *Суровцов Н.* Список слов особливых Вологодской губернии. С. 231—245, 263—287.

⁸ *Лебедев В.* Историческая записка о состоянии Вологодского духовного училища за 100 лет его существования и списки служивших в училище и учеников, окончивших полный курс в нем за первое столетие (1814—1914 гг.).

⁹ Государственный архив Вологодской области (далее — ГАВО), ф. 438, оп. 3, № 758, л. 2.

¹⁰ ГАВО, ф. 2076, № 1207, л. 1.

¹¹ ГАВО, ф. 2076, № 1583, л. 1.

¹² *Отто Н. К.* Вологодская... С. 91.

¹³ ГАВО, ф. 438, оп. 1, № 542, л. 8.

тором вологодской гимназии Фортунатовым и дополненные учителем той же гимназии Титовым».¹⁴

В 1847 г. Географическое общество «выразило желание получить словари простонародного языка и местных наречий с показанием употребительного ударения примеров в складе речи, произношения и географического распространения наречий, образцов небольших рассказов или разговоров, написанных точно таким же языком, как говорит простой народ».¹⁵ Тем же 1847-м годом датирована хранящаяся в Архиве РАН рукопись штатного смотрителя Алексея Дмитриевича Протопопова, служившего учителем в Устюге, а затем штатным смотрителем в Яренске, и занимавшегося составлением словаря Устюжского и Яренского уездов: «Слова простонародные, употребляемые в Великоустюжском и частью в Яренском, Никольском и других уездах Вологодской губернии».¹⁶ В 1848 г. А. Д. Протопопов отправил в Академию также сборник старинных слов (до 450), выбранных из архивных столбцов в одном из присутственных мест г. Яренска Вологодской губернии.¹⁷ Остальные учителя уездных училищ Вологодской дирекции, как отмечает Н. К. Отто, «занимались описанием свадебных обычаев крестьян разных местностей губернии и составлением сборников простонародных слов».¹⁸

В. А. Попов (1828—1867), родившийся в Никольске, после окончания Вологодской гимназии также работал педагогом (недолгое время), состоял членом РГО. Его рукопись, датированная 1850 г., «Местные слова Никольского уезда», хранится в архиве этого общества.¹⁹ С 1858 по 1863 г. был помощником редактора неофициальной части Вологодских губернских ведомостей.

В марте 1850 г. учитель Николай Евстарatieвич Чернавский написал статью «Об особенностях языка в г. Устюге и в Устюжском уезде Вологодской губернии»,²⁰ которая позже была опубликована в журнале «Живая старина». Он был сыном пономаря Троицкой церкви в с. Кубенском,²¹ окончил Вологодскую семинарию в 1838 г., а затем по его же просьбе был лишен духовного звания и стал надзирателем за вольноприходящими воспитанниками Вологодской губернской гимназии.²² В 1844 г. Н. Е. Чернавский подал прошение об определении его на должность учителя русского языка в Устюжском училище (была вакансия).²³ Пройдя в октябре 1844 г. испытания, он был определен на место учителя русского языка этого училища.²⁴ В своей статье Н. Е. Чернавский описал местное произношение, лексические особенности говора и дал «пояснительные примеры» местных слов в речи. Указал он и на самые характерные черты говора, в частности «переспрашивание»: *Дорог ли воз дров? — Воз-от? Что стоит бурак молока? — Туэс-от?*

¹⁴ Копия хранится в ГАВО, ф. 652, № 115.

¹⁵ *Отто Н. К.* Вологодская... С. 98.

¹⁶ Архив РАН, ф. 104, № 81, 33 л.

¹⁷ ГАВО, ф. 438, № 2087.

¹⁸ *Отто Н. К.* Вологодская... С. 100.

¹⁹ Ученый архив Географического общества. Разряд 7. Оп. 1, № 22.

²⁰ *Чернавский Н.* Об особенностях языка в г. Устюге и в Устюжском уезде Вологодской губернии (1850 год). С. 451—452.

²¹ ГАВО, ф. 437, оп. 3, № 1073, л. 9.

²² Там же. Л. 7.

²³ ГАВО, ф. 437, № 1463, л. 1.

²⁴ Там же. Л. 10.

В. Шевляков в 50-е годы XIX в. трудился в Тотемском приходском училище. Составленный им тогда небольшой список местных слов²⁵ г. Тотьмы был также опубликован в «Живой старине».²⁶ Позже он преподавал в Санкт-Петербургском воздвиженском приходском училище.²⁷

В середине века сбор местных слов соотносился с научными работами, осуществлявшимися Академией наук, в частности с подготовкой академического издания «Опыт областного великорусского словаря»,²⁸ куда вошло немало вологодских слов.

В феврале 1852 г. в губернию пришло письмо из Императорской Академии наук с приглашением принять участие в «собрании образцов народного русского языка». Это письмо, подписанное председательствующим во 2-м отделении Императорской Академии наук И. И. Давыдовым, а также программы, присланные в Вологду тогда же, несомненно активизировали сбор диалектных материалов. Ф. Н. Фортунатов, исполнявший в это время обязанности директора училищ Вологодской губернии, информировал о полученном предложении всех штатных смотрителей Вологодской дирекции, учителей русского языка и истории Вологодской гимназии. Сообщалось и о рассылке им программы.²⁹

Вологодские учителя, штатные смотрители и ранее собиратели народных слов сообщили о своем согласии записывать «местные явления народного языка и словесности».³⁰

Один из активнейших участников сбора диалектных слов в губернии Н. П. Титов уже в начале апреля 1852 г. писал в рапорте на имя исполняющего должность директора училищ Вологодской губернии: «Я охотно готов по мере сил и средств моих заниматься этим предметом, которому и прежде посвящал свободное время... Хотя по умножившимся служебным обязанностям я не мог после того посвящать много времени на это занятие, однако ж не прекращал его, равно и на будущее время охотно готов собирать замечания касательно особенностей местного народного языка. На первый раз имею честь представить небольшое собрание местных слов в дополнение к представленным в 1846 и 1848 годах и акт, содержащий показания свидетелей по одной челобитной XVII столетия как образец тогдашнего народного языка».³¹

²⁵ Веселовские А. и А. Вологжане-краеведы. С. 90.

²⁶ Шевляков В. Местные слова г. Тотьмы Вологодской губернии. С. 139.

²⁷ ГАВО, ф. 438, оп. 3, № 2222, л. 1.

²⁸ Опыт областного великорусского словаря.

²⁹ С июня 1852 по февраль 1864 г. Ф. Н. Фортунатов — директор училищ Олонецкой губернии и Петрозаводской гимназии. Там он также уделял большое внимание краеведению. Среди публикаций этого времени статья «О старинных русских костюмах в Грязовецком и Сольвычегодском уездах. Вологодской губ(ернии)» (Тр. 1-го археол. съезда в Москве, т. I), содержащая материалы, собранные А. Ф. Фортунатовым. Сын Федора Николаевича, Филипп Федорович Фортунатов (1848—1914), — выдающийся лингвист, академик. Он также проявлял интерес к говорам и через несколько лет после окончания университета отправился в Литву исследовать литовские говоры. Несомненно, Ф. Ф. Фортунатов был хорошо знаком и с севернорусскими диалектами. Его ученик норвежский славист Олаф Брок в 1902 г. совершил путешествие в Вологодскую губернию, где собирал сведения о говорах Тотемского уезда. О. Брок обнаружил там, в частности, «о» закрытое (ГАВО, ф. 438, оп. 3, № 2087, л. 1).

³⁰ ГАВО, ф. 438, оп. 3, № 2087, л. 15, 17.

³¹ ГАВО, ф. 438, оп. 3, № 2087, л. 17.

Педагог Евгений Васильевич Кичин (род. 1818) также включился в работу по изучению местного слова. Он служил в различных учебных заведениях Вологодской губернии: с 8 февраля 1837 г. был штатным смотрителем Вологодского училища, в начале 40-х годов являлся учителем истории и географии Кадниковского уездного училища. В 1846 г. Вологодская дирекция «нашла не вполне расторопным» штатного усть-сысольского смотрителя — зырянина А. Попова — и назначила на его место кадниковского учителя Кичина.³² Отслужив в Усть-Сысольске с 26 сентября 1854 г. по 11 ноября 1859 г., коллежский ассессор Е. В. Кичин стал штатным смотрителем в Вологодском уездном училище.³³

Его первые краеведческие заметки появились в Вологодских губернских ведомостях в 1940-е годы. Он опубликовал свыше 20 статей, большая часть которых посвящена Кадникову и Кадниковскому уезду, его истории, этнографии, метеорологии и др. В сентябре 1844 г. Е. В. Кичин представляет штатному смотрителю Кадниковских училищ «Историко-статистический очерк о Кадникове». И в 1845 г. Вологодские губернские ведомости публикуют его статью «Из историко-статистического очерка г. Кадникова».

В 1852 г. штатный смотритель усть-сысольских училищ Е. В. Кичин, как и многие другие вологодские учителя, захотел включиться в работу по сбору «местных явлений народного языка и словесности», что было предложено ИАН. Однако учитель обращает внимание начальства на то, что в Усть-Сысольске (ныне г. Сыктывкар. — *Л. К.*) и его уезде подобная работа невозможна, поскольку «язык повсеместно зырянский», а русский используется лишь между чиновниками и в официальной переписке.³⁴ Однако он готов представить материалы Кадниковского уезда. «Наречие простолюдинов Кадниковского уезда» ему хорошо известно, и Е. В. Кичин просит сообщить в Академию о своем «усердном желании способствовать к собиранию образцов народного языка и словесности по Кадниковскому уезду и другим частям Вологодской губернии».³⁵

В 1853 г. он публикует в Вологодских губернских ведомостях «Образец народного языка и словесности в Кадниковском уезде: Медведь-проказник». Этот рассказ, слышанный им в г. Кадникове, записан, как он сообщает, по программе, составленной в 1852 г. 2-м отделением Императорской Академией наук.³⁶

Начальство отмечало, что Е. В. Кичин всегда отличался большим усердием к службе и заботился о благосостоянии вверенных ему участков.³⁷ Однако, прослужив по ученому ведомству 22 года, в 1859 г. он заболел: появились болезненные припадки, которые «с течением времени все более и более усиливались». В сентябре 1859 г. Е. В. Кичин был признан действительно утратившим здоровье до такой степени, что не имел сил продолжать службу.³⁸

³² *Отто Н. К.* Вологодская... С. 157.

³³ ГАВО, ф. 438, № 3389, л. 8.

³⁴ ГАВО, ф. 438, оп. 3, № 2087, л. 12.

³⁵ ГАВО, ф. 438, № 2087, л. 15.

³⁶ ВГВ. 1853. № 36. С. 315—316.

³⁷ ГАВО, ф. 438, оп. 3, № 2581, л. 6.

³⁸ Там же. Л. 6 об.

В 1866 г. печатаются его «Историко-статистические заметки о разных местах Кадниковского уезда». ³⁹ Первые разделы этих заметок посвящены местному говору: «О языке местного простонародья» и «Местные слова с употреблением их в народной речи и с удержанием согласного ей правописания». Немало диалектной лексики содержится и в этнографической части этих заметок.

По-видимому, их представил к печати Василий Евгеньевич Кичин, сын Евгения Васильевича. Он также стал учителем и преподавал историю и географию в Вологодском уездном училище. В 1873 г. В. Е. Кичина, родившегося в Усть-Сысольске и «бывшего там несколько лет учителем и потому хорошо знакомого с тамошним краем и населением и знающего зырянский язык, общеупотребительный не только в уезде Усть-Сысольском, но даже в самом городе», ⁴⁰ назначили штатным смотрителем Усть-Сысольского уездного училища. От отца он унаследовал интерес к краеведению, опубликовал ряд статей. Его именем подписана и статья «Свадебные обряды в Васьяновской волости Кадниковского уезда». ⁴¹

Вологжанин Иван Николаевич Муромцев (1823—1854), из мещан, уже гимназистом проявил интерес к изучению истории родного края. Закончив Вологодскую гимназию, работал в ней штатным смотрителем, преподавателем (с 1843 г.), трудился в уездном училище. Вологодские губернские ведомости неоднократно публиковали его материалы краеведческих исследований.

В 1852 г. И. Н. Муромцев, так же как и другие учителя, откликнулся на присланное приглашение принять участие в организуемом Академией наук сборе «образцов народного русского языка». Он писал Ф. Н. Фортунатову: «Вменяем себе за особенный долг по мере средств и возможности выполнять требуемое означенным предписанием». ⁴² И уже осенью 1852 г. в Вологодских губернских ведомостях появляются диалектные материалы, собранные им: «Местные вологодские слова и выражения, не вошедшие еще в изданный 1852 года Вторым отделением Императорской Академии наук Опыт областного великорусского словаря». ⁴³ Они же перепечатываются в Трудах Вольного экономического общества (Санкт-Петербург) ⁴⁴ (фамилия собирателя в этом издании отсутствует).

В публикации было представлено свыше 400 диалектных слов, с учетом тех, что использовались при толковании. Зафиксированы они в Вологодском уезде и, судя по тексту, в Сольвычегодском. При описании растений И. Н. Муромцев использовал и латинскую терминологию. Значительная часть диалектизмов иллюстрирована. Даются и стилистические характеристики: «...увеличит., уменьшит., перенос., ругат., в уничижительном значении».

По-видимому, первым из вологодских краеведов И. Н. Муромцев включил в свой словарь благопожелания: *Споренько, спорынья в квашню! Чай да сахар!*

³⁹ Кичин В. Е. Историко-статистические заметки о разных местах Кадниковского уезда.

⁴⁰ ГАВО, ф. 438, оп. 3, № 3401, л. 2 об.

⁴¹ Вологодские губернские ведомости. 1860. № 53. 1861. № 8.

⁴² Там же. Л. 19.

⁴³ ВГВ. 1852. № 35—38, 41, 42.

⁴⁴ 1852. Т. IV. № 11. С. 163—169.

Свой вклад в изучение вологодских говоров внес Николай Карлович Отто, обобщив собранные ранее материалы вологодских говоров. Он (род. 1825) в 1848 г. окончил курс наук в Санкт-Петербургском университете со степенью кандидата. Служил во 2-й Санкт-Петербургской гимназии старшим учителем латинского языка. Позже преподавал там русский язык. С 30 сентября 1852 г. перемещен в Новгородскую гимназию старшим учителем латинского языка, где работал до 4 декабря 1864 г. С конца декабря 1864 г. — он старший учитель латинского языка Вологодской гимназии. «Отто как преподаватель заслуживает похвалы за свое усердие, аккуратность и знание предмета», — писал его начальник, директор училищ Вологодской губернии И. Красов.⁴⁵ Подготовленная Н. К. Отто обобщающая работа появилась в Вологодских губернских ведомостях в 1866 г.: «Сборник областных слов, употребляемых в Вологодской губернии».⁴⁶ В предисловии, упомянув о первых собирателях вологодского слова — А. Ф. Фортунатове и Суровцеве, он вполне заслуженно отметил работы Н. П. Титова и И. Н. Муромцева. Высказав сожаление по поводу отсутствия описания фонетических и грамматических особенностей «местного наречия», он указал на некоторые из них. 3 декабря 1869 г. Н. К. Отто отстранен от службы по болезни.⁴⁷ Очевидно, что работы И. И. Муромцева и Е. В. Кичина, а также сводный труд Н. К. Отто, хотя и не могли учесть все уже существовавшие рукописные материалы, способствовали систематизации собранных к середине XIX в. диалектных сведений.

В конце XIX в. диалектные материалы, собранные учителями Вологодского края, наряду с трудами известных филологов М. А. Колосова и А. А. Соболевского публиковались в филологических журналах, в журнале «Живая старина», в Известиях Отделения русского языка и словесности ИАН.

В Русском филологическом вестнике свой труд «Об особенностях в языке жителей Вологодской губернии»⁴⁸ опубликовал вологодский учитель Никанор Михайлович Белоруссов.⁴⁹ Н. М. Белоруссов (Белорусов)⁵⁰ учился в Тотемском духовном училище, был преподавателем. Свои материалы он собирал в Городишне Устюжского уезда и на Вотче⁵¹ Тотемского уезда. В число информантов входила и его мать — Кира Григорьевна Белоруссова («вдовая дяконница, родившаяся и прожившая первые 18—20 лет под Вологдой», с. 196). Как отмечает сам Н. М. Белоруссов, «хотя на Вотче прожила она лет 50, одна-

⁴⁵ ГАВО, ф. 438, № 3104, л. 2.

⁴⁶ *Отто Н.* Сборник областных слов, употребляемых в Вологодской губернии. № 21. С. 197; № 22. С. 203—206; № 23. С. 215—217; № 24. С. 224—227.

⁴⁷ ГАВО, ф. 438, оп. 3, № 3104, л. 38 об.

⁴⁸ *Белоруссов Н.* Об особенностях в языке жителей Вологодской губернии. С. 193—289.

⁴⁹ Подробнее см.: *Кознева Л. М.* Я есть сам народный словарь (Материалы С. В. Мальгинова для словаря говоров Вологодской губернии). С. 132—145.

⁵⁰ Н. М. Белоруссов — брат известного педагога Ивана Михайловича Белорусова.

⁵¹ Река Вотча и местность по берегам реки, называемая также Вотчей, упоминается в материалах Н. М. Белоруссова и С. В. Мальгинова (также М. А. Колосова, который ссылается на данные И. М. Белоруссова — брата Н. М.). Однако это не одна и та же река, а две разные (и разные территории): одна в Тотемском уезде, другая — на севере Кадниковского.

ко в речи ее заметны еще и следы говора ее родины». Использовал он, по его словам, и «заимствованный материал» (работы В. И. Даля, А. Н. Афанасьева, А. А. Потебни, М. А. Колосова). Помимо описания выявленных диалектных особенностей Н. М. Белоруссов включает в свой труд и различные диалектные материалы, занимающие около половины обширной публикации (сказки, бывальщины, пословицы, загадки, песни и словарь «Местные слова Вологодской губернии» — около 300 слов, записанных в основном в Городишне и на Вотче). Включены и слова, зафиксированные ранее Афанасьевым, Колосовым, Далем). «Учитель использует довольно большое количество географических помет, свидетельствующих о включении в его труд материалов обширной территории: Вологодского, Грязовецкого, Кадниковского, Тотемского, Никольского, Сольвычегодского и Яренского уездов (Волог. у., Тот. и Вол. у., Грязовец, с. Глушицы Кадник. у., Корбанга Кадников. у., Ник. у., Сольвыч. у. К., Сольв. и Ярен. у., Гряз. К., с(ело) Покровское, с. Глушицы, Кад. у., Вологодский Кадн(ик), у. Кунож Тот.)».

В конце XIX—начале XX в. круг педагогов, изучающих местное слово, значительно расширился. Среди собирателей появились и женщины. В 1896 г. в Известиях ОРЯС свои материалы «Вологодская губерния. Город Вологда»⁵² опубликовала Зинаида Петровна Котлярова, учредительница, попечительница и распорядительница бесплатной женской воскресной школы в Вологде. Позже включились в сбор диалектных материалов многие школьные учительницы: К. Спасоломская (Вологодский уезд), З. Краснораменная, Апол. Краснораменная, А. Чапурская, Л. Владимирова (Грязовецкий уезд), А. Благовещенская, А. Беляева (Тотемский уезд) и др.

Можно назвать еще целый ряд имен педагогов, которые, не жалея своего времени и сил, стремились зафиксировать все своеобразие, выразительность, яркость народного слова Вологодского края. Среди них следует особо отметить учителя Стефана Васильевича Мальгинова, проявившего настоящий талант в сборе и описании диалектного материала. В конце XIX—начале XX в. он работал учителем Вотчинского начального земского училища, расположенного в северной части Кадниковского уезда. Педагог стал участником возвращенной П. А. Дилакторским работы по сбору диалектных слов для готовящегося словаря народных говоров Вологодской губернии. С. В. Мальгинов описывал говоры Вотчинской и Нижнеслободской волостей, а также говор уфтыюгских крестьян Кадниковского уезда (север, северо-восток, юго-запад и запад уезда). В настоящее время это территории Вожегодского (Марьинское и Нижнеслободское сельские поселения) и Усть-Кубенского районов Вологодской области. Материалы, подготовленные собирателем, датированы 1900 годом. Хранятся они в архиве.⁵³

Первая часть материалов («тетрадь»), адресованных П. А. Дилакторскому, датирована 25 мая 1900 г., вторая — 10 июня того же года. Список слов в первой тетради предваряется кратким изложением взглядов учителя на задачи, стоящие перед составителем народного словаря. В предисловии ко второй части материалов собиратель развивает свои мысли о том, каким должен быть готовящийся словарь, а также дает характеристику некоторых фонетических и морфологических особенностей изученных говоров.

⁵² Изв. ОРЯС. 1896. Т. I. Кн. 3. С. 572—573.

⁵³ ГАВО, ф. 652, оп. 1, д. 113.

Называя себя «маленько культивированным крестьянином», С. В. Мальгинов говорит: «Я один мог представить Вам (П. А. Дилакторскому. — Л. К.) материалу на целый словарь — Кадниковский уездный, потому что я есть сам Народный Словарь... Значит, мне-то все ясно и понятно, относящееся к крестьянину. По-моему, ... без сотрудников, подобных мне, всякий местный словарь немислим».⁵⁴ Очевидно, что отмеченные С. В. Мальгиновым данные не отражают в полной мере фонетическую систему и грамматический строй говоров Уфтюги и Вотчи, но, по-видимому, они свидетельствуют о наиболее очевидных для собирателя (и возможно, свойственных его речи) диалектных явлениях этих говоров. Материалы С. В. Мальгинова, в целом соотносимые с иными описаниями говоров Вологодской губернии конца XIX в., отличаются особой тщательностью и подробностью описания большого объема выявленной собирателем лексики и фразеологии. Замечательны описания различных явлений крестьянской жизни, нравов крестьян, предметов быта, игр детей и молодежи и т. д. Интересны и сведения о фонетических и морфологических особенностях говоров Кадниковского уезда, а также достоверные наблюдения сопоставительного характера, пополняющие и уточняющие наши представления о вологодских говорах. Рукопись содержит и рисунки различных реалий. В свой текст учитель включает также «Загадки и поговорки для украшения словаря».

Работа С. Ф. Мальгинова, как и предполагал сам собиратель, была использована П. А. Дилакторским при составлении Словаря областного вологодского наречия.⁵⁵ Однако значительная часть материалов, подготовленных С. Ф. Мальгиновым, по каким-то причинам не была включена в этот словарь. Следует заметить, что среди слов, зафиксированных в тетрадях С. В. Мальгинова, немало таких, которые не попали и в Словарь вологодских говоров. Труд С. В. Мальгинова (около 10 печ. л.) впервые издан с незначительными сокращениями в составе хрестоматии «Народное слово Вологодского края в записях XVIII—XIX вв.».⁵⁶

На протяжении столетия вологодские учителя выявили и описали основные особенности вологодских говоров, а также зафиксировали тысячи диалектных лексем, тем самым заложив основы для дальнейшего научного изучения говоров Вологодского края.

ЛИТЕРАТУРА

- Белоруссов Н.* Об особенностях в языке жителей Вологодской губернии // Рус. филол. вестник. 1887. Т. 18, № 4.
- Веселовские А. и А.* Вологжане-краеведы. Вологда, 1923.
- Кичин В. Е.* Историко-статистические заметки о разных местах Кадниковского уезда // Вологодские губернские ведомости. 1866. № 16, 17.
- Кознева Л. М.* Я есть сам народный словарь (Материалы С. В. Мальгинова для Словаря говоров Вологодской губернии) // Говоры Вологодского края: аспекты изучения. Вологда, 2008.

⁵⁴ ГАВО, ф. 652, оп. 1, д. 113, л. 2.

⁵⁵ К сожалению, при подготовке современного издания словаря П. А. Дилакторского фамилия учителя была прочитана неверно.

⁵⁶ Народное слово Вологодского края в записях XVIII—XIX веков: хрестоматия по вологодской диалектологии.

- Лебедев В.* Историческая записка о состоянии Вологодского духовного училища за 100 лет его существования и списки служивших в училище и учеников, окончивших полный курс в нем за первое столетие (1814—1914 гг.). Вологда, 1916. <http://www.booksite.ru/education/main/seminaria/3.htm>
- Народное слово Вологодского края в записях XVIII—XIX веков: хрестоматия по вологодской диалектологии. [Сост.: Л. М. Кознева]. Вологда, 2011.
- Опыт областного великорусского словаря / Под ред. А. Х. Востокова. СПб., 1852.
- Отто Н.* Сборник областных слов, употребляемых в Вологодской губернии // Вологодские губернские ведомости.
- Отто Н. К.* Вологодская дирекция училищ до 1850 г. (Материалы для истории учебных заведений Министерства народного просвещения). Прил. из «Журнала Министерства народного просвещения». 1866 г. Ч. 132. № 10. СПб., 1866.
- Симони П. К.* Два старинных областных словаря XVIII века // Живая старина. 1898. Вып. 3—4.
- Суровцов Н.* Список слов особливых Вологодской губернии // Тр. Об-ва любит. рос. слов. Ч. I. М., 1822.
- Фортунатов А.* Вологодский провинциальный словарь // Тр. ОРЯС АН. 1820. Т. 20.
- Фортунатов А.* Дополнение к Вологодскому провинциальному словарю // Тр. Об-ва любит. рос. слов. Ч. I. М., 1822.
- Чернавский Н.* Об особенностях языка в г. Устюге и в Устюжском уезде Вологодской губернии (1850 год) // Живая старина. 1898. Вып. 3—4.
- Шевляков В.* Местные слова г. Тотьмы Вологодской губернии // Живая старина. 1899. Вып. 1.

L. M. Kozneva

VOLOGDA TEACHERS AS COLLECTORS OF THE DIALECT SPEECH (XIX c.)

In the nineteenth century Vologda teachers began to collect and record local dialect. During the XIX century — beginning of XX century they took a most active part in the study of dialects of Vologda region. The collected material were published in the Proceedings of the Society of lovers of Russian literature, in the *Vologda regional news* and other publications, some of the manuscripts were sent to the Academy of Sciences. The priests also made their contribution in the collection of local dialect. Teacher Stephen V. Malginov showed real talent in the collection and description of dialectal material. These materials are published for the first time with a slight decrease in deposits in the structure of the anthology «Narodnoe Slovo Vologda region in the records of the XVIII—XIX centuries» (Vologda, 2011).

Keywords: teacher, Russian dialect speech, dialect, folk language and literature, dialect features, the collection of local words, manuscript, dictionary, glossary.

LITERATURA

- Belorussov N.* Ob osobennostjeh v jazyke zhitelei Vologodskoi gubernii // Russkii filologicheskii vestnik. 1887. Т. 18, № 4.
- Veselovskie A. i A.* Vologzhane-kraevedy. Vologda, 1923.
- Kichin V. E.* Istoriko-statisticheskie zametki o raznyh mestah Kadnikovskogo uezda // Vologodskie gubernskie vedomosti. 1866. № 16, 17.
- Kozneva L. M.* Ja est' sam narodnyi slovar' (Materialy S. V. Mal'ginova dlja slovarja govorov Vologodskoi gubernii) // Govory Vologodskogo kraja: aspekty izuchenija. Vologda, 2008.

- Lebedev V.* Istoricheskaja zapiska o sostojanii Vologodskogo duhovnogo uchilisha za 100 let ego sushestvovanija i spiski sluzhivshih v uchilishu i uchenikov, okonchivshih polnyi kurs v nem za pervoe stoletie (1814—1914 gg.). Vologda, 1916. <http://www.booksite.ru/education/main/seminaria/3.htm>.
- Narodnoe slovo Vologodskogo kraja v zapisjah XVIII—XIX vekov: hrestomatija po vologodskoi dialektologii. [sost.: L. M. Kozneva]. Vologda, 2011.
- Opyt oblastnogo velikoruskogo slovarja / Pod red. A. H. Vostokova. S.-Peterburg, 1852.
- Otto N.* Sbornik oblastnyh slov, upotrebljaemyh v Vologodskoi gubernii // Vologodskie gubernskie vedomosti. 1866.
- Otto N. K.* Vologodskaja direkcija uchilish do 1850 g. (Materialy dlja istorii uchebnyh zavedenii Ministerstva narodnogo prosveshenija). Pril. iz «Zhurnala Ministerstva narodnogo prosveshenija». 1866 g., ch. 132, № 10. S.-Peterburg, 1866.
- Simoni P. K.* Dva starinnyh oblastnyh slovarja XVIII veka // Zhivaja starina. 1898. Vyp. 3—4.
- Surovcov N.* Spisok slov osoblivyh Vologodskoi gubernii // Tr. Ob-va lyub. ross. slov. CH. I. M., 1822.
- Fortunatov A.* Vologodskii provincial'nyi slovar' // Trudy ORJaS AN. 1820. T. 20.
- Fortunatov A.* Dopolnenie k Vologodskomu provincial'nomu slovarju // Tr. Ob-va lyub. ross. slov. CH. I. M., 1822.
- Chernavskii N.* Ob osobennostjah jazyka v g. Ustyuge i v Ustyuzhskom uezde, Vologodskoi gubernii (1850 god) // Zhivaja Starina. 1898. Vyp. 3—4.
- Shevljakov V.* Mestnye slova g. Tot'my Vologodskoi gubernii // Zhivaja starina. 1899 g. Vyp. 1.

С. В. КОВАЛЕВА

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ЖЕМЧУЖИНЫ ЗАОНЕЖЬЯ

Статья посвящена истории уникального деревянного храма, расположенного на о. Малый Леликовский. Судьба храма Иоанна Предтечи, построенного более ста лет назад, связана с судьбой заонежской деревни, более 50 лет не являющейся официальной административной единицей. Храм нуждается в восстановительных работах, которые были начаты потомками местных жителей и мастерами Музея-заповедника «Кижы». В церкви возрождается традиция богослужений в честь престольного праздника Иоанна Предтечи.

Ключевые слова: храм Иоанна Предтечи, Леликово, история церкви, возрождение традиций, реставрация.

Деревянная церковь Иоанна Предтечи, построенная в 1886 г., расположена на Малом Леликовском острове на Онежском озере, в деревне Леликово. Деревня уже долгие годы не является административной единицей и «оживает» только в летний период, когда на остров приезжают бывшие ее жители и дачники.

Деревня Леликово: некоторые исторические сведения. Приведем некоторые факты, характеризующие уклад и условия жизни леликовского сообщества к моменту постройки храма Иоанна Предтечи.

Деревня Леликово, согласно циркуляру министра внутренних дел о доставлении сведений в Центральный статистический комитет относительно состава территории и населения сельского общества в Олонецкой губернии от 1884 г., административно относилась к Сенногубскому сельскому обществу Великогубской волости Петрозаводского уезда. По семейным спискам того времени в деревне числилось 156 мужчин и 164 женщины.¹ Что касается сведений о степени зажиточности деревенских хозяйств в целом по Сенногубскому обществу, то «в 1820 году ... из 582 мужчин в зажиточных числилось 124 (21 %), в посредственных — 259 (44 %), в бедных — 199 (35 %). По данным 1860 г., среди крестьянских хозяйств Сенногубского сельского общества ос-

© С. В. Ковалева, 2013. Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Петрозаводск, Россия.

¹ Электронный каталог населенных мест Карелии XV—XX вв. Электронный ресурс ИЯЛИ КарНЦ РАН.

новную часть составляли „посредственные”, т. е. средние по имущественному положению крестьяне — 76 семей, за ними следовали бедняки — 55 и только 15 семей достигли уровня зажиточных».²

Описывая в 1871 г. население Олонецкой губернии, которое «до сих пор живет в эпохе первобытной борьбы с невзгодами враждебной природы», известный русский собиратель и исследователь былин А. Ф. Гильфердинг писал: «Легко вообразить, но трудно передать словами, какого тяжелого труда требует от человека эта северная природа».³ «Главные и единственно прибыльные работы — распахивание „нив”, т. е. полей, расчищаемых из-под лесу и через три года забрасываемых, и рыбная ловля в осеннее время — сопряжены с невероятными физическими усилиями. Но чтобы существовать, крестьянин должен соединять с этим и всевозможные другие заработки: потому никто не ограничивается одним хлебопашеством и рыболовством: кто занимается в свободное время каким-нибудь деревенским ремеслом, кто идет в извоз к Белому морю зимою, а летом в бурлаки на канал, кто „полёсует”, т. е. стреляет и ловит дичь и т. д.».⁴

По уровню сельскохозяйственного освоения земель к концу XIX в. Заонежье стояло на одном из первых мест в Олонецкой губернии и являлось одним из ее наиболее хлеборобных регионов после Олонецкого, Каргопольского и Вытегорского уездов. Однако занятие земледелием в Заонежье всегда было осложнено рядом причин.⁵ «Земли в Заонежье не всегда пригодны для земледелия. Значительная часть земельной площади недоступна обработке, ибо покрыта скалами, горами, камнями, лесами. Лес жгли на месте, а камни свозили на межу или складывали в груды на полосе. Большие из них оставляли на полосе, ибо полностью очистить пахоту было не по силам».⁶ Тяжелая для обработки земля была и на Леликовском острове: «Остров Леликов, версты 2 с половиной длины, образован диоритовым кряжем с прослоями талькового сланца... Почвенный слой состоит из наноса со всевозможными валунами, глинистого сланца, диоритов, гранита и кварцита... Валун и галька кажется в такой почве больше, чем самой земли, и на этой-то почве засевают свои поля заонежане».⁷

Что касается рыболовного промысла в заонежских деревнях, то сведения о нем содержатся уже в средневековых источниках, в частности в писцовых книгах Обонежской пятины. Абсолютное большинство тоней (рыболовных угодий) находилось на участке о. Леликовский—Сенная Губа—о. Кижы—о. Волкостров и далее к северу, вплоть до Великой Губы.⁸ В XIX—начале

² Воробьева С. В. Некоторые особенности семейно-бытового и хозяйственного укладов в сказительских семьях и проблема сохранения и передачи традиции былинного сказительства.

³ Гильфердинг А. Ф. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды (вводная статья). С. 29.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Особенности ведения сельского хозяйства в Заонежье в конце XIX—начале XX в.

⁶ Гуцин Б. А. Социально-экономический уклад заонежской деревни в пореформенный период.

⁷ Геологический очерк Заонежья // Олонецкие губернские ведомости.

⁸ Мельников И. В. Рыболовный промысел в Заонежье (краткий исторический очерк).

XX в. рыболовство в Заонежье было весьма развито. Деревни Сенной Губы и Кижей считались самыми рыболовными в центральной части Онежского озера. «Места лова определялись по договоренности с местными крестьянами, так как прибрежный лов, наиболее распространенный до середины XIX в., зависел от воли общинников, во владении которых находились рыбные тони вблизи деревень».⁹ В Леликовском обществе процент занимавшихся рыболовством по отношению к общему числу хозяйств составлял 82 %.¹⁰ Среди самых богатых рыбаков Кижской округи упоминался Мореходов из Леликова.

Основным ремесленным занятием крестьян Кижей и Сенной Губы было столярное дело. По данным «Посемейных списков» в 1860 г. в Сенногубском мирском обществе среди мужчин было: 84 столяра, 9 плотников, 7 конфетчиков, 3 сапожника, 2 портных, 2 кузнеца.¹¹ В начале XX в. среди кузнецов Сенногубской волости упоминается Киселев Андрей Фадеев из д. Южное Леликово.¹²

В конце XIX—начале XX в. более трети мужского взрослого населения заонежских деревень уходило на заработки в Петрозаводск, Повенец, Поморье, Архангельскую область, но чаще всего в Петербург. «Оставаясь в рамках крестьянского сословия, многие крестьяне уезжали в Петербург, обучались там ремеслу и зачастую возвращались обратно на родину уже высокопрофессиональными мастерами».¹³ Наиболее распространенными ремеслами заонежан в Петербурге были столярное и паркетное.¹⁴ «В Петербурге многие заонежане крепко вставали на ноги, обзаводились собственными магазинами, мастерскими, частными заведениями. Так, крестьянин д. Леликово Великогубской волости Андрей Данилов Черепов имел в Петербурге свою парикмахерскую».¹⁵

Храм Иоанна Предтечи. Истории строительства и освящения храма Иоанна Предтечи в д. Леликово была посвящена подробная, написанная в увлекательном повествовательном стиле статья А. Корсакова, вышедшая в № 73 «Олонецких губернских ведомостей» от 24 сентября 1886 г. Опубликованный автором материал далек от современного публицистического стиля, поэтому статьей в привычном понимании его можно назвать очень условно. Это, скорее, публицистический очерк, где с документальной точностью воспроизведены архитектурный облик, особенности интерьера церкви, история ее постройки и отдельные черты общественного уклада жизни в д. Леликово. В то же

⁹ Воробьева С. В. Некоторые особенности семейно-бытового и хозяйственного укладов в сказительских семьях и проблема сохранения и передачи традиции былинного сказительства.

¹⁰ Мельников И. В. Рыболовный промысел в Заонежье (краткий исторический очерк).

¹¹ Воробьева С. В. Некоторые особенности семейно-бытового и хозяйственного укладов в сказительских семьях и проблема сохранения и передачи традиции былинного сказительства.

¹² Воробьев И. С. Кузнечное ремесло Кижской волости по данным архивных источников. С. 32—35.

¹³ Трифонова Л. В. Из истории семьи столяров-краснодеревщиков Гайдиных // Рябининские чтения-1999.

¹⁴ Трифонова Л. В. Отходничество заонежан в Петербург в конце 19—начале 20 в.

¹⁵ Там же.

время очерк выдержан в прекрасной литературной манере изложения, с включением множества занимательных и исторически любопытных деталей, «ожививших» описываемое событие освящения храма, и несомненным присутствием позиции автора в виде комментариев, оценок, многочисленных сравнений и эпитетов. (Орфография и пунктуация автора статьи за некоторыми исключениями сохранены).

«В понедельник, 8 сентября 1886 года, происходило освящение храма во имя Св. Предтечи и Крестителя Христова Иоанна. Храм этот построен на берегу одного из многочисленных островов, лежащих в Сенной губе (заливе) Онежского озера; остров называется, как и деревня, выстроенная Леликовым. Церковь построена по плану и чертежам архитектора А. В. Малова, восстановившего Аркадию после ее пожара, Аквариум и оканчивающего ныне еврейскую синагогу на Офицерской улице. Храм строился под непосредственным наблюдением нашего архитектора С. В. Нюхалова. Интересна история возникновения и постройки этого храма.

Нужно сказать, что почти вся местность, прилегающая к Сенной губе, заселена закоснелыми раскольниками, которых в сравнении с числом православных, по показанию достоверных, живущих здесь людей, почти две трети».¹⁶

Приверженность старообрядчеству действительно длительное время определяла образ жизни не одного поколения жителей Заонежья. Расселение старообрядцев «было достаточно компактным, чему, с одной стороны, способствовала ландшафтно-географическая специфика региона, а с другой стороны — лучшая возможность выживания в условиях преследований со стороны властей... наличие старообрядцев было отмечено во всех заонежских приходах, но в каждом из них были целые старообрядческие деревни».¹⁷ В числе старообрядческих деревень Сенногубского прихода были отмечены Клементьевская, Леликово, Гарница, Конда и Ясельская.¹⁸

«Конечно, благодаря цивилизаторской деятельности духовенства раскол заметно уменьшается, — продолжает повествование А. Корсаков,¹⁹ — поэтому тем отраднее встретить единичных личностей, которые, своим умом дойдя до сознания всей нелепости раскола, не только возвращаются в лоно православной церкви лично, но затем как словом, так и собственным примером стараются привести отпавших на путь истины. Таковым субъектом является в д. Леликово крестьянин Коросов. ...Так, этот Коросов, соединяясь с другими, перешедшими в православие, задумал построить в своей деревне церковь. В течение года ими собрано было, большей частью по близлежащим деревням, до 200 рублей. С этими деньгами они начали хлопоты о дозволении построить церковь, о плане и чертежах. Наконец три года тому назад все это было получено. Коросов, как истый собиратель на построение... отправился преимущественно в Петербург, где живут два-три его однодеревенца. Он перепробовал везде, куда только мог проникнуть, добрался даже до высокопреосвященного митрополита Исидора, от которого получил благословение.

¹⁶ Олонецкая летопись. Город Петрозаводск, 23 сентября. Освящение храма.

¹⁷ *Ружинская И. Н.* Заонежское старообрядчество в первой половине XIX века // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Олонецкая летопись. Город Петрозаводск, 23 сентября. Освящение храма.

Пожертвования довольно щедро полились на построение храма.

Первоначально был проект переделать существующую в деревне старообрядческую часовню (стоявшую в десятке саженей от построенного храма): на этом стояли старообрядцы ...но православные одолели: был заложен, рядом с часовней, новый храм. Церковь понемногу начала отстраиваться. Раскольники глумились над нею, как могли: „Вишь, беседный дом строить начали”, говорили они между прочим, намекая на то, что постройка до конца доведена не будет и они в этих стенах будут собираться на „беседу”... Одна старуха-раскольница в особенности обращала на себя внимание своим кощунством и глумлением, и однажды при большой толпе крестьян она с клятвой произнесла: „Эту церковь осветят тогда, когда я приму все ихние новшества”. Фраза эта оказалась для нее, как мы увидим ниже, пророческою.

...архитектор Малов пожертвовал план и чертежи храма, и один из лепелковцев, Петербургский столярный подрядчик И. Ф. Клегеров, пожертвовал весь иконостас с работою и массу церковной утвари; другой однодеревенец, также торгующий в Петербурге... — паркетный пол; по воле жертвователей же устроены дубовые оконные рамы с зеркальными стеклами, двери массивного красного дерева и прочее. Всего постройка церкви обошлась около 20 000 рублей.

Снаружи церковь имеет довольно обыкновенный вид, знакомый каждому. Это продолговатое четырехугольное (с небольшими крестообразными уступами) здание, увеличивающееся маленьким куполом над церковью, с не особенно высокой колокольней над притвором; колокольня восьмиугольная; помещение для колоколов (в день освящения, вместе с двумя небольшими пожертвованными ...перенесенными из часовни) находится посредине колокольни, на столбах, поддерживающих с довольно острым углом раствора конус, составляющий крышу, увенчивающуюся в свою очередь, как и купол, восьмиконечным крестом. Все выступы, карнизы, сандрики украшены кружевной резьбой, в русском вкусе. В притвор ведет лестница в несколько ступеней, притвор — шагов пять в длину, ведет в храм, внутреннее пространство которого составляет 44 квадратных сажени. При входе в храм зрителя невольно поражает контраст между блестящим позолотом иконостасом (весь резной, вызолоченный, в три яруса) и серебряной, с позолоченными украшениями, спускающейся из центра купола люстрой, и вообще между сияющей новизною обстановкой церкви и мрачной сухой (хотя и новой) живописью иконостаса. Так и кажется, что иконы эти перенесены из какой-нибудь раскольничьей молельни и реставрированы. Некоторые же иконы, потемневшие от времени, так и переносят воображение ко временам Аввакума, Неронова и других расколоучителей. ...Дело объясняется просто. Строители храма имели в виду привлечение старообрядцев ... в православную церковь, почему: во-первых, образа для иконостаса заказали нарочно в древнем византийском стиле, а во-вторых, все иконы из рядом стоящей часовни перенесли во вновь отстроенную церковь; так, например, большой образ Божией Матери поставлен к левому клиросу; весь плафон из купола часовни (кстати сказать, в общем имеющей по внешности сходство с новым храмом) перенесен в купол церкви, не говоря о множестве икон по стенам, также перенесенных. Иконостас посредине увенчан восьмиконечным крестом. Единственный образ современной живописи — это поставленный у правого клироса и отзывающийся „латинством”, по мнению староверов, Иверской Божией Матери. Оба образа у клиросов за-

ключены в позолоченные портики. Особенное внимание обращает образ, также перенесенный из часовни, находящийся направо от входа в храм; в перегородке, отделяющей сверху ...предверие от храма — два-три тона изображают всадника на лошади, несущегося по воздуху, а позади него изображен ангел в огне с трубой, птицы, трупы... Так и вспоминается апокалипсическое видение: ангел стоял на солнце и воскликнул громким голосом, говоря всем птицам летающим: летите, собирайтесь на великую вечерю Божию... Должно быть, живописец и имел в виду это сказание.

К достопримечательностям церкви нужно, несомненно, отнести престол, сделанный из прелестного белого мрамора, с серыми жилками, украшенный золоченой резьбой.

Накануне освящения в церкви было отправлено всенощное бдение. На другой день с полпятого утра богослужение началось с каноном и акафистом Иверской Божией Матери (особенно уважаемой в Сенной Губе). Само освящение храма началось в восемь тридцать. Освящение церкви совершал, по благословению преосвященнейшего Павла, епископа Олонецкого и Петрозаводского, миссионер отец Петр Мегорский, в сослужении с благочинным четвертого округа и еще тремя священниками из ближних приходов.²⁰

Прерывая повествование А. Корсакова, коротко остановимся на личности Петра Мегорского, сыгравшего значительную роль в духовной и общественной жизни Леликова. Протоиерей, миссионер и просветитель, Петр Тимофеевич Мегорский родился 12 мая 1833 г. в Рубежском приходе Вытегорского уезда Олонецкой губернии. В 1855 г. Мегорский стал выпускником первого выпуска нового миссионерского отделения Олонецкой духовной семинарии. Из стен семинарии «должны были выйти миссионеры, подготовленные к антистарообрядческой деятельности как с теоретической, так и с практической точки зрения».²¹ С 1880 г. Петр Мегорский являлся миссионером Петрозаводско-Повенецкого округа, а с 24 марта 1887 г. ему было поручено «заведование Церковью во имя Честного и Славного Пророка Иоанна Предтечи и крестителя Господа нашего Иисуса Христа в новооткрытом Леликовском приходе из двух деревень Петрозаводского уезда».²² Стараниями П. Мегорского в октябре 1887 г. в Леликовском приходе была открыта церковно-приходская школа, о которой будет сказано ниже. Но уже в июне 1888 г. П. Т. Мегорский «умер от простуды, полученной в результате исполнения миссионерского долга».²³ Похоронен священник в Леликове. О заслугах П. Мегорского перед жителями деревни в некрологе, посвященном его памяти, было сказано следующее: «Всегда отец протоиерей любил отправлять службы и чинно, и не спеша, а его служения в Леликове были служением, можно сказать, удивительным как по продолжительности самого служения, так и по обилию поучений, сказанных отцом протоиереем леликовцам, которых желал он утвердить в истине их

²⁰ Там же.

²¹ *Ружинская И. Н.* Миссионерская деятельность в старообрядческом крае (на примере Олонецкой епархии XIX века).

²² Формулярные ведомости Леликовского прихода 1887 года. Ведомость о Церкви во имя Честного и Славного Пророка Иоанна Предтечи и Крестителя Господа нашего Иисуса Христа. НАРК, ф. 25, оп. 20, д. 26/271.

²³ Миссионер, протоиерей Петр Тимофеевич Мегорский. Некролог // Олонецкие губернские ведомости. 1888. № 50—52.

веры святой православной Христовой церкви, и чрез их посредство ослабить силу раскола в Сенной Губе и в Заонежье. Для них он сделал весьма и весьма много. Нашед благотворителя, давшего средства на постройку прекрасного храма, снабженного всей необходимой утварью церковной, он при помощи того же благотворителя изыскал средства к содержанию особого причта и к постройке дома для причта... и устроил церковно-приходскую школу, в коей теперь учится 28 человек детей (из них 6 девочек), приобретя средства к содержанию наставницы. Насколько любил отец протоиерей леликовцев и заботился о их духовном просвещении, видно уже из того одного, что, будучи совершенно больным и не имея сил совершить для них Богослужения 5 июня, он 4-го числа вечером многих пригласил к себе и читал, и объяснял для них дневное Евангелие».²⁴

Продолжая далее рассказ об освящении Леликовской церкви, А. Корсаков писал: «Перед началом освящения отцом миссионером было сказано поучительное слово о значении освящения храма, а также вкратце был им рассказан и самый процесс освящения, причем он весьма вразумительно доказывал раскольникам (которых собралось не мало) многие коренные их заблуждения. Слово, сказанное живым, разговорным, понятным для каждого простолюдина языком, видимо, произвело впечатление на „серых” слушателей. Вскоре после начала освящения о. Петру сказали, что „староверка” желает присоединиться... Оказалось, что это та самая старушка, о которой было сказано, что она оказалась в отношении себя пророчицей.

Какое громадное впечатление произвело на массу это присоединение, сопровождаемое по обряду православной церкви торжественным богослужением, напоминающим евангельскую притчу о блудном сыне... Многие плакали и повергались на землю...

Ко дню освящения храма нанят был строителями пароход „Петрозаводск”, чтобы свести из Петрозаводска на освящение как о. протоиерея Мегорского, так и вообще желающих помолиться на освящении, причем плата за проезд ... была предназначена (и поступила) в пользу новопостроенной церкви.

К освящению храма прибыли из Петербурга некоторые главные жертвователи, как например И. Ф. Клегеров, Г. Ракеев, фотограф-любитель, снявший виды церкви как наружный со всех сторон, так и внутренний. Между прочим, он привез данный его матери высокопреосвященнейшим Исидором для передачи в церковь небольшой образ Иверской Божией Матери, с благословением высокопреосвященнейшего, причем господин Ракеев передал, что митрополит сказал, что в день освящения он помолится о воздвигнутом храме, о его строителях и о даровании служителям его сил для борьбы с расколом и сопряженным с ним невежеством.

Деревня Леликово имеет до 150 душ крестьян, которые если бы и все были православными, то при отсутствии церкви и пастыря духовного немного бы успели в православном житии; но в Сенной губе, при массе рассеянных на ней островов, из которых на очень многих существуют деревни, необходимость храма очевидна. Кроме того, что православные поселяне будут иметь возможность получать духовную пищу, и раскольники, хотя из любопытства заглянувшие в церковь и увидавшие наше православное церков-

²⁴ Там же. № 51.

ное благолепие, должны будут заинтересоваться сравнительно мало знакомым им богослужением; а принимая во внимание разумное, живое слово, которое они могут услышать с церковной кафедры, — понятно будет и влияние храма на их религиозно-нравственный быт. Наконец, еще чисто практическое удобство: вблизи от Леликова нет церквей, и если кто из живущих на других островах ... пожелает отправиться в церковь, то неминуемо должен ехать в лодке, а в непогоду — сидеть дома. Как это удобно, доказательством служит печальное происшествие, случившееся накануне освящения, именно 7 сентября в воскресенье, в восемь вечера. Дул „сиверик” очень крепкий. Крестьянин... отправился в лодке на освящение, „тороком” (шквалом) вырвало из его рук шкоты (веревки, удерживающие парус), и этими шкотами и парусами сшибло его с лодки, которая унеслась и была поймана уже на другой день, а мужик утонул. Этот поселянин был из деревни, где существует церковь, и его влекло кроме богомольности весьма понятное любопытство посмотреть освящение храма; а жители Леликова и их соседи, если хотели молиться, должны были, раз сильный ветер, постоянно подвергаться опасности утонуть...

...Цель постройки храма — борьба с расколом. Но один храм, без священнослужителя, еще не оружие для борьбы...

...Пароход встретила тысячная толпа народа из соседних деревень, причем женский элемент преобладал. Гористый берег, испещренный сплошной массой красных, синих, пестрых костюмов, представлял весьма живописное зрелище. Г. Ракеев воспользовался случаем и снял (по моментальному способу) пристань и берег со всеми на них находившимися.

По окончании освящения и литургии была предложена строителями многим приглашенным закуска „а ля фуршет”... Для этой закуски был изготовлен рядом с часовней шатер, в котором парусина служила вместо потолка, а березы и ели — вместо стен.

По случаю бури пароход выехал из Леликова не в понедельник, как было объявлено в афише, а во вторник, в шесть часов утра». ²⁵

Как видим, автор, вплетая в повествование массу фактов, коротких сюжетов, описаний, сумел в легком, изящном, способном увлечь читателя стиле не только рассказать об особенностях религиозной жизни в деревне, но и предоставить нам интересную этнографическую и историческую информацию о леликовском сообществе того времени.

В 1887 г. заведование церковью Иоанна Предтечи было поручено, как указано выше, отцу протоиерею Петру Мегорскому. В ноябре 1887 г. «Олонецкие губернские ведомости» писали о том, что «в Леликовском приходе Петрозаводского уезда заботливостью и старанием местного настоятеля церкви миссионера протоиерея Петра Мегорского второго октября открыта церковно-приходская школа и что по случаю юбилея его преосвященства, преосвященнейшего Павла, епископа Олонецкого и Петрозаводского, для сей школы сделаны пожертвования следующими лицами: отцом миссионером протоиереем Мегорским — 20 р., местным дьяконом Матвеем Антоновым — 10 р., Григорием Захаровым с собранными им от разных лиц — 44 р., мастерами и некоторыми чиновниками в г. Петрозаводске — 23 р. 57 к., Ильей и

²⁵ Олонецкая летопись. Город Петрозаводск, 23 сентября. Освящение храма // Олон. губ. ведомости. 1886. № 73.

Иваном Коросовыми — 10 р. и разными лицами слишком 30 р., всего всеми — 137 р. 87 к.». ²⁶

Впоследствии, с 1890 г. священником Леликовской церкви был назначен Николай Александрович Петропавловский, сын известного священнослужителя Александра Петропавловского, корреспондента Русского географического общества. «Николай родился в Юштозерском погосте Повенецкого уезда 18 апреля 1863 года. В 1883 г. окончил Олонецкую духовную семинарию. С 1883 по 1890 г. был, как и дед, учителем Великогубского земского училища. Женился он на дочери толвуйского священника (к тому времени умершего) Василия Герасимова Соловьева Параскеве Васильевой в 1889 г., а 5 августа 1890 г. был рукоположен во священника к Леликовской Предтеченской церкви и определен законоучителем Леликовской церковно-приходской школы. Он прослужил в этой церкви без малого 30 лет». ²⁷ Согласно списку духовенства Олонецкой губернии 1904 г., Леликовский приход относился к IV благочинническому округу Петрозаводского уезда, священником значился Николай Александрович Петропавловский, псаломщиком — Иван Максимович Коржавин. Н. А. Петропавловский являлся одновременно заведующим и законоучителем церковно-приходской школы, учительницей в которой числилась Пиама Васильевна Мудролобова. ²⁸

Священнослужение в Олонецкой губернии (в заонежских приходах, в частности) было семейным делом. «На протяжении столетий в лоне семьи складывалось своеобразное сословие традиционного общества — сельское духовенство. К рубежу XIX—XX вв. деревенский священник представлял собой редкий тип интеллигента-крестьянина, в котором сочетался опыт разных слоев населения. Сельский священник как никто другой уважал и понимал крестьянина, ибо занятый одновременно духовным просвещением и крестьянским трудом знал о его проблемах изнутри. Не случайно священники стали одними из лучших бытописателей крестьянского уклада, традиционной обрядности в дореволюционной периодической печати. Их трудами были сформированы основные фонды многих столичных архивов, в том числе фонд Олонецкой губернии Русского географического общества в С.-Петербурге». ²⁹

Подвижническая и просветительская деятельность сельского духовенства Заонежья оборвалась с началом исторических событий 1917—1918 гг. Н. А. Петропавловский в 1918 г. выехал с семьей в Киев, к одной из старших дочерей. Во время Второй мировой войны его дочь Вера Николаевна вместе с мужем и детьми была репатрирована в Германию, откуда после войны переехала в Америку. Внук Николая Петропавловского Святослав Александрович Поллак, профессор Калифорнийского университета, в 2001 г. прислал в Музей «Кижский» краткие воспоминания и семейные фотографии. Летом 2004 г. пото-

²⁶ Новая церковно-приходская школа в Леликовском приходе // Олон. губ. ведомости. 1887. № 91.

²⁷ Калашикова Р. Б. Священники-бытописатели Олонецкой губернии середины 19 века (А. Петропавловский, И. Ивановский, А. Георгиевский) // Кижский вестник. 2003. № 8. <http://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-8/298.html>

²⁸ Памятная книжка Олонецкой губернии на 1904 год. С. 99—156.

²⁹ Калашикова Р. Б. Из истории семей заонежских священников (конец 18—первая треть 20 в.) // Кижский вестник. 2002. № 7.

мок настоятеля православного храма, в котором служил его дед, посетил церковь и «был удручен состоянием культового сооружения».³⁰

История Предтеченской церкви в Леликове прервалась более чем на восьмидесятилетний период. Традицию богослужений в честь престольного праздника Иоанна Предтечи возобновил в 1999 г. протоиерей Николай Озолин. С тех пор 7 июля стал днем, который леликовцы (бывшие местные жители, их дети и внуки, приезжающие летом на остров) с нетерпением ждут, готовятся к празднику, пекут пироги, приводят в порядок помещения церкви и территорию возле нее. Благодаря отцу Николаю, который сплотил людей идеей возрождения престольного праздника и сохранения храма, церковь словно задышала новой жизнью, став духовным достоянием для местных жителей и культурным — для всех посещающих остров. В Иванов день здесь проходит праздничное богослужение, за которым следует торжественный крестный ход, после чего праздник продолжается неофициальной частью — заонежскими хороводами и чаепитием. Церковь в Леликове вновь стала святыней, леликовцы с любовью называют ее «нашей красавицей». Становятся традицией семейные посещения храма, в церкви крестят детей. Летом у иконостаса всегда стоят живые цветы, но, к сожалению, иконостас пока почти пустой, лишь несколько икон заполняют резные рамы с остатками позолоты.

Немалую лепту в возрождение храма внесли реставраторы Музея-заповедника «Кижы». В ноябре 2004 г. газета «Кижы» писала: «В этом году срочная „терапия“ понадобилась церкви Иоанна Предтечи в деревне Леликово. Конструкции уникального храма XIX века находились в предаварийном состоянии: разрушенное крыльцо, сорванная металлическая обшивка главок, отсутствие водоотводной доски поверх фундамента, выбитые окна. Вода беспрепятственно затекала внутрь здания, разрушая интерьер церкви — погибал резной иконостас. По словам Александра Любимцева, главного хранителя Музея-заповедника „Кижы“, увлажнение внутренних конструкций церкви могло повлечь за собой обрушение строительных конструкций, что представляло серьезную опасность для людей, которые по старой памяти приходили в деревенскую церковь ...Музей-заповедник „Кижы“ забил тревогу. Высококласные мастера из Плотницкого центра, реставраторы и другие специалисты музея взяли на себя заботу о спасении заонежского архитектурного наследия. Николай Попов, Александр Любимцев, Андрей Ковальчук, Анна Косканен, Юрий Протасов, Геннадий Кялин, Ян Стукалов, Александр Жуков, Юрий Ивашков и Илья Зайцев работали не покладая рук в выходные дни. В результате напряженной работы была сооружена конструкция, поддерживающая старинное крыльцо, частично устранены его деформации, а главки обшиты рубероидом там, где сорван металл. Восстанавливается остекление. Работы по спасению памятника продолжаются».³¹

К настоящему времени восстановлен старинный дубовый паркет, отремонтирована ведущая на колокольню лестница. Жители деревни занимались внутренними отделочными работами церковных помещений. Но проделана только часть реставрационных работ: «Требуется ремонт крыльца, необходимо установить кресты на купола храма, планируется приобретение икон для заполнения старинного иконостаса. На все эти работы в настоящее время нет

³⁰ Кижская «неотложка» // Газета «Кижы». 2004. № 6.

³¹ Там же.

необходимых средств, но местные жители, с любовью и заботой относящиеся к своему храму, собирают пожертвования и надеются на помощь благодетелей».³²

В деревне храм был не только одним из наиболее красивых архитектурных сооружений, но и центром духовного единения ее жителей. Поэтому возрождение Предтечинской церкви в Леликове — это, с одной стороны, возможность спасти один из уникальных памятников северного деревянного зодчества, а с другой — надежда на сохранение исторической памяти людей, поскольку с историей церкви связаны и отдельные судьбы, и история целой заонежской деревни.

ЛИТЕРАТУРА

- Воробьев И. С.* Кузнечное ремесло Кижской волости по данным архивных источников // Краеведческие чтения. (Матер. IV науч. конф., 16—17 февраля 2010 г.). Петрозаводск, 2011. С. 32—35.
- Воробьева С. В.* Некоторые особенности семейно-бытового и хозяйственного укладов в сказительских семьях и проблема сохранения и передачи традиции былинного сказительства // Кижский вестник. 2002. № 7. <http://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-7/283.html>
- Газета «Кижичи». 2004. № 6.
- Геологический очерк Заонежья // Олон. губ. ведомости. 1895. № 55.
- Гильфердинг А. Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды (вводная статья) // Онежские былины, записанные А. Д. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4-е. М., 1949. Т.1. С. 29—85.
- Гуцин Б. А.* Социально-экономический уклад заонежской деревни в пореформенный период // Традиционная культура русских Заонежья (дополнительные материалы). <http://kizhi.karelia.ru/library/traditsionnaya-kultura-russkih-zaonezhya-dopolnitelnyie-materialy/811.html>
- Калашикова Р. Б.* Из истории семей заонежских священников (конец 18—первая треть 20 в.) // Кижский вестник. 2002. № 7. Музей-заповедник «Кижичи». Петрозаводск.
- Калашикова Р. Б.* Священники бытописатели Олонецкой губернии середины 19 века (А. Петропавловский, И. Ивановский, А. Георгиевский) // Кижский вестник. 2003. № 8. Музей-заповедник «Кижичи». Петрозаводск. <http://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-8/298.html>
- Мельников И. В.* Рыболовный промысел в Заонежье (краткий исторический очерк) // Кижский вестник. 1999. № 5. <http://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-5/248.html>
- Олонецкие губернские ведомости. 1886. № 73; 1887. № 91; 1888. № 50, 51, 52.
- Памятная книжка Олонецкой губернии на 1904 год. Изд. Олонец. губ. стат. ком. / Сост. И. Благовещенский. Петрозаводск: Губернская типография, 1904. 38 с.
- Православие в Карелии. Информационный портал Петрозаводской и Карельской епархии. <http://eparhia.karelia.ru/kz12.htm>
- Ружинская И. Н.* Заонежское старообрядчество в первой половине XIX века // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. (Матер. IV Междун. науч. конф. «Рябинские чтения-2003»). <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/60.html>

³² Старинная Заонежская церковь нуждается в помощи // Православие в Карелии. Информационный портал Петрозаводской и Карельской епархии. <http://eparhia.karelia.ru/kz12.htm>

- Ружинская И. Н.* Миссионерская деятельность в старообрядческом крае (на примере Олонецкой епархии XIX в.) // Макарьевские чтения. (Матер. IV Междун. конф.). Горно-Алтайск, 2005. С. 64—70.
- Трифонова Л. В.* Из истории семьи столяров-краснодеревщиков Гайдиных // Рябининские чтения-1999. Петрозаводск. 2000. <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1999/224.html>
- Трифонова Л. В.* Отходничество заонежан в Петербург в конце 19—начале 20 в. // Кижский вестник. 1999. № 5. <http://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-5/243.html>
- Формулярные ведомости Леликовского прихода 1887 года. Ведомость о Церкви во имя Честного и Славного Пророка Иоанна Предтечи и Крестителя Господа нашего Иисуса Христа // НАРК, ф. 25, оп. 20, д. 26/271.
- Электронный каталог населенных мест Карелии XV—XX вв. Электронный ресурс ИЯЛИ КарНЦ РАН.

S. V. Kovaleva

DISAPPEARING PEARLS OF ZAONESHJE

Article is devoted to the history of unique wooden church, located on the island of Little Lelikovsky. The fate of John the Baptist church, which was built over a hundred years ago, linked with the fate Zaonezhskaya village which more than fifty years is not an official administrative unit. Temple needs restoration works that were started descendants of locals and carpenters of the Kizhi-Museum. The church is reviving the tradition of worship in honor of the patronal feast of St. John the Baptist.

Keywords: Church of St. John the Baptist, Lelikovo, church history, the revival of traditions, restoration.

LITERATURA

- Vorobev I. S.* Kuznechnoe remeslo Kizhskoy volosti po dannym arkhivnykh istochnikov // Kraevedcheskie chteniya. Materialy IV nauchnoy konferentsii, 16—17 fevralya 2010 g. Petrozavodsk, 2011.
- Vorobeva S. V.* Nekotorye osobennosti semeyno-bytovogo i khozyaystvennogo ukladov v skazitelskikh semyakh i problema sokhraneniya i peredachi traditsii bylinnogo skazitelstva // Kizhskiy vestnik 2002. № 7. <http://kizhi.karelia.ru/library/vestnik/7/283.html>
- Gazeta «Kizhi». 2004. № 6.
- Geologicheskii ocherk Zaonezhya // Olonetskie gubernskie vedomosti. 1895. № 55.
- Gilferding A. F.* Olonetskaya guberniya i ee narodnye rapsody (vvodnaya statya) // Onezhskie byliny, zapisannye A.D. Gilferdingom letom 1871 goda. Izd. 4-e. M., 1949. T. 1.
- Gushchin B. A.* Sotsialno-ekonomicheskii uklad zaonezhskoy derevni v poreformennyi period // Traditsionnaya kultura russkikh Zaonezhya (dopolnitelnye materialy). <http://kizhi.karelia.ru/library/traditsionnaya-kultura-russkih-zaonezhya-dopolnitelnyie-materialyi/811.html>
- Kalashnikova R. B.* Iz istorii semey zaonezhskikh svyashchennikov (konets 18—pervaya tret 20 v.) // Kizhskiy vestnik. 2002. № 7. Muzei-zapovednik «Kizhi». Petrozavodsk.
- Kalashnikova R. B.* Svyashchenniki bytopisateli Olonetskoj gubernii serediny 19 veka (A. Petropavlovskiy, I. Ivanovskiy, A. Georgievskiy) // Kizhskiy vestnik. 2003. № 8. Muzei-zapovednik «Kizhi». Petrozavodsk. <http://kizhi.karelia.ru/library/vestnik/8/298.html>

- Melnikov I. V.* Rybolovnyy promysel v Zaonezhe (kratkiy istoricheskiy ocherk) // Kizhskiy vestnik. 1999. № 5. <http://kizhi.karelia.ru/library/vestnik5/248.html>
- Olonetskie gubernskie vedomosti. 1886. № 73; 1887. № 91; 1888. № 50, 51, 52.
- Pamyatnaya knizhka Olonetskoy gubernii na 1904 god. Izdanie Olonets. gub. stat. kom.; Sost. I. Blagoveshchenskiy. Petrozavodsk: Gubernskaya Tipografiya, 1904.
- Pravoslaviye v Karelii. Informatsionnyy portal Petrozavodskoy i Karelskoy eparkhii. <http://eparhia.karelia.ru/kz12.htm>
- Ruzhinskaya I. N.* Zaonezhskoe staroobryadchestvo v pervoy polovine XIX veka // Lokalnye traditsii v narodnoy kulture Russkogo Severa: Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Ryabiniskie chteniya-2003». <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin2003/60.html>
- Ruzhinskaya I. N.* Missionerskaya deyatelnost v staroobryadcheskom krae (na primere Olonetskoy eparkhii XIX v.) // Makarevskie chteniya. (Mater. IV mezhdun. konf.). Gorno-Altaysk, 2005.
- Trifonova L. V.* Iz istorii semi stolyarov-krasnoderevshchikov Gaydinykh // Ryabininskie chteniya-1999. Petrozavodsk, 2000. <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin1999/224.html>
- Trifonova L. V.* Otkhodnichestvo zaonezhan v Peterburge v kontse 19—nachale 20 v. // Kizhskiy vestnik. 1999. № 5. <http://kizhi.karelia.ru/library/vestnik5/243.html>
- Formulyarnye vedomosti Lelikovskogo prikhoda 1887 goda. Vedomost o Tserkvi vo imya Chestnago i Slavnago Proroka Ioanna Predtechi i Krestitelya Gospoda nashego Iisusa Khrista // NARK, f. 25, op. 20, d. 26/271.
- Elektronnyy katalog naselennykh mest Karelii XV—XX vv. Elektronnyy resurs IYaLI KarNTs RAN.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- БАЖЕНОВА
Наталья Михайловна — кандидат филологических наук, зав. научно-исследовательским отделом изданий Академии наук Библиотеки РАН.
- БИЛЬДЮГ
Арина Борисовна — младший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
- БОВИН
Владимир Борисович — ведущий инженер по звукозаписи Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.
- БУРЫКИН
Алексей Алексеевич — доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН.
- ВЛАСОВ
Андрей Николаевич — доктор филологических наук, зав. Отделом русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
- ВАСКУЛ
Анастасия Игоревна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
- ЕРШОВ
Леонид Александрович — специалист I категории Российского государственного исторического архива.
- ЕФИМОВА
Наталья Алексеевна — ведущий библиотекарь Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук.
- КОВАЛЕВА
Светлана Викторовна — кандидат филологических наук, ученый секретарь Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук.
- КОЗНЕВА
Людмила Михайловна — кандидат филологических наук, доцент Вологодского государственного педагогического университета.
- КОРОЛЬКОВА
Людмила Валентиновна — кандидат исторических наук, научный сотрудник высшей категории Отдела этнографии народов Северо-Запада и Прибалтики Российского этнографического музея.
- КОМЕЛИНА
Наталья Геннадьевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
- КУЖЛЕВ
Максим Валентинович — студент IV курса филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.
- ЛУНЦ
Сергей Андреевич — младший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

- ЛЫЗЛОВА
Анастасия Сергеевна — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.
- РОЩЕВСКАЯ
Лариса Павловна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела «Научный архив и энциклопедия» Коми научного центра Уральского отделения РАН.
- ШАБАЛИНА
Ольга Вячеславовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра Российской академии наук.

СОДЕРЖАНИЕ

I. БИБЛИОТЕКИ И АРХИВЫ — ИСТОЧНИК РЕАЛИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ ГУМАНИТАРИЕВ

<i>А. С. Лызлова.</i> Неопубликованные сборники сказок из фондов научного архива КарНЦ РАН	3
<i>О. В. Шабалина.</i> Материалы персональных фондов В. В. Чарнолуского, Я. А. Комшилова Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН как источники по истории этнографических исследований на северо-западе России	13
<i>Н. М. Баженова.</i> Деятельность Императорской Академии наук по сохранению личных архивов и библиотек в ходе Первой мировой войны.	29
<i>Л. П. Роцевская.</i> Документы В. Г. Базанова в научном архиве Коми научного центра Уральского отделения РАН	37
<i>Л. В. Королькова.</i> Культурные памятники Северо-Запада России в собрании Отдела фотографии Российского этнографического музея	49
<i>В. Б. Бовин.</i> Опыт создания страховой копии фонда использования рукописных материалов архива	60

II. ЭКСПЕДИЦИИ КАК ИСТОЧНИК ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

<i>А. И. Васкул, Н. Г. Комелина.</i> Экспедиции Отдела русского фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН 2007—2013 гг.	68
<i>А. Б. Бильдюг, Л. А. Еришов, Н. А. Ефимова, М. В. Кужлев, С. А. Лунц.</i> Археографические экспедиции Пушкинского Дома в северо-западные районы Кировской области (2012—2013)	76

III. СОБИРАТЕЛИ КОЛЛЕКЦИЙ

<i>А. Н. Власов.</i> Роль местных краеведов в изучении и собирании устьянского фольклора. Михаил Иванович Романов (1886—1956)	83
<i>А. А. Бурькин.</i> К истории собирания этнографических коллекций Кунсткамеры по народам Западной Сибири в 1920-е годы: жизнь и судьба Н. А. Котовщиковой	95
<i>Л. М. Кознева.</i> Вологодские учителя — собиратели народного слова (XIX в.)	106
<i>С. В. Ковалева.</i> Исчезающие жемчужины Заонежья	118
Сведения об авторах	131

Научное издание

ТРУДЫ
ОБЪЕДИНЕННОГО НАУЧНОГО СОВЕТА
ПО ГУМАНИТАРНЫМ ПРОБЛЕМАМ
И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМУ
НАСЛЕДИЮ
2013

*Утверждено к печати
Санкт-Петербургским научным центром
Российской академии наук*

Редактор издательства *Т. П. Жукова*
Художник *П. Палей*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Корректоры *Н. И. Журавлева, А. К. Рудзик и Е. В. Шестакова*
Компьютерная верстка *Т. Н. Поповой*

Подписано к печати 21.04.2014. Формат 70 × 100 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11.1. Уч.-изд. л. 11.2.
Тираж 115 экз. Тип. зак. № 1164

Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.com

ООО «ИПК «Береста»
196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, 28

ISBN 978-5-02-038233-6



9785020382336

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины с отделами «Книга—почтой»

- 119192 Москва, Мичуринский проспект, 12, корп. 1;
(код 495) 932-78-01
Сайт: <http://LitRAS.ru/>; e-mail: okb@LitRAS.ru
- 199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1;
(код 812) 328-38-12; e-mail: naukaspb1@yandex.ru

Магазины «Академкнига» с указанием букинистических отделов

- 660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45;
(код 3912) 27-03-90; akademkniga@bk.ru
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
(код 499) 124-55-00 (Бук. отдел)
- 119192 Москва, Мичуринский проспект, 12;
(код 495) 932-74-79 (Бук. отдел)
- 101000 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8, строение 4;
(код 495) 624-72-19
- 142290 Пушкино Московской обл., МКР «В», 1;
(код 49677) 3-38-80
- 191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57;
(код 812) 273-13-98; academkniga.spb@bk.ru
(Бук. отдел)

Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон для оптовых покупателей: (код 499) 143-84-24
Сайт: <http://LitRAS.ru/>
E-mail: info@LitRAS.ru
Отдел логистики, телефон: (код 495) 932-74-71
Факс: (код 499) 143-84-24